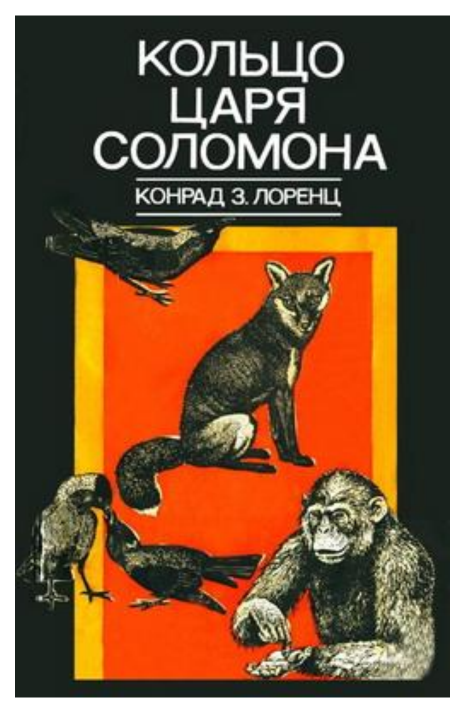
Конрад З. Лоренц
Кольцо царя Соломона

TaKir http://lib.aldebaran.ru
«Кольцо царя Соломона»: Знание; Москва; 1980

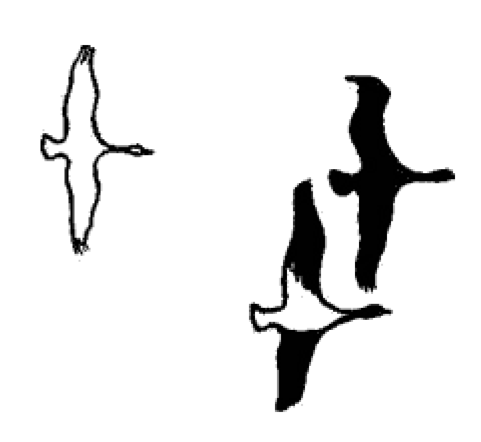
Аннотация

Автор — современный учёный, лауреат Нобелевской премии, один из основоположников науки о поведении животных — этологии.

Неоценимое достоинство книги Конрада Лоренца, написанной четверть века назад и пользующейся неизменной популярностью, состоит в том, что она живо, просто и доступно рассказывает о научном поиске, пробуждая в читателе стремление к глубокому познанию окружающего нас мира.

РИСУНКИ АВТОРА

Конрад З. Лоренц
Кольцо царя Соломона

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книги, подобно людям, имеют свои неповторимые судьбы. Срок жизни одних книг короток, и мы быстро забываем об их существовании. Другие, как лучшие друзья, сопутствуют человеку на протяжении всей его жизни, а затем остаются служить его детям и внукам. Есть книги, любимые в детстве и остающиеся только в воспоминаниях детства. Есть и такие, которые мы вновь и вновь открываем для себя в юности, в зрелости и на склоне лет. Эти книги как бы заново возрождаются к жизни с каждым их новым изданием. Они отмечены печатью неизменного признания и интереса со стороны читателей разных стран, возрастов и склонностей.

К числу таких книг со счастливой судьбой относится книжка Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона». Хотя срок её жизни составляет немногим больше четверти века, за это время она получила широкую известность и признание среди читателей многих стран мира. Впервые эта книга была опубликована не в Австрии, на родине её автора, а в Великобритании. Это произошло в 1952 г. В 1957 г. книга была переиздана на английском языке; выдержала несколько изданий на других языках; в 1970 г. вышла в русском переводе в издательстве «Знание».

В чем же секрет неизменного успеха, сопутствовавшего этой книге на протяжении 25 лет? Дело в том, что «Кольцо царя Соломона» — один из лучших образцов литературного жанра, рождённого расцветом современной науки и её все более глубоким проникновением в повседневную жизнь человека XX столетия.

В наши дни наука перестаёт быть неким таинством, совершающимся за стенами научных лабораторий и недоступным «простому смертному». Сегодня любое сколько-нибудь значительное научное открытие в короткий срок становится достоянием самых широких кругов читателей. Научно-популярные журналы, число которых растёт с каждым днём, оказываются одним из наиболее популярных видов чтения. Ежедневно газеты и телевидение знакомят нас со сложнейшими астрономическими, физическими, биологическими концепциями, которые ещё совсем недавно могли бы показаться неспециалисту таинственными и уместными лишь на страницах сугубо специального научного трактата.

Сделать достижения современной науки доступными и понятными для каждого, увлечь читателя атмосферой научного поиска, породить в нём стремление к глубокому познанию окружающего нас мира — вот те воистину священные задачи, которые стоят сейчас перед учёными, влюблёнными в своё дело. Конрад Лоренц относится именно к числу таких исследователей. «Разве не должен этолог, поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об интимной жизни животных? В конце концов, каждый учёный должен считать своим долгом, рассказать широкой публике в общедоступной форме о том, чем он занимается», — так пишет автор в предисловии к своей книге.

Для того чтобы писать о своей науке для всех, учёному мало быть профессионалом в своей области. Он должен обладать ещё и талантом писателя. Эти качества — доскональное знание предмета и живой дар литератора — удивительным образом сочетаются в богатой личности К. Лоренца. Образование его фундаментально — помимо зоологического факультета Венского университета, он окончил также философский и медицинский факультеты. Его научная деятельность получила мировое признание: работая директором Института сравнительной физиологии в Зеевизене (ФРГ), К. Лоренц избран членом Американского и Датского орнитологических обществ, Индийской зоологической академии, Швейцарской академии наук и ЮНЕСКО. В 1973 г. он удостоен одной из высших наград за плодотворную научную деятельность — Нобелевской премии. Об авторитете К. Лоренца как профессионального писателя свидетельствует тот факт, что он является действительным членом Немецкой ассоциации писателей. Нашему читателю известна ещё одна талантливая книжка К. Лоренца-«Человек находит друга», изданная в издательстве «Мир» в 1971 г.

Читателю предстоит составить собственное мнение о литературных достоинствах

книги «Кольцо царя Соломона». Я думаю, что она способна увлечь каждого, кто неравнодушен к природе и к тайнам мира животных. Любопытна другая деталь. Будучи законченным художественным произведением, привлекательным и доступным для каждого из нас, эта книга представляет живой интерес и для зоологов-профессионалов. В момент своего написания талантливые научно-популярные работы К. Лоренца сыграли важную роль в распространении новых и непривычных в то время взглядов на сущность поведения животных. Сам автор писал по этому поводу следующее: «Обе мои книги — и „Кольцо царя Соломона“ и „Человек находит друга“ — можно рассматривать как небольшие и весьма скромные введения в этологию. Я позволяю себе говорить об этом потому, что знаю немало естествоиспытателей, которые обратили внимание на нашу науку именно благодаря этим книгам». Ссылки на «Кольцо царя Соломона» мы можем ещё и сегодня найти во многих сугубо научных статьях и книгах. Непосредственность стиля, окрашенного своеобразием личности автора и его мягким юмором, не помешала специалистам-зоологам увидеть в этом сборнике новелл обилие новых фактов и богатство плодотворных идей, послуживших около 40 лет назад фундаментом этологии — науки о поведении животных.

Не многим учёным выпала честь ещё при жизни получить всеобщее признание в качестве основателя нового научного направления. К. Лоренц относится именно к числу таких исследователей. В 30-х годах нашего века, когда зоологи, психологи и физиологи делали самые первые попытки подойти с разных сторон к строго научному описанию и анализу поведения животных, К. Лоренц выступает с серией фундаментальных статей, в которых проблема поведения рассматривается во всем её сложнейшем многообразии. Основное кредо К. Лоренца состояло в том, что мы не сможем понять внутренний мир и мотивы поведения животных до тех пор, пока не покинем стены физиологических и зоопсихологических лабораторий и не освободим подопытных животных из тесных клеток и экспериментальных станков. Только свободное животное может в полной мере продемонстрировать наблюдателю все богатство и всю сложность своей психики. Разумеется, в этом смысле наибольшие возможности предоставляют наблюдения в условиях девственной природы, где связи живого существа со средой и с себе подобными проявляются в наиболее гармоничной и естественной форме. Однако мы можем отчасти упростить свою задачу, поселив интересующих нас животных у себя дома, но при этом по возможности не ограничивая свободы их передвижения и действий.

Но все это — лишь способ, который даёт возможность познать истинную сущность вещей. А что, собственно, должен понять этолог, исследуя поведение животных? Здесь К. Лоренц видит несколько задач, теснейшим образом связанных друг е другом. Во-первых, этологам предстоит дать ответ на многовековой вопрос, поставленный ещё античными учёными: «Что такое инстинкт?». Во-вторых, необходимо узнать, руководствуется ли животное в своих поступках только этим пресловутым «инстинктом» или же существуют и другие факторы, ответственные за поведение живых существ. Очевидно, что наряду с инстинктивными реакциями, которые присущи животному от рождения, в течение его жизни формируются и другие, требующие для своего развития определённого индивидуального опыта или обучения. Отсюда третья задача — узнать, каково соотношение между инстинктивными, врождёнными формами поведения и теми реакциями, которые приобретаются за счёт жизненного опыта. Как формируется причудливая мозаика поведения особи на протяжении её жизни — от момента рождения и до наступления зрелости?

Но, ответив на все эти вопросы, мы оказываемся перед рядом других, не менее интересных и важных. Один из них состоит в том, как именно животные общаются друг с другом. Основано ли их взаимопонимание только на обмене врождёнными сигналами или же здесь есть место и личным привязанностям, симпатиям и склонностям? В чем сходство и в чём принципиальные различия между «языками» животных и языком человека?

Наконец, если представить себе эволюцию животного мира как развитие от простейших одноклеточных существ до высших позвоночных (в том числе и человека), то совершенно естественным становится желание учёных узнать, как же в процессе

органической эволюции преобразовывалось поведение животных? Действительно, в самом начале этого необозримого пути природы мы находим существ с поведением простейших автоматов, а в конце его — животных с тончайшей психической организацией, позволяющей им мгновенно приспосабливаться к самым неожиданным и совершенно новым для них изменениям во внешней среде.

Многие из перечисленных здесь вопросов ставились учёными и до появления основополагающих трудов К. Лоренца. Непосредственными его предшественниками были Ч. Уитмен и У. Крег в США, Я. Икскюль и О. Хейнрот в Германии, Дж. Хаксли в Англии. Трудно переоценить и то влияние, которое оказала на творчество К. Лоренца теория видообразования Ч. Дарвина. Но величайшая заслуга К. Лоренца состоит в том, что он, взяв самое существенное в трудах всех этих и многих других его предшественников и современников, создал единую теоретическую систему. Тем самым учёному удалось ясно очертить поле деятельности новой науки и указать направления поисков и основные пути решения наиболее актуальных вопросов. «Я вижу заслугу своей работы в том, — писал К. Лоренц, — что она открывает широкое поле исследований в той области, которая до недавнего времени была трудно достижимой».

Будучи большим учёным с философским складом ума, К. Лоренц не может остановиться на полпути и не обратить своего взгляда в сферу интереснейших проблем, связанных со спецификой и эволюцией поведения человека. Как биологический вид человек вышел из животного мира, так что у нас нет никаких оснований отрицать преемственность в поведении животных и человека. Если это так, то глубокое знание механизмов поведения животных даёт нам необходимый ключ к пониманию путей становления и эволюции поведения человека. А ведь человек стал «Человеком Разумным» именно благодаря прогрессивным изменениям в его поведении — он научился изготовлять разнообразные орудия и использовать их по назначению, добывать огонь, выращивать хлеб и овощи, одомашнивать животных. Не удивительно, что проблема эволюции человеческого поведения, заложенная ещё трудами Ч. Дарвина, все чаще привлекает в наши дни внимание этологов и зоопсихологов. Эта тема всегда была очень близка и К. Лоренцу. Среди прочих вопросов, связанных с нею, Лоренца особенно интересует проблема происхождения различных ритуалов у человека (например, ритуал приветствия), а также пути возникновения и эволюции человеческой морали. С некоторыми взглядами автора на этот предмет читатель может познакомиться в последней главе этой книги, а также в статье «Эволюция ритуалов в биологической и культурной сферах», опубликованной в № 11 журнала «Природа» за 1969 г. Надо заметить, что хотя Лоренцу нельзя отказать здесь в наблюдательности и остроумии трактовок, некоторые проводимые им аналогии между поведением животных и человека могут оказаться при более глубоком раздумье достаточно поверхностными. Это обстоятельство неоднократно служило поводом для критики научно-популярных произведений Лоренца со стороны советских и зарубежных исследователей поведения животных.

В наши дни, когда этология становится развитой наукой, в которой занята целая армия профессионалов, не всем им удаётся избежать чисто утилитарного отношения к животным как к безликому «материалу» для исследований. Такой подход абсолютно чужд К. Лоренцу, все творчество которого окрашено глубоко личным отношением к нашим «братьям меньшим» как к существам с собственной индивидуальностью, заслуживающим защиты, любви и уважения. Вот источник той совершенно особой атмосферы, которая будет сопровождать читателя от первой до последней страницы этой замечательной книжки о работе учёного-энтузиаста и о его любимых питомцах.

Е. Н. ПАНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Во века веков не рождалось царя
Мудрее, чем царь Соломон;
Как люди беседуют между собой
Беседовал с бабочкой он[1]
Редьярд Киплинг

Библейская легенда рассказывает, что мудрый царь Соломон, сын Давида, «говорил и со зверями, и с дикими птицами, и с ползающими тварями, и с рыбами». Не совсем верное истолкование этого текста, который, очень вероятно, представляет собой самую старую в мире биологическую запись, породило прелестную сказку, что царь Соломон обладал способностью говорить на языке животных, скрытом от других людей. Но я склонен принять эту сказку за истину. У меня есть все основания верить, что Соломон действительно мог беседовать с животными и даже без помощи волшебного кольца, обладание которым приписывает ему легенда. Я сам могу делать то же самое, не прибегая к магии, чёрной или какой-либо иной. На мой взгляд, это не слишком занимательно — пользоваться волшебным кольцом, пытаясь понять Животных. Они могут рассказать человеку, и не пользующемуся сверхъестественной помощью, вещи ещё более замечательные и вполне правдивые, ибо правда о природе гораздо прекраснее и удивительнее всего, о чём пели наши великие поэты, эти единственные настоящие волшебники, существовавшие на Земле.

Я нисколько не шучу. Если «сигнальный код» общественных видов животных вообще можно назвать языком, то человек, изучивший этот «словарь», сможет понимать животных (данному вопросу посвящена одна из глав моей книги). Конечно, низшие и необщественные животные не имеют ничего, что должно было бы назвать языком даже в самом широком смысле хотя бы по той простой причине, что им нечего сказать. По той же причине невозможно сообщить что-либо им. Несомненно, исключительно трудно высказать что-то, способное заинтересовать этих «пресмыкающихся тварей». Однако путём изучения «словаря» высокоорганизованных общественных видов млекопитающих и птиц можно достигнуть изумительного подражания и взаимного понимания. В последних работах учёных, исследующих поведение животных, это становится делом само собой разумеющимся и перестаёт быть источником удивления. Но я ещё сохраняю в памяти яркое воспоминание об одном забавном эпизоде, принёсшем мне убеждённость, что удивительное и единственное в своём роде явление вполне возможно.

Прежде чем рассказать об этом, я должен описать обстановку, на фоне которой развёртывалась большая часть событий, описанных в моей книге. Прекрасная страна, примыкающая к обоим берегам Дуная в округе Альтенберг, — это истинный рай для натуралистов. Защищённые от наступления сельского хозяйства и цивилизации ежегодным весенним разливом Дуная густые ивовые леса, заросшие тростником болота и дремлющие воды простираются на много квадратных километров; остров первобытной дикости в самом центре Нижней Австрии; оазис девственной природы, где красный олень и косуля, цапля и баклан пережили даже превратности последней ужасной войны. Здесь, как в любимой Вордсвортом[2] Стране Озёр:

Среди осоки дикой утки всплеск,
И щучьей чешуи мгновенный блеск,
И цапля улетает в небосвод,
Как дротик, шею вытянув вперёд.

---

[1] Перевод стихов здесь и далее Н.Н. Панова.

[2] Вордсворт Уильям (1770-1850) — английский поэт, один из главных представителей английского романтизма.

Редко удаётся встретить в самом сердце старой Европы места, столь девственно дикие. Здесь наблюдается странный контраст между характером ландшафта и географическим положением места, а для глаз натуралиста этот контраст ещё более подчёркивается присутствием некоторых американских видов растений и животных, завезённых сюда ранее. Американская золотая розга встречается в изобилии, а под водой её заменяет канадская элодея; американский солнечный окунь[3] и кошачья рыба[4] обычны в заводях; и что-то грузное и громоздкое в фигуре нашего оленя напоминает вам, что Франц-Иосиф I, в зените своей охотничьей жизни, завёз в Австрию несколько сотен голов вапити[5].

Мускусная крыса[6] чрезвычайно обильна. Она пришла сюда из Богемии, куда впервые была завезена из Северной Америки. Громкие всплески хвоста ондатр, когда они ударяют по поверхности воды, желая подать сигнал тревоги, смешиваются с мелодичным свистом европейской иволги.

Ко всему этому добавьте зрелище Дуная, этого младшего брата Миссисипи; представьте себе могучую реку, текущую в широком, мелководном, извилистом ложе, её узкий навигационный проход, в отличие от всех других европейских рек постоянно меняющий своё направление, громадное пространство беснующейся воды, которая изменяет цвет в зависимости от времени года: от мутного, серовато-жёлтого — весной и летом до чистого, голубовато-зелёного — поздней осенью и зимой. Да, «голубой Дунай», воспеваемый в наших народных песнях, существует только в холодное время года.

Причудливо извивающаяся лента реки окружена холмами, покрытыми виноградниками, с вершин которых два раннесредневековых замка, Гренфенштейн и Крюзенщтейн, угрюмо смотрят поверх громадных пространств диких лесов и вод. Бот тот ландшафт, на фоне которого разворачивались события этой книги, ландшафт, который мне кажется самым прекрасным на Земле, ибо каждый человек вправе считать самым прекрасным те места, где он прожил большую часть своей жизни.

В один из жарких дней в начале лета, когда мы с доктором Зейтцем, моим другом и помощником, работали над фильмом о диких гусях, по этой прекрасной местности передвигалась чрезвычайно странная процессия, столь же причудливая, как и сам ландшафт. Впереди шествовал большой рыжий пёс, внешне напоминавший аляскинскую эскимосскую лайку, а на самом же деле — помесь австралийской и китайской пород. За ним два человека в плавках несли каноэ, за ними десять полувзрослых гусят вышагивали с чувством собственного достоинства, столь свойственного их племени. Тринадцать крошечных пищащих кряковых утят торопились следом, боясь отстать и стараясь держаться вместе с более крупными животными. В конце процессии маршировал странный, уродливый пегий

---

[3] Солнечный окунь, или солнечная рыбка (Gibbosus Lepomis), — рыба из семейства американских ушастых окуней, обитающих в Северной Америке. акклиматизирована в низовьях Дуная. Самцы ушастых окуней строят примитивное гнездо и охраняют икру, отложенную самкой.

[4] Кошачья рыба, или карликовый сомик (Amiurus nebulosus), — рыбка из отряда карпообразных. Питается главным образом личинками водных насекомых и моллюсками. Изредка — мелкой рыбой. Родина — Северная Америка, акклиматизировалась в водоёмах Белоруссии и Западной Украины.

[5] Вапити (Cervus canadensis) — крупный олень из группы благородных оленей, некогда широко распространённый в Северной Америке, к настоящему времени сильно истреблён человеком. Ближайший родственник вапити — европейский благородный олень Cervus elaphus. Автор имеет в виду, что завезённые в Европу вапити скрещивались с европейским оленем.

[6] Мускусная крыса, или ондатра (Ondatra zibethica), — очень крупная водяная полёвка, ценная для пушного промысла. Издавна добывается в больших количествах на своей родине, в Северной Америке. Акклиматизирована в Европе, с 30-х годов — в Советском Союзе. Сейчас — обычное, местами многочисленное животное на территории СССР — от европейской части до Дальнего Востока.

утёнок, не похожий ни на что на свете, — гибрид огаря[7] и египетского гуся[8]. Только плавки на бёдрах двоих участников этой сцены и кинокамера, висевшая через плечо одного из них, не позволяли предположить, что вы являетесь свидетелем сцены, происходящей в садах Эдема.

Процессия двигалась очень медленно, поскольку нам приходилось приноравливаться к движению самого слабого из наших утят, поэтому ушло много времени, прежде чем мы достигли места назначения — чрезвычайно живописной заводи, обрамлённой цветущими «снежными шарами» и выбранной Зейтцем для съёмки некоторых «ударных» сцен нашего фильма. Достигнув заводи, мы сразу же приступили к делу. В подзаголовке фильма значилось: «Научное руководство — доктор Конрад Лоренц. Оператор — доктор Альфред Зейтц». Поэтому я сразу начал руководить научной стороной съёмки, то есть попросту лёг на мягкую траву, окаймлявшую заводь, и стал нежиться на солнце. Зелёные лягушки лениво квакали, как и обычно в хорошие летние дни, большие стрекозы кружились в воздухе, и славка-черноголовка[9] пела свою нежную ликующую песенку в кустах, расположенных менее чем в трех ярдах от меня. Я слышал, как Альфред заводил камеру и ворчал на утят, которые то и дело оказывались перед объективом именно в тот момент, когда оператор намеревался снимать не их, а гусят. Где-то в моем мозгу неясно бродила мысль, что я должен подняться и помочь товарищу отогнать утят, но тело стало безвольным, и я погрузился в сон. Внезапно, сквозь дремотную неясность сознания до меня донёсся раздражённый голос Альфреда: «Рангрангрангрангранг, простите, я хотел сказать — куаг, гегегеге, куаг, гегегеге!» Засмеявшись, я проснулся. Зейтц хотел отозвать утят и по ошибке обратился к ним на языке дикого гуся.

Именно в этот момент у меня впервые возникла мысль написать книгу. Никто не оценил всей забавности ошибки Альфреда, ибо сам он был слишком поглощён своей работой. Мне очень захотелось рассказать кому-нибудь об этом случае, а потом я подумал, что можно рассказать о нем всем.

А почему бы и нет? Разве не должен этолог[10], поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об интимной жизни животных? В конце концов долг каждого учёного — рассказать широкой публике в общедоступной форме о том, чем он занимается.

Уже написано много хороших и плохих, верных и ошибочных книг о животных. Ещё одна книга, состоящая из правдивых рассказов, не принесёт большого вреда. Я не хочу сказать, что хорошая книга должна быть безусловно правдивой. Несомненно, наиболее плодотворное влияние на развитие моего сознания в раннем детстве оказали две книги о животных, которые не могут быть названы правдивыми даже в самом вольном смысле слова. Ни «Нильс Холгерсон» Сельмы Лагерлёф[11], ни «Книга джунглей» Редьярда Киплинга не

---

[7] Огарь, или красная утка (Casarca ferruginea), — крупная утка, которая по своему строению имеет общие черты с гусями. Распространён в степных и полупустынных районах Евразии. Гнездится в норах лисиц, барсуков, в трещинах и расселинах берегов и заброшеных построек.

[8] Египетский, или нильский гусь (Alopochen aegyptiaca) — птица из отряда Гусеобразных, обитающая в долине Нила и по всей Африке южнее Сахары. Живёт в лесах, преимущественно мимозовых.

[9] Славки (Sylvia) — мелкие певчие птицы из отряда воробьиных. Обитают в Старом Свете. В СССР обычны славка-черноголовка, садовая славка, серая славка и др.

[10] Этология — одна из основных отраслей науки о поведении животных. Слово происходит от греческого «ethos», что означает характер или поведение.

[11] Сельма Лагерлёф (1858-1940) — шведская писательница, многие произведения которой переведены на русский язык. В книге «Чудесное путешествие Нильса Холгессона по Швеции» даны идиллические картины шведской природы и народной жизни.

содержат в себе ничего похожего на научную правду о животных. Но поэты, подобные авторам этих книг, могут позволить себе подать читателю животных совсем не так, как того требует научная истина. Они смело разрешают своим героям разговаривать на человеческом языке, они даже кладут человеческие побуждения в основу их поступков и при этом сохраняют типичные черты облика диких существ. Удивительно, как правдиво передают они сущность того или иного животного, хотя рассказывают только волшебную сказку. Читая эти книги, вы верите, что если бы старый опытный дикий гусь или мудрая чёрная пантера смогли бы заговорить, то они стали бы говорить именно так, как говорят Акка Сельмы Лагерлёф или Багира Редьярда Киплинга.

Писатель-творец, изображая поведение животных, обязан держаться в пределах точной истины не более чем живописец или скульптор, передающие внешний облик зверей. Но священная обязанность каждого художника — быть достаточно осведомлённым относительно тех особенностей, при изображении которых он отклоняется от действительных фактов.

Более того, ему необходимо знать эти детали лучше, чем все другие, которые изображаются в полном соответствии с жизненной правдой. Нет большего греха против правдивого искусства, нет более презренного дилетантизма, чем пользование свободой художника для прикрытия своей неосведомлённости о подлинных фактах.

Я учёный, а не поэт, поэтому не стану пытаться в этой маленькой книжке подправить природу с помощью художественных вольностей. Каждая подобная попытка, несомненно, дала бы противоположный эффект, и мой единственный шанс написать что-нибудь, не лишённое поэтичности, — это строго следовать научным фактам. Итак, скромно придерживаясь приёмов своего ремесла, я надеюсь дать моим доброжелательным читателям хотя бы слабое представление о безграничной красоте наших друзей-животных и их жизни.

Альтенберг, январь 1950 г.
КОНРАД З. ЛОРЕНЦ

ЖИВОТНЫЕ КАК ИСТОЧНИК НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Вскрывает зубами бочонки сельдей.
Вьёт гнезда в шляпах добрых людей,
И писком из-под пола, из клетей.
Болтать мешает и сна лишает
Хозяйку дома хвостатый злодей.
Р. Браунинг

Почему я начинаю с наиболее неприятной стороны совместной жизни с животными? Потому что степень вашей готовности мириться с приносимым ими беспокойством говорит о силе вашей любви к ним. Я всегда буду признателен своим терпеливым родителям: они только качали головой и укоризненно смотрели на меня, когда я приносил домой нового питомца, от которого можно было ждать больше неприятностей, чем от предыдущих. А сколько вытерпела за многие годы нашей совместной жизни моя жена! Кто осмелился бы просить у своей супруги разрешения держать в доме ручную крысу, которая свободно бегала по всем комнатам, а гнездо устраивала в самых неожиданных и неудачных местах, используя в качестве строительного материала маленькие круглые кусочки материи, аккуратно вырезанные зубами из мебельной обивки?

Какая другая жена смирилась бы с выходками попугая какаду, который откусывал все пуговицы с выстиранных и вывешенных в саду для просушки вещей, или разрешила бы приручённым серым гусям проводить ночь в спальне, а утром вылетать в сад через окно? А что сказала бы иная супруга, если бы увидела только что выстиранные занавески, сплошь

украшенные симпатичными голубыми пятнышками, которые оставили певчие птицы, наевшиеся ягод бузины? Что сказала бы она, если… — но я мог бы задавать этот вопрос на протяжении ещё двадцати страниц.

Так ли необходимы все эти жертвы, спросите вы. Да, совершенно несомненно, да! Конечно, можно содержать животных в клетках, расставленных в гостиной, однако единственный способ узнать что-нибудь об умственной деятельности высших животных — это предоставить им полную свободу. Насколько печальными и скованными кажутся заключённые в клетку попугай или обезьяна, настолько же невероятно подвижными, забавными и интересными становятся те же самые животные, если дать им полную свободу. Конечно, вы должны быть готовы к убыткам и расстройствам — это неизбежная плата за содержание подобных жильцов, зато будете располагать психически полноценными существами для своих наблюдений и экспериментов. Именно поэтому я всегда содержал диких животных в условиях ничем не ограниченной свободы.

В Альтенберге проволока, предназначенная для клеток, играла совершенно парадоксальную роль — она служила препятствием для проникновения животных в дом и палисадник. Нашим питомцам всегда строго запрещалось проникать за сетку, окружающую цветочные клумбы; но, как и для маленьких детей, запрещённые вещи обладают притягательной силой для разумных животных. А, кроме того, необычайно привязчивые серые гуси постоянно стремятся к человеческому обществу. Во всяком случае, вечно случалась одна и та же история: прежде чем мы успевали заметить неладное, двадцать или тридцать гусей уже паслись на клумбах или, что ещё хуже, вторгались на открытую веранду, приветствуя нас громкими гортанными криками.

Было необычайно трудно изгнать этих птиц, которые прекрасно летали и не испытывали страха перед человеком. Самый громкий крик и неистовое размахивание руками не давали никакого эффекта. Единственным действенным средством оказался огромный багряно-красный садовый зонтик. Подобно рыцарю с копьём наизготовку, моя жена бросалась на гусей, пасущихся на недавно засаженных ею грядках, держа сложенный зонтик под мышкой; затем она издавала бешеный военный клич и резким движением раскрывала зонтик. Это было слишком даже для наших гусей, и они взлетали в воздух, громко грохоча крыльями.

К несчастью, отец в значительной степени свёл на нет усилия жены в деле воспитания гусей. Старый джентльмен очень любил гусей, особенно ему нравились гусаки — эти отважные рыцари. И ничто не могло помешать ему ежедневно приглашать гусей на чаепитие в свой кабинет, примыкавший к застеклённой веранде. Зрение отца сильно ослабело, и он замечал конкретные результаты этих посещений, только наступив на них ногой. Однажды к вечеру, выйдя в сад, я, к своему изумлению, обнаружил, что почти все гуси исчезли. Опасаясь самого худшего, я побежал в кабинет отца и застал там следующую сцену: на великолепном персидском ковре двадцать четыре гуся стояли, столпившись вокруг старого джентльмена, а он пил чай, сидя за своим письменным столом, и спокойно просматривал газету. Время от времени он отламывал кусочки хлеба и протягивал их гусям.

Птицы немного нервничали в непривычной обстановке, и это оказало неблагоприятное влияние на работу их кишечника. Как и все животные, которые обычно переваривают большие порции травы, гусь имеет цекум, или слепой отросток толстой кишки, где с помощью бактерий перерабатываются растительные волокна. Как правило, на шесть или семь нормальных опорожнений кишечника приходится одно из цекума, а оно имеет особый едкий запах и очень яркий темно-зелёный цвет.

Если же гуси встревожены, одно опорожнение цекума следует за другим. Более одиннадцати лет истекло с тех пор, как гуси принимали участие в чаепитии, но за это время зелёные пятна на ковре стали лишь бледно-жёлтыми.

Итак, наши животные живут в полной свободе и даже находятся в коротких отношениях с домом. Они всегда стремятся к нам, а не от нас. В другой семье человек может сказать: «Птица вылетела из клетки! Скорее закройте окно!». А у нас кричат: «Ради всего

святого, закройте окно: ворон (какаду, обезьяна и т. д.) хочет проникнуть в дом!» Наиболее парадоксальное использование «обратного клеточного принципа» было изобретено моей женой в те времена, когда наш старший сын был ещё очень мал. Тогда у нас жили несколько крупных и потенциально опасных животных — вороны, два больших желтохохлых какаду, два лемура и две обезьяны-капуцина, и никого из них нельзя было оставить наедине с ребёнком, не подвергая его опасности. Тогда-то моя жена смастерила в саду большую клетку, в которой и поместила… детскую коляску.

К сожалению, у высших животных потребность и способность причинять разрушения возрастают прямо пропорционально степени их разумности. По этой причине нельзя ни под каким видом оставлять некоторых животных, особенно обезьян, без постоянного наблюдения. Это не относится к лемурам, которые лишены свойственного всем настоящим обезьянам пристального любопытства к домашней утвари.

Настоящие обезьяны[12], генеалогически стоящие выше обезьян Нового Света, проявляют неутомимую любознательность при виде каждого нового предмета и сразу же начинают проделывать с ним свои эксперименты. И хотя это может быть очень интересно с точки зрения изучения психологии животных, для семьи такое положение вещей вскоре становится совершенно невыносимым с финансовой точки зрения. Могу проиллюстрировать это на следующем примере.

Ещё будучи студентом, я держал в квартире родителей в Вене великолепный экземпляр капуцина[13], самку по имени Глория. Она занимала просторную клетку, стоявшую в моем кабинете. Когда я бывал дома и имел возможность присматривать за обезьяной, ей разрешалось свободно побегать по комнате. Уходя, я запирал её в клетке, где она очень скучала и поэтому прилагала все усилия, чтобы как можно скорее выбраться на свободу. Однажды, когда после долгого отсутствия я вернулся домой и повернул выключатель, комната осталась погруженной во тьму. Но хихиканье Глории, раздавшееся не из клетки, а с металлического прута, поддерживавшего занавески, не оставляло сомнений в причине поломки, Вернувшись со свечой, я увидел следующую сцену: обезьяна сдвинула с подставки тяжёлую бронзовую лампу, стоявшую у кровати, протащила её через всю комнату (к сожалению, не выдернув вилки из штепселя) и с силой бросила на стеклянную крышку аквариума. Лампа погрузилась на дно. Конечно, произошло короткое замыкание. Затем Глория отперла книжный шкаф — удивительное достижение, если принять во внимание малый размер ключа, — достала второй и четвёртый тома медицинского словаря, перенесла

---

[12] Отряд обезьян, или приматов, делится обычно на три большие группы: лемуры, широконосые обезьяны и настоящие, или узконосые, обезьяны. Лемуры — наиболее древняя и примитивная группа. Это небольшие древесные животные, ведущие сумеречный и ночной образ жизни. Обитают на острове Мадагаскар, в Африке и Юго-Восточной Азии.

[13] Капуцин обыкновенный (Cebus capucinus) — некрупная обезьяна с длинным хвостом (тело — около 45 см, хвост — 35 см). Живут небольшими стадами в тропических лесах Южной Америки.

книги на подставку аквариума и, разорвав их на мелкие лоскутки, набила обрывками внутренность сосуда. На полу валялись только пустые переплёты, а щупальца поникших морских анемон[14] были наполнены бумагой.

Интересной особенностью этих поступков было строгое внимание к деталям, налагавшее свой отпечаток на всю операцию. Одни только физические усилия, затраченные на выполнение такого дела столь маленьким животным, уже достойны удивления. К сожалению, все эти забавные наблюдения обошлись мне слишком дорого.

Что может служить вознаграждением за все эти бесконечные волнения и убытки? Как я уже говорил, мои цели не позволяют мне содержать своих питомцев на положении заключённых. Животные, которые свободно могли бы убежать, но, тем не менее, остаются со мной, доставляют неописуемую радость: ведь я могу верить, что их заставляет остаться привязанность ко мне.

Однажды, гуляя вдоль берега Дуная, я услышал звучный призыв ворона. Когда я подал ответный крик, большая птица высоко в небе сложила крылья и, со свистом разрезая воздух, стремительно понеслась вниз. Она широко расправила крылья, тем самым замедлив падение, и легко опустилась на моё плечо. Тогда я почувствовал себя вознаграждённым за все разодранные книги и разорённые утиные гнезда, лежавшие на совести этого моего ворона. Очарование подобных опытов не притупляется при повторении: удивление не проходит даже в том случае, когда они проделываются ежедневно, и дикая птица становится настолько же доверчивой, насколько может быть ручной кошка или собака. Истинная дружба с дикими животными стала для меня делом совершенно естественным, и только какой-нибудь из ряда вон выходящий случай иногда заставляет меня почувствовать всю необычайность подобных отношений.

Как-то в туманное весеннее утро я спустился к Дунаю. Река была ещё сжата в своих зимних оковах, и пролётные стайки крохалей, лутков[15] и белолобых гусей перелетали повсюду вдоль тёмной узкой полоски воды. Среди этих кочевников, как будто принадлежа к их числу, совершала свой путь стайка серых гусей. Я заметил, что у птицы, летевшей второй в левой шеренге треугольника, в крыле не хватало одного из крупных перьев. В этот момент я вдруг совершенно отчётливо вспомнил, что это за птица и каким образом она потеряла своё перо. Да, несомненно, это были мои гуси! Да и не может быть других серых гусей на Дунае, ни гнездящихся, ни перелётных. А птица, летящая в левой шеренге треугольника, это гусак Мартин. Только на днях произошла его помолвка с моей любимой гусыней Мартиной, и это в её честь он получил своё имя (первоначально Мартин значился под номером, потому что имена носили только те гуси, которые были выхожены мной самим, тогда как птиц, вскормленных их родителями, я просто нумеровал).

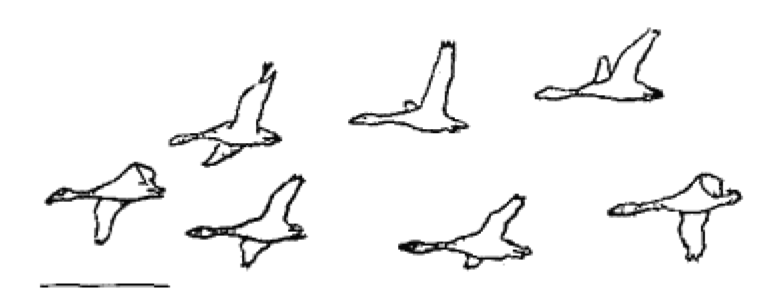
У серых гусей жених постоянно следует буквально по пятам за своей невестой. Мартина без страха разгуливала по всем комнатам нашего дома, не задерживаясь, чтобы испросить согласия своего жениха, который вырос в саду. Таким образом, под давлением обстоятельств гусак оказался в абсолютно чуждой для него обстановке. Если принять во внимание, что в естественных условиях серый гусь обитает в совершенно открытой местности и может только с большим трудом, поборов сильное инстинктивное отвращение, привыкнуть к жизни среди кустов или под деревьями, то вы были бы вынуждены признать Мартина истинным героем, видя как он с напряжённо вытянутой вверх шеей однажды последовал за своей подругой через переднюю дверь в холл, а затем наверх, в спальню.

---

[14] Морские анемоны, или актинии, — водные кишечнополостные животные из группы коралловых полипов. Ведут сидячий образ жизни. Цилиндрическое тело прикреплено основанием к морскому дну, в верхней части оно снабжено многочисленными щупальцами, которые используются для ловли добычи и защиты от врагов. Некоторые виды — благодарный объект для содержания в аквариумах с морской водой.

[15] Крохали (Mergus) — рыбоядные нырковые утки, широко распространённые в Старом и Новом Свете. В СССР обычны большой крохаль, длинноносый крохаль и луток.

Я как сейчас вижу его стоящим посреди комнаты, с перьями, плотно прижатыми к телу от страха, дрожащего от напряжения, но гордо выпрямившегося и встречающего великую неизвестность громким шипением. И вдруг дверь с громким стуком захлопнулась за ним. Это было слишком даже для нашего героического серого гуся. Он расправил крылья и взлетел к потолку. При столкновении большая люстра потеряла несколько подвесков, а Мартин — первостепенное маховое перо[16].

Вот что я вспомнил о гусе, летевшем вторым в левой шеренге треугольника; но я знал и другое, по настоящему радостное: когда я вернусь домой с прогулки, эти серые гуси, только что летевшие вместе с перелётными птицами, будут стоять, выстроившись в шеренгу перед верандой, а потом подойдут ко мне, вытянув вперёд свои шеи. У гусей это примерно такой же знак приветствия, как у собаки — виляние хвостом. Я проводил главами стаю, которая пролетела низко над водой и скрылась за поворотом реки, и внезапно меня охватило изумление, то самое, которое лежит в основе всякого открытия, когда начинаешь по-новому видеть хорошо знакомые вещи. Всем знакомо это глубоко волнующее чувство: самые повседневные явления внезапно предстают перед вами в новом виде, как будто вы встречаетесь с ними впервые. Вордсворт осознал это однажды, созерцая маленькое растеньице — чистотел:

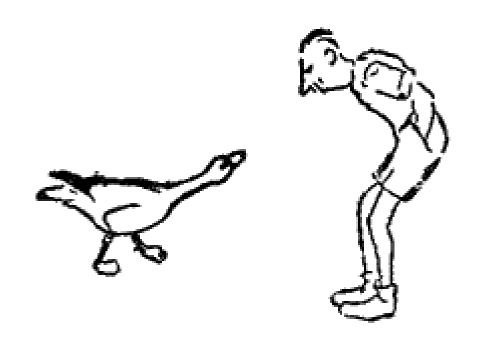
Лет тридцать — издали и вблизи
Тебя я часто видел — и что ж?
Незнакомо лицо твоё было мне.
Теперь же в теченье каждого дня
Приветствия слышишь ты от меня.

Когда я провожал взглядом гусей, мне показалось почти чудом, что суровый, признающий только строгие факты учёный может установить настоящую дружбу с дикими, свободно живущими животными, и эта мысль преисполнила меня ощущением незнакомого счастья. У меня появилось такое чувство, словно изгнание человека из садов Эдема утратило некоторую часть своей горечи.

Сегодня уже нет ворона, и серые гуси загублены войной. Из всех моих свободно живущих птиц остались одни только галки; они же были первыми, кто поселился в Альтенберге. Эти многолетние постояльцы все ещё кружатся вокруг высоких фронтонов нашего дома, и их резкие крики, значение которых я понимаю до тонкостей, достигают моего кабинета через трубы центрального отопления. И каждый год эти птицы устраивают гнезда в дымовых трубах и приводят в ярость моих соседей, поедая их вишни.

---

[16] Первостепенные маховые перья — крупные перья крыла, прикреплённые к той части скелета, которая соответствует кисти у млекопитающих. Второстепенные маховые прикрепляются к предплечью, третьестепенные — к плечевому отделу крыла.

Понимаете ли вы теперь, что не только научные результаты вознаграждают меня за все хлопоты и беспокойства, но и нечто большее, несравненно большее.

БОИТЕСЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ — ЗАВОДИТЕ АКВАРИУМ

Мы в этом мире, что кругом.
Живём, творим один в другом.
Гёте, Фауст

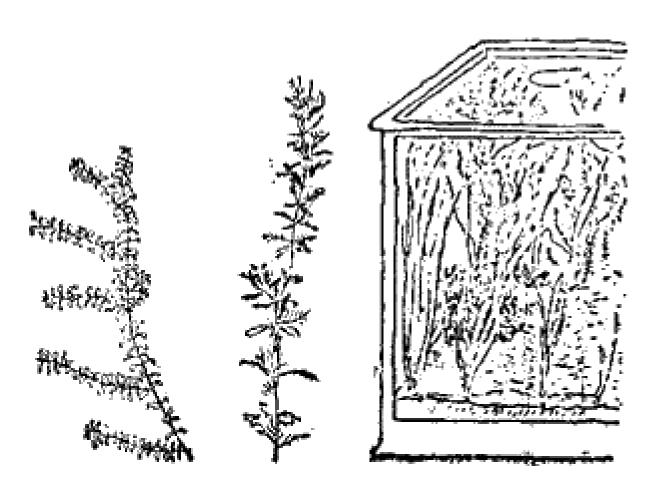
Эта вещь не требует почти никаких затрат, но она поистине удивительна: покройте дно стеклянного резервуара чистым песком и поместите сюда же несколько стебельков самых обычных водных растений. Осторожно влейте в сосуд пинту[17] — другую водопроводной воды и поставьте его на солнечный подоконник. Как только вода станет совершенно чистой и растения тронутся в рост, пустите сюда немного маленьких рыбок, или, ещё лучше, возьмите банку из-под варенья и маленькую сетку и отправляйтесь на ближайший пруд. Стоит два-три раза зачерпнуть сетью воды из глубины лужицы — и вы станете обладателем несметного числа интереснейших организмов.

Все очарование детства до сих пор связано у меня с этим сачком для ловли рыбы. Вовсе не обязательно, чтобы это была «усовершенствованная новинка» с латунным обручем и газовым мешочком. По традициям Альтенберга предпочтительнее самоделка, изготовление которой — дело десяти минут: обруч — обычная изогнутая проволока, мешок из чулка, обрывка салфетки или детской пелёнки. Таким инструментом я в возрасте девяти лет ловил своих первых дафний на корм рыбкам и в результате открыл удивительный мир пресных прудов, совершенно очаровавший меня. Вслед за рыболовной сеткой пришло увеличительное стекло, его сменил скромный маленький микроскоп, и моя судьба была решена. Кто однажды узрел сокровенную красоту природы, никогда уже не сможет порвать с ней. Этот человек должен стать или поэтом, или натуралистом. И если глаз его точен и способность к наблюдению обострена, то он станет и тем и другим.

Итак, вы раз за разом протаскиваете сеточку между растениями в глубине пруда, и одновременно ваша обувь наполняется прудовой водой и илом. Если водоём удовлетворяет вашим целям и место выбрано подходящее, то вскоре мешочек сачка наполнится кишащими, извивающимися, стекловидно-прозрачными существами. Теперь опрокиньте сеточку в банку из-под джема, предварительно наполнив её водой, и сполосните сачок. Придя домой, вы заботливо опорожняете банку со своим уловом в аквариум, а потом созерцаете этот крошечный мирок, сразу же раскрывающий свои тайны вашим глазам и увеличительному стеклу.

---

[17] Пинта — мера объёма жидкостей в Англии и США, около 0,5 литра.

Аквариум — это целый мир, ибо животные и растения, точно так же, как и в естественном пруду или в озере, и вообще на всей нашей планете, живут здесь бок о бок в состоянии биологического равновесия. Животные выдыхают двуокись углерода, которая усваивается растениями, а последние в процессе своей жизнедеятельности выделяют кислород. Однако было бы неверно сказать, что растения не дышат, подобно животным, а делают все наоборот. Растения, точно так же, как и животные, вдыхают кислород и выдыхают углекислый газ, но кроме того, растущее зелёное растение усваивает и двуокись углерода, используя её для построения своего тела. Правильнее было бы сказать, что растение «поедает» углекислый газ. В ходе этого процесса выделяется кислород в количестве большем, нежели необходимо для дыхания самого растения, и этими излишками дышат животные и человек. Наконец, растения способны усваивать остатки умерших организмов, разлагаемых на составные части бактериями, и возвращают эти вещества в великий кругооборот жизни, состоящий из трех взаимосвязанных звеньев: строители — зелёные растения, потребители — животные, демонтировщики — бактерии.

В ограниченном пространстве аквариума этот естественный цикл обмена веществ очень легко нарушается, и это приводит к катастрофическим изменениям в нашем маленьком мирке. Многие содержатели аквариумов, и дети и взрослые в равной степени, неспособны противиться искушению запустить к своим рыбкам ещё одну-единственную, в то время как растения аквариума и так едва справляются с задачей обслужить кислородом всех живущих рядом с ними животных. И как раз эта единственная рыбка может оказаться последней соломинкой, «переломившей спину верблюда». Слишком большое количество животных в аквариуме ведёт к нехватке кислорода. Рано или поздно один из обитателей не справится с этим, а его гибель может пройти незамеченной. Разложение трупа повлечёт за собой колоссальное увеличение числа бактерий в аквариуме, вода станет мутной, содержание в ней кислорода резко уменьшится, и тогда начнут умирать другие животные. Вскоре даже растения начнут разлагаться. Всего лишь несколько дней назад мы могли любоваться прелестным водоёмом, здоровыми зелёными растениями и яркими подвижными животными, а теперь перед нами ужасная зловонная жижа.

Прогрессивный аквариумист противодействует подобной опасности, искусственно вентилируя воду. Подобные технические меры сводят на нет саму суть аквариума, глубокая идея которого состоит в том, что этот маленький водный мирок самостоятельно поддерживает свою целостность и не нуждается в какой бы то ни было биологической заботе. Достаточно только кормить животных да очищать переднее стекло аквариума (на других стенках водоросли не следует трогать — они являются ценными поставщиками кислорода). Пока поддерживается естественное равновесие, аквариум не нуждается в какой бы то ни было очистке. Если вы отказались от мысли содержать крупных рыб, особенно таких, которых привлекает дно аквариума, то вам не страшен ил, слой которого постепенно образуется внизу из испражнений животных и отмирающих растительных тканей. Он даже полезен, поскольку удобряет песок, который первоначально был стерилен. Несмотря на

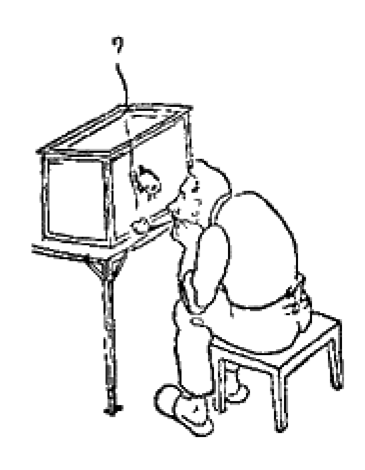
присутствие ила, сама вода остаётся кристально чистой и лишённой всякого запаха, как в некоторых наших альпийских озёрах.

И с биологической, и с декоративной точки зрения лучше устраивать новый аквариум весной и помещать в него немного растений, обязательно дающих отростки. Только те растения, которые действительно растут в аквариуме, смогут приспособиться к особым условиям каждого определённого аквариума и процветать в дальнейшем, тогда как те, которые уже достигли полного роста, позже утратят значительную часть своей первоначальной прелести.

Два аквариума, разделённые расстоянием в несколько дюймов, обладают столь же различными индивидуальными особенностями, как два озера, находящиеся в нескольких милях одно от другого. В этом заключается основная привлекательность нового аквариума. Когда вы устраиваете его, никогда нельзя сказать заранее, как он будет развиваться и как будет выглядеть, достигнув своей собственной, особой стадии равновесия. Предположим, что вы основали три аквариума в одно и то же время, использовав одинаковые неорганические материалы. Все три поставлены вплотную друг к другу, и в каждый посажены водяной чабрец (Elodea canadensis) и водяной тысячелистник (Myriophyllum verticiilatum). В первом могут вскоре пышно разрастись густые джунгли элодеи, которая в большей или меньшей степени вытеснит Myriophyllum; во втором вероятна прямо противоположная ситуация; а в третьем, возможно, оба растения будут развиваться соразмерно друг другу. Очевидно, ни в одном из этих аквариумов не окажется восхитительных зарослей декоративной зелёной водоросли Nitella flexilis, свисающей вниз наподобие миниатюрных люстр. Таким образом, в трех одинаковых сосудах могут развиться совершенно различные ландшафты. Биологические особенности этих аквариумов совершенно различны, они благоприятствуют существованию разных групп животных. Короче говоря, в каждом аквариуме развивается свой собственный, особый маленький мир, несмотря на то, что первоначальная подготовка может происходить при одинаковых условиях.

Чтобы предотвратить всякое вмешательство в естественное развитие аквариума, каждому любителю необходима определённая доля сдержанности и самоконтроля. Всякое регулирование со стороны владельца, предпринятое даже из самых лучших побуждений, способно принести много вреда. Конечно, можно завести «хорошенький» аквариум с искусственным дном и тщательно рассаженными растениями; фильтры будут препятствовать образованию ила, искусственная аэрация позволяет содержать значительно большее число рыб, нежели это было бы возможно при иных условиях. В этом случае растения играют чисто декоративную роль: животные не нуждаются в них, поскольку за счёт искусственной вентиляции они получают кислород в количестве, достаточном, чтобы поддерживать своё существование. Конечно, это всецело дело вкуса, но я лично всегда представляю себе аквариум как сообщество живых существ, которое самостоятельно регулирует биологическое равновесие. Все иное — это лишь «садок», клетка, искусственно очищаемый резервуар, который не является чем-то органически законченным и служит просто для содержания в неволе некоторых животных.

Это истинное искусство — определить заранее, какой тип сообщества животных и растений вы хотели бы держать в своём аквариуме. Чтобы достигнуть этого, необходимы большой опыт и много биологического такта в деле расположения самого контейнера, в выборе подходящих материалов для дна, светового и температурного режима, и наконец, растений и животных, которые будут помещены вместе друг с другом.

Настоящим мастером этого искусства был мой трагически погибший друг Бернард Гельман, который мог по своему желанию скопировать любой тип пруда или озера, ручья и реки. Одним из его шедевров был большой аквариум, представлявший собой совершенную модель альпийского озера. Сосуд был очень глубоким, с холодной, кристально чистой водой. Он стоял не слишком близко к свету, и его растительность состояла из стекловидно-прозрачной светло-зелёной прудовой травы Potamogeton. Каменистое дно было покрыто темно-зелёным фантиналисом и декоративной водорослью Chara. Из животных, которых можно видеть невооружённым глазом, в аквариуме жили лишь несколько маленьких форелей и гольянов, немного пресноводных креветок и мелкие раки. Животные обитатели были столь немногочисленны, что они почти не требовали подкармливания, ибо могли существовать за счёт естественной микрофауны аквариума.

Если вы хотите содержать каких-нибудь очень требовательных, нежных водных животных, то при создании аквариума важно воспроизвести их естественное местообитание с законченным сообществом живущих в нём микро— и макроорганизмов. Даже обычнейшие обитатели наших аквариумов — тропические рыбки, и те сильно зависят от этого условия, хотя их естественная среда жизни — маленькие и не слишком чистые пруды, служащие приютом для того самого сообщества организмов, которое автоматически развивается в сред нем аквариуме. Условия, характерные для наших европейских водоёмов, подверженных изменениям климата умеренной зоны, несравненно труднее воспроизвести в комнатных условиях. Именно поэтому держать в аквариуме наших местных рыбок несравненно труднее, нежели тропические виды. Теперь вы понимаете, почему я советовал вам для начала наловить животных в ближайшем пруду с помощью традиционной сетки домашнего изготовления. Я содержал сотни аквариумов самых различных типов, но самый простой и дешёвый прудовой аквариум более всего импонирует мне, поскольку его стенки заключают в себе наиболее естественное в законченное сообщество живых организмов, способное прекрасно развиваться в искусственных условиях.

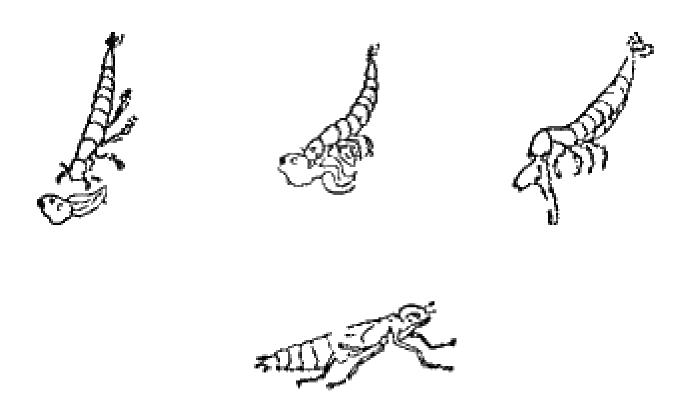
Можно часами сидеть перед аквариумом и созерцать его глубины, точно так же, как подолгу смотреть в пламя живого огня или в воду низвергающегося потока. Все сознательные мысли оставляют вас в эти минуты абсолютной безучастности, но в эти моменты вы учитесь познавать ценой кажущейся праздности ценнейшие истины о сущности микро— и макрокосма. Если бросить на одну чашу весов все то, что я узнал из книг в библиотеках, а на другую — те знания, которые дало мне чтение «книги бегущего ручья», наверняка вторая чаша перевесит.

РАЗБОЙНИКИ В АКВАРИУМЕ

Как он любезно скалит рот
И как резвится всласть.
Чтоб быстрых рыбок хоровод
Втянуть с улыбкой в пасть!

Страшные разбойники есть в прудовом мирке. Наблюдая за жизнью аквариума, вы можете стать свидетелями жестокостей той напряжённой борьбы за существование, которая будет разыгрываться перед вашими глазами. Если улов был достаточно разнообразен, то вскоре вы сможете увидеть пример подобного столкновения интересов, потому что среди пленников почти наверняка окажется личинка водяного жука-плавунца. Учитывая относительные размеры этого насекомого, прожорливость и ловкость, с которой это существо уничтожает свои жертвы, можно заключить, что личинка плавунца затмевает славу таких пресловутых разбойников, как тигр, лев, волк и хищный кит — косатка[18].

Это стройное насекомое обтекаемой формы достигает более двух дюймов длины. Шесть его лапок снабжены жёсткой бахромой щетинок, образующих широкие лопасти в форме весел, движения которых быстро и надёжно проталкивают тело личинки сквозь толщу воды. Широкая, плоская голова несёт на себе огромные челюсти в форме клещей, полых внутри и служащих не только в качестве шприцев для впрыскивания яда в тело жертвы, но и как отверстие, через которое заглатывается пища. Обычно личинка лежит в засаде на каком-нибудь водяном растении, внезапно она с быстротой молнии бросается на свою жертву и ныряет под неё — резкое движение головы, и добыча уже в челюстях хищника. Для этих прожорливых существ «добычей» является всё, что движется или обладает запахом «живого». Неоднократно случалось, что я сам бывал «съеден» личинкой плавунца, когда неподвижно стоял по колено в воде пруда. Инъекция ядовитого пищеварительного сока личинки даже для человека чрезвычайно болезненна.

Эти личинки принадлежат к числу тех немногих животных, у которых процесс пищеварения происходит «вне дома». Секреты желез, которые через полые клещи челюстей впрыскиваются в тело жертвы, растворяют все ткани последней, превращают их в жидкий суп, который затем высасывается личинкой через те же самые каналы. Даже крупная добыча — личинка стрекозы или головастик, будучи укушены насекомым, теряют гибкость после нескольких оборонительных движений, а их внутренности, которые обычно более или менее прозрачны (как и у большинства водных животных), становятся мутными, словно после фиксации формалином. Сначала жертва набухает, затем сморщивается в мягком пакетике своей шкурки, безжизненно висящей в смертоносных челюстях, и наконец, уже никому не нужная, падает на дно. В ограниченном пространстве аквариума несколько крупных личинок в течение нескольких дней съедят всех животных более четверти дюйма длиной. Как же это

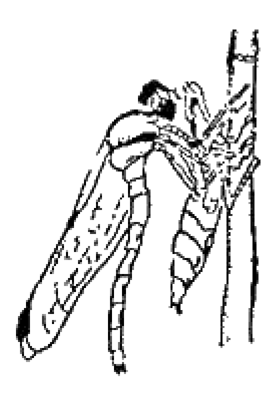
18 Косатка (Orcmus orca) — хищное млекопитающее из семейства дельфинов с длинным, заострённым спинным плавником, напоминающим по форме косу. Обитает в Северном Ледовитом океане и северных районах Тихого и Атлантического океанов. Наводит ужас на дельфинов, тюленей и китов. Имея длину в среднем 4-6 м, косатка бесстрашно нападает на китов, вчетверо и впятеро превосходящих её размером. Охотятся косатки обычно небольшими группами.

может случиться? Личинки съедят друг друга, если до сих пор не сделали этого; при этом абсолютно не существенно, кто больше и сильнее, важно лишь, кто первый успеет схватить соперника.

Я часто наблюдал, как две равные по величине личинки одновременно нападали друг на друга и погибали мгновенной смертью в результате растворения тканей тела. Очень немногие животные, да и то лишь под страхом голодной смерти, способны нападать на других особей своего вида, размерами равных себе, с тем, чтобы пожрать их. Знаю лишь, что это определённо случается у крыс и немногих родственных им грызунов. Наблюдения, о которых будет рассказано ниже, заставляют меня сомневаться, что такая вещь когда-либо случается у волков. А личинка плавунца пожирает сородичей, равных себе по размерам, даже если есть другая добыча под рукой — то, что, насколько мне известно, не делает никакое другое животное.

Другой хищник, не столь отвратительный и жестокий и гораздо более изящный — это личинка крупной стрекозы Aeschna. Взрослое животное — настоящий царь воздуха, поистине сокол среди насекомых — ведь стрекоза ловит свою добычу в полёте. Перебирая свой улов с тем, чтобы не допустить в аквариум самых опасных злодеев, вы, вероятно, обнаружите наряду с личинками плавунца несколько других насекомых такой же обтекаемой формы, замечательный способ передвижения которых сразу привлечёт ваше внимание. Эти тонкие торпеды, обычно украшенные декоративным жёлто-зелёным узором, движутся вперёд резкими толчками, в то время как лапки их плотно прижаты к туловищу. На первый взгляд вообще кажется загадкой, как они могут перемещаться. Но если вы специально понаблюдаете за этими существами, поместив их в плоское блюдо с водой, то увидите, что личинки движутся по реактивному принципу. Из кончика брюшка насекомого прозрачным столбиком бьёт назад сильная струйка воды, которая быстро подталкивает насекомое вперёд. Концевой отдел кишечника личинки превращён в полый пузырь, богато снабжённый трахеальными жабрами и служащий одновременно и для дыхания, и для передвижения.

Личинка Aeschna никогда не охотится вплавь, она подстерегает насекомых, лёжа в засаде. Когда добыча появляется в поле зрения, на неё устремляется пристальный взгляд хищницы, которая очень медленно поворачивает голову и туловище в нужном направлении и внимательно следит за всеми движениями своей жертвы. Подобное фиксирование своей цели очень редко наблюдается у беспозвоночных, да и то лишь у немногих видов. В отличие

от личинки плавунца наша Aeschna улавливает даже самое медленное движение, например, она замечает ползущую улитку, и в результате эти моллюски часто оказываются в числе жертв хищницы. Медленно, очень медленно, шаг за шагом личинка стрекозы крадётся к намеченной цели: вот только один или два дюйма отделяют их друг от друга — но что это? — внезапно вы видите, как добыча бьётся в безжалостных челюстях охотника.

Зафиксированная с помощью замедленной киносъёмки, вся эта картина выглядит следующим образом: вы успеваете заметить, как нечто, напоминающее длинный язык, стремительно движется от головы личинки к её жертве, и последняя мгновенно увлекается назад и оказывается между челюстями охотника. Если кому-нибудь из вас приходилось наблюдать за кормящимся хамелеоном, то все происходящее сразу же вызовет в памяти резкие движения языка этой ящерицы. «Бумеранг» личинки Aeschna — это не язык, а сильно видоизменённая «нижняя губа», состоящая из двух подвижно сочленённых суставов с хватательными клещами на конце.

Замечательная манера личинки стрекозы фиксировать взглядом свою добычу придаёт этому насекомому удивительно «разумное» выражение. Это впечатление усилится, когда вы познакомитесь с другими особенностями поведения личинки. В противоположность личинке плавунца, которая слепо хватает всё, что движется, несовершеннолетняя Aeschna оставляет без внимания животных свыше определённой величины, даже в том случае, если она голодала целыми неделями. Я месяцами держал личинку Aeschna в аквариуме вместе с рыбами, но никогда не видел, чтобы насекомое нападало на животных крупнее её или причиняло им какой-нибудь вред. Замечательно и то, что наша подопечная никогда не схватит животное, уже пойманное другой, себе подобной, хотя жертва медленно движется взад и вперёд между жующими челюстями удачливого охотника. С другой стороны, она сразу же набрасывается на кусочек свежего мяса, который точно таким же образом перемещается перед её глазами на конце стеклянной палочки.

Я постоянно держал в большом аквариуме с американскими солнечными окунями несколько личинок Aeschna. Развитие их занимает длительный срок — более года. И вот в один из прекрасных летних дней случается важное событие: личинка медленно выползает на стебелёк растения, торчащий из воды. Здесь она долгое время сидит неподвижно, пока её шкурка не разрывается на верхней стороне одного из грудных сегментов, точно так же, как и во время предыдущих линёк. Прекрасное, совершенное насекомое медленно-медленно вылезает на волю из личиночной кожицы. Пройдёт ещё несколько часов, прежде чем крылья достигнут своей окончательной величины и необходимой жёсткости: это результат удивительного процесса, в ходе которого быстро затвердевающая жидкость под высоким давлением нагнетается в тонкие разветвления жилок крыла. Теперь вы широко открываете окно. Остаётся только пожелать гостье вашего аквариума счастливого пути и всяческих удач в её новой жизни, жизни крылатого насекомого.

БЕДНАЯ РЫБКА

Как водоросль, как тины ком.
Налитый тусклым огоньком…
Бессмертен, вечен, слеп и тих
Живёт сложнейший импульс в них
Руперт Брук. Рыбы

Меня всегда удивляла слепая вера в пословицы, даже если они ложны и вводят в заблуждение. Лисица ничуть не более хитра, чем другие хищные звери, и гораздо глупее, чем волк или собака; голубь, конечно, далеко не мирная птица, а о рыбах ходят слухи только неверные: они вовсе не такие холоднокровные, чтобы называть их именем вялых и медлительных людей, и совсем не так счастливы в воде, как нам внушает известная пословица. Действительно, нет другой группы животных, в такой же мере страдающих от инфекционных болезней (и не только при домашнем содержании, но и в природных

условиях), как рыбы. У меня никогда не было даже тени опасения, что вновь пойманные птицы, пресмыкающиеся или млекопитающие могут заразить живущих у меня животных какой-нибудь болезнью; но каждая только что приобретённая рыба неизменно направляется мной в особый карантинный аквариум, в противном случае можно ставить сто против одного, что вскоре на плавниках старожилов аквариума появятся зловещие белые пятнышки — признак заражения паразитом Ichthyophtirius multifiliis[19].

Однако вернёмся к широко распространённому мнению о холоднокровности рыб. Я близко знаком с жизнью многих животных, с их поведением в наиболее интимных ситуациях — когда они пребывают в бурном экстазе сражения или любви, но не знаю другого животного, за исключением дикой канарейки, которое могло бы превзойти в горячности самца колюшки, сиамской бойцовой рыбки или цихлид. Ни одно животное не преображается столь полно под влиянием любви, не пылает страстью в таком буквальном смысле, как колюшка*[20] или бойцовая рыбка[21]. Можно ли передать словами или воспроизвести в красках этот огненно-красный цвет, делающий бока самца колюшки прозрачными и стекловидными, голубовато-зелёные переливы его спины, блеск которой можно сравнить только со световой мощью неоновых реклам, наконец, изумрудную зелень его глаз. В соответствии с правилами художественного вкуса, сочетание этих красок должно казаться отталкивающим. Тем не менее, симфония, которую они образуют, создана рукою природы.

У бойцовой рыбки это чудо цвета непостоянно. Маленькая коричневато — серая рыбка, лежащая со сложенными плавниками в углу аквариума, внешне не представляет собой ничего замечательного. И только если другая рыбка, первоначально такая же невзрачная, приблизится к ней и они заметят друг друга, только тогда они начинают словно светиться изнутри и постепенно накаляться великолепием. Румянец пропитывает их тела почти так же быстро, как проволока электрической плитки становится красной при пропускании электрического тока. Плавники расправляются, как декоративные веера, настолько внезапно, что почти ожидаешь услышать звук, какой издаёт раскрываемый зонтик. А затем следует танец обжигающей страсти, не игра, но танец жизни и смерти, начало и конец всего.

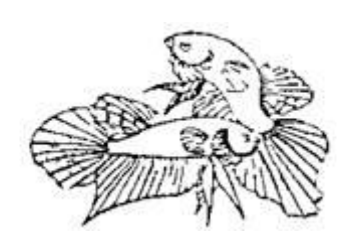
Это может показаться странным, но заранее никогда нельзя сказать определённо, приведёт ли этот танец к любовному согласию и спариванию, или столь же плавно перейдёт в кровавую битву. Бойцовая рыбка при встрече с себе подобной может определить её пол только после того, как увидит, каким поведением ответит та на строго ритуальные, инстинктивные движения исполняемого ею танца. Встреча двух первоначально незнакомых самцов бойцовых рыбок начинается с взаимного дерзкого и чванливого самодемонстрирования, при котором каждое светящееся цветовое пятно, каждый луч чудесных плавников должен произвести максимальное впечатление.

---

[19] Ichthyophtirius multifihis — паразитическая равно ресничная инфузория. Внедряется в кожу рыб, образуя маленькие нарывчики. Часто наносит большой вред карповым хозяйствам.

[20] Колюшка трехиглая (Gasterosteus aculeatus) — мелкая рыбка из о гряда Колюшкообразных. Распространена па большей части Европы и в Сибири, обитает в пресных и солоноватых водоёмах. Работы выдающегося голландского учёного Нико Тинбергена по поведению колюшки представляют собой классические этологические исследования.

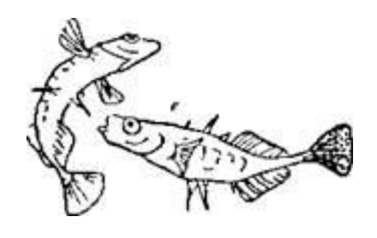
[21] Бойцовые рыбки (Betta) — мелкие пресноводные рыбки из отряда Окунеобразных, обитающие в Индии и Индокитае.

Перед великолепным самцом скромно одетая самка складывает плавники, тем самым прекращая всякое сопротивление. Если она не готова к спариванию, то немедленно спасается бегством. В противном случае она приближается к самцу робкими, вкрадчивыми движениями, иными словами, её поведение прямо противоположно дерзкому и хвастливому поведению самца. И тогда начинается любовный обряд, не столь великолепный, как военный танец самцов, но не уступающий ему в грациозности движений.

Когда два самца встречаются лицом к лицу, начинается истинная оргия взаимного самовосхваления. Есть поразительное сходство между воинственным танцем этих рыб и аналогичными церемониальными танцами яванцев и других индонезийских народов. И у человека, и у рыбы мельчайшая деталь каждого движения основана на предписании древнего неизменного закона, каждый легчайший жест полон глубокого символического смысла. Тот же стиль, та ж.е экзотическая грация движений, выражающих сдерживаемый гнев, — вот в чём близкое сходство этих танцев.

Превосходная отточенность телодвижений указывает, что они выработались в результате длительного исторического развития и что в основе их лежит древний ритуал. Не столь очевидно другое: если у человека эти ритуальные церемонии передавались из поколения к поколению посредством тысячелетних традиций, то у рыб они представляют собой результат эволюционного развития врождённой инстинктивной деятельности и, по-видимому, намного старше. Происхождение подобных ритуальных церемоний превосходно изучено, и мы знаем сейчас об эволюционной истории этих реакций больше, чем о каких бы то ни было других инстинктах.

Но вернёмся к воинственным танцам самцов бойцовой рыбки. Они имеют совершенно то же значение, что и словесная дуэль гомеровских героев или наших альпийских фермеров, которая и по сей день предшествует шумным ссорам в деревенских гостиницах. Цель такой дуэли — запугать противника и одновременно привести себя в состояние бесстрашия. У рыб длительность этих приготовлений, их ритуальный характер и, главным образом, замечательный показ красочного наряда и развёрнутых плавников, имеющие целью запугать, сломить противника, маскируют для непосвящённого всю серьёзность ситуации. Бойцы во всем великолепии своих нарядов кажутся настроенными менее враждебно, чем это есть в действительности: вы так же не склонны приписывать им жестокую отвагу и презрение к смерти, как не связывается в вашем представлении охота за головами почти женственной красоты индонезийских воинов.

Битва бойцовых рыбок нередко оканчивается смертью одного из противников. Если они уже готовы нанести первый удар, то через несколько минут широкие продольные щели будут зиять в их плавниках, которые очень скоро превратятся в лохмотья. Способ нападения бойцовой рыбки, как вообще всех рыб, сражающихся подобным образом, — это, в буквальном смысле, удар шпагой, но никак не кусание. Рыба открывает рот так широко, что все её зубы торчат наружу, и со всей силой, развиваемой её мускулистым телом, с разбегу

втыкает их в бок противника. Таранящий удар бойцовой рыбки настолько силён, что если в беспорядке боя одному из противников случится наткнуться на стеклянную стенку аквариума, звук столкновения бывает явственно слышим. Танец самовосхваления может продолжаться часами, но если танцоры перешли к действиям, часто уже через несколько минут один из противников лежит на дне, смертельно раненный.

Бои нашей европейской колюшки сильно отличаются от сражения сиамской бойцовой рыбки. В противоположность последней самец колюшки «накаляется» не только при виде противника или самки, но находится в таком состоянии все время, пока пребывает в окрестностях гнезда, в пределах выбранной им территории. Коренной принцип, лежащий в основе сражений этих рыбок, — «мой дом — моя крепость». Отнимите у самца колюшки гнездо или пересадите его в другой аквариум, и наша рыбка и не подумает о драке, даже если там будет другой самец. Напротив, она сразу станет маленькой и жалкой. Поэтому бои колюшек нельзя использовать для показа, тогда как сиамцы уже сотни лет развлекаются драками бойцовых рыбок. Самец колюшки становится физически способным приходить в состояние возбуждения только после того, как обзаведётся домом. Поэтому практически сражения колюшек можно наблюдать лишь в том случае, если держать двух самцов в большом аквариуме, где у каждого будет своё гнездо.

Воинственный пыл самца колюшки в каждый момент находится в прямо пропорциональной зависимости от близости гнезда. Когда рыбка сидит в гнезде — это беснующаяся фурия, с полным презрением к смерти безрассудно атакующая гораздо более крупного противника, даже человеческую руку. Чем дальше он отплывает от своей «штаб-квартиры», тем меньше его военный задор. Когда два самца вступают в драку, всегда можно предсказать с полной уверенностью, каков будет её исход. Около своего гнезда самый слабый самец всегда будет побеждать самого крупного и сильного. Боевая мощь самца колюшки определяется величиной территории, которую он может держать свободной от соперников. Побеждённый всегда спасается бегством по направлению к дому, а увлечённый своим успехом победитель преследует беглеца далеко во владениях последнего. Чем дальше преследователь уходит от своего дома, тем заметнее убывает его смелость. Беглец, достигнув окрестностей своего гнезда, приобретает новые силы, поворачивается и с удесятерённой яростью бросается на врага. Новая драка всегда оканчивается поражением первоначального победителя — и снова погоня, теперь уже в противоположном направлении. Столкновения чередуются с погоней то в одну, то в другую сторону, и это напоминает движение маятника, достигающего, наконец, равновесия в некоторой точке. Боевые силы сражающихся уравновешиваются как раз на границе их территорий. Тот же самый принцип играет важную роль в жизни многих животных, особенно птиц. Каждый любитель птиц мог наблюдать, как две горихвостки гоняют друг друга таким же точно образом.

Итак, остановившись, наконец, на воображаемой линии, разделяющей их владения, рыбки не решаются напасть друг на друга. Приняв особые угрожающие позы, они то и дело опрокидываются головой вниз. Рыбки проделывают это вновь и вновь, поворачиваются друг к другу боком, и каждый угрожающе выпрямляет спинной шип на той стороне тела, которая обращена к противнику. Все время рыбки касаются ртом дна, и можно подумать, что они заняты поисками пищи. Самец колюшки ведёт себя точно таким же образом в момент постройки гнезда; при столкновении каждый из двух самцов демонстрирует перед противником, так сказать, ритуальную версию этого поведения. Дело в том, что если нечто мешает особи совершить какое-либо инстинктивное действие, вытекающее из данной ситуации, животное часто «находит облегчение» в том, что выполняет другое действие, казалось бы, совершенно не соответствующее обстоятельствам. Так и в этом случае: колюшка, не решаясь напасть на противника, вместо этого производит движения, характерные для периода постройки гнезда. Это явление, имеющее огромный теоретический интерес как с точки зрения физиологии, так и психологии, в сравнительной этологии

принято называть смещением действий[22].

В отличие от бойцовой рыбки колюшка не тратит много времени на угрозы до начала драки, она делает это между столкновениями или после них. Колюшки никогда не дерутся до конца, хотя, если исходить из их способа нападения, можно было бы ожидать обратного. Удары и контрудары следуют один за другим с такой быстротой, что взгляд наблюдателя едва способен уследить за ними. Правда, большой спинной шип, имеющий столь зловещий вид, играет подчинённую роль.

В старой литературе об аквариумах встречаются утверждения, что один из сражающихся может пасть мёртвым, проткнутый шипом противника. Очевидно, авторы этих книг никогда не пробовали «проткнуть» колюшку; и мёртвая рыбка будет выскальзывать из-под самого острого скальпеля, прежде чем вам удастся продырявить её прочную шкуру даже в том месте, где она не подкреплена костистым панцирем. Положите колюшку на какую-нибудь мягкую поверхность, которая, конечно, оказывает гораздо большее сопротивление, чем вода, и попробуйте проткнуть рыбку острой иглой. Вы будете удивлены, увидев, сколько силы требуется для этого. Благодаря чрезвычайной прочности своей шкуры колюшка не может получить в бою сколько-нибудь серьёзной раны, да и сами сражения, если их сравнить с драками бойцовых рыб, безвредны до нелепости. Конечно, в ограниченном пространстве аквариума более сильный самец может загонять более слабого до смерти, но если в аналогичные условия поместить кроликов или горлиц, их взаимоотношения могут привести к такому же результату.

Колюшка и бойцовая рыбка ведут себя по-разному и в любви, и в драке, но как родители имеют много общего. У обоих видов не самка, а самец берет на себя устройство гнезда и заботу о молоди. И когда будущий отец ещё только начинает подыскивать себе пару, у него уже готова колыбель для ожидаемых детей. Но здесь сходство кончается и начинаются различия. Колыбель колюшки, как уже упоминалось, лежит «под полом», а у бойцовой рыбки она расположена «над потолком». Иными словами, первая выкапывает небольшую камеру на дне водоёма, а вторая строит гнездо на поверхности воды. Одна употребляет для постройки гнезда волокна растений и особые клейкие выделения почек, другая пользуется только воздухом и своей слюной.

Воздушный замок бойцовой рыбки, как и её ближайших родственников, состоит из маленькой кучки пузырьков воздуха, покрытых прочным слоем слюны. Этот домик очень устойчив и слегка выдаётся над поверхностью воды. Уже в то время когда самец занят постройкой гнезда, он окрашен в великолепные цвета, которые становятся глубокими и радужными в момент появления самки. Самец, подобно молнии, бросается к ней и останавливается, пылая. Если самка готова принять его, она «сообщает» об этом, обретая особую окраску, — на общем коричневом фоне появляются светло-серые вертикальные полосы. С плотно сложенными плавниками она плывёт к самцу, который, трепеща от возбуждения, до предела расправляет плавники и поворачивается к невесте ослепительно сверкающим боком. Б следующий момент кавалер поворачивается в сторону гнезда и плывёт скользящими движениями, грациозно извиваясь всем телом. Манящий характер этих жестов ясен, даже если видишь их впервые. Телодвижения говорят: «Я уплываю от тебя, торопись и догоняй меня!». Между тем самец никогда не плывёт быстро и не уходит далеко; он вскоре останавливается и поджидает самку, которая робко и застенчиво следует за ним по пятам.

---

[22] Смещённые действия (displacement activity) — действия животного, которые, с точки зрения наблюдателя, не соответствуют внешней ситуации. Например, петухи ЕО время драки часто клюют землю, словно собирая корм. Потревоженная около гнезда овсянка перебирает клювом перья, как будто бы приводя их в порядок. Испуганный кулик поворачивает голову назад и прячет клюв в оперение спины, как он делает, погружаясь в сон. На самом деле это ложное клевание, ложная чистка пера, ложный сон. Причину такого рода форм поведения видят в борьбе противоречивых стремлений — дерущийся петух хочет одновременно напасть на соперника и бежать от него. Смещённые действия служат в эволюции материалом для формирования различных брачных и угрожающих церемоний, заменяющих животным речь и язык.

Таким образом, самец увлекает самку в гнездо, где начинается любовный танец, нежной грацией движений напоминающий менуэт. Однако экстаз, в котором пребывают исполнители, вызывает воспоминания о храмовых танцах острова Бали. По предписанию вековых законов самец все время обращён к партнёрше своим роскошным боком, а она постоянно остаётся под прямым углом к нему. Самец не должен даже мельком увидеть бок самки, иначе он сразу станет злым и настроенным совсем не по-рыцарски, потому что показ бока означает у этих рыб, как и у многих других, агрессивные намерения и немедленно вызывает у каждого самца полную перемену настроения: самая горячая любовь сменяется дикой ненавистью.

Самец плавает вокруг самки, и она отвечает на каждое его движение таким образом, что голова её все время обращена к партнёру. Танец исполняется в маленьком кругу, как раз под центром гнезда. Движения становятся все более неистовыми, краски — все более пылающими, круг — все меньше и меньше; наконец тела соприкасаются. Самец неожиданно туго обвивает своим телом туловище самки, осторожно переворачивает её на спину, и, трепеща, оба совершают великий акт соединения. Икра и семя выделяются одновременно.

Самка несколько секунд находится в состоянии оцепенения, но у самца есть важное дело, которым нужно заняться тотчас же. Крошечные, прозрачные, как стекло, икринки тяжелее воды и сразу опускаются на дно. Положение тел при икрометании таково, что погружающиеся икринки движутся мимо головы самца, тем самым привлекая его внимание. Супруг мягко выпускает самку и скользит вниз в погоне за икринками, собирая их одну за другой в свой рот. Всплывая, он выдувает икринки в гнездо. Последние, вместо того чтобы снова погрузиться, теперь чудесным образом всплывают. Эта внезапная и удивительная перемена удельного веса объясняется тем, что сейчас каждая икринка покрыта плёнкой слюны, способной держаться на поверхности воды. Самец спешит с этой работой, и не только потому, что он скоро уже не сможет отыскать в грязи крошечные прозрачные шарики, но и ещё по другой причине: если он замешкается, самка может выйти из состояния транса и тоже начнёт поглощать икринки. На первый взгляд может показаться, что она повторяет действия самца. Но если вы захотите посмотреть, как она будет складывать икринки в гнездо, ваши усилия будут тщетны: икра погибла безвозвратно, проглоченная самкой. Поэтому у самца есть все основания торопиться; он хорошо знает, почему нельзя позволить самке приблизиться к гнезду, когда после десяти-двенадцати спариваний все её яички надёжно сложены наверху между пузырьками воздуха.

Семейная жизнь красивых и отважных рыбок из группы цихлид[23] находится на более высоком уровне, чем у бойцовой рыбки. Здесь уже и самец и самка заботятся о потомстве, а молодые рыбки следуют за ними, как цыплята за наседкой. Впервые на восходящей лестнице живых существ мы находим у этих рыб тот тип поведения, который считается людьми высокоморальным: самец и самка состоят в тесном супружеском товариществе даже после

---

[23] Цихлиды, или хромисы (Cichhdae), — семейство рыб из отряда Окунеобразных, распространённое в водоёмах (главным образом пресноводных) тропиков Старого и Нового Света. Наиболее разнообразны эти рыбки в озёрах Центральной Африки, где насчитывается около 200 видов хромисов.

того, как размножение окончено. Они остаются вместе не только на время, которое требует забота о выводке, но — и это очень важно — гораздо дольше. Обычно это называют браком, если оба партнёра вместе заботятся о потомстве, хотя для этой цели нет необходимости в настоящих личных связях между родителями. Но у цихлид они существуют.

Для того чтобы объективно установить, узнает ли животное своего супруга персонально, «в лицо», он должен быть заменён другим животным того же пола, находящимся в той же стадии цикла размножения. Если, например, пара птиц только что начала гнездиться, и мы заменим самку другой, находящейся в психофизиологической стадии выкармливания птенцов, её инстинктивное поведение, естественно, будет находиться в несоответствии с поведением самца. Если самец после такой замены начнёт враждебно реагировать на присутствие самки, мы не сможем сказать с полной уверенностью, действительно ли он заметил, что новая самка не его «жена», или его раздражение вызвано тем, что новая подруга ведёт себя «неправильно».

Меня крайне заинтересовало, как ведут себя в этом отношении цихлиды, — единственные рыбы, связанные узами брака на всю жизнь. Первое, что нужно для разрешения этого вопроса, — это обладать двумя парами животных, находящихся в одной фазе репродуктивного цикла. Я был достаточно удачлив и вскоре приобрёл великолепных южноамериканских цихлид Herichthys cyanoguttatus, вполне удовлетворявших этому условию. Латинское название, в буквальном переводе означающее «рыба-герой с голубыми пятнами», вполне оправдано: глубокие бирюзово-голубые переливающиеся пятна образуют причудливую мозаику на бархатно-чёрном фоне, а героизм, который проявляет размножающаяся пара этих рыбок даже по отношению к гораздо более крупному противнику, оправдывает вторую часть названия.

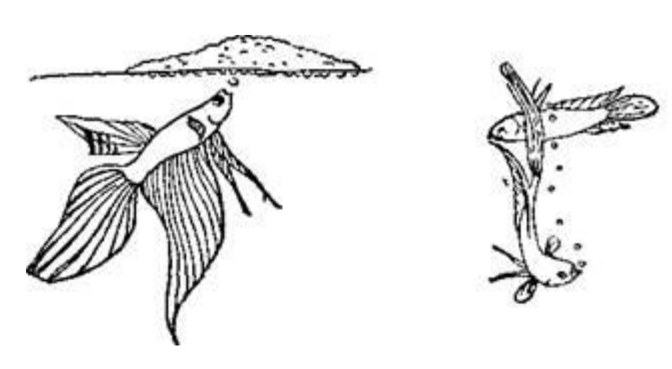
Пять молодых рыбок этого вида в тот момент, когда я приобрёл их, не были ни героическими, ни украшенными голубыми пятнами. После нескольких недель содержания в большом солнечном аквариуме они выросли и расцвели, и в один прекрасный день одна из двух самых больших рыбок надела свой брачный наряд. Тогда стало ясно, что это — самец. Он занял более низкий передний левый угол аквариума, выкопал глубокую полость для гнезда и начал готовиться к икрометанию, тщательно очищая большой гладкий камень от водорослей и наносов. Четыре другие рыбки сбились озабоченной кучкой в приподнятом правом заднем углу аквариума. Но на следующее утро одна из них тоже надела праздничный наряд; бархатно-чёрная грудка, лишённая голубых пятен, указывала на то, что перед нами самка. Самец сразу же препроводил даму домой с церемониями, очень похожими на те, с которыми самец бойцовой рыбки приглашает в гнездо свою супругу.

Так пара заняла свою гнездовую территорию и начала доблестно оборонять свои владения. Это было не шуточным делом для трех остальных рыбок, которые не имели возможности передохнуть, постоянно перегоняемые с места на место. И тот факт, что находившийся в их числе второй самец через несколько дней собрался с духом и решил завоевать противоположный угол аквариума, ярко характеризует героизм, свойственный этим рыбкам. Теперь два самца стояли лицом к лицу, как два враждебных рыцаря в своих замках.

Граница проходила ближе к замку одинокого самца: его боевые возможности были меньше, чем объединённые силы пары, поэтому и территория его была соответственно уже (об этом я говорил подробно, описывая территориальные сражения самцов колюшки).

Одинокий самец, которого мы будем называть самец номер два, вновь и вновь делал вылазки с явным намерением похитить жену соседа. Однако все его попытки были безрезультатны и не приносили холостяку ничего, кроме разочарования. Каждый раз, когда он пытался ухаживать за самкой, выставляя напоказ свой роскошный бок, она отвечала ему таранящим ударом в это незащищённое место.

Эта ситуация оставалась неизменной в течение нескольких дней; потом ещё одна самка надела наряд новобрачной, и счастливый конец казался неминуемым! Но произошло нечто совсем другое. Вторая самка, вопреки моим ожиданиям, оказывала очень мало внимания самцу номер два, как и он ей. Они просто игнорировали друг друга. Самка номер два все время пыталась приблизиться к самцу номер один. Каждый раз, когда тот после очередной военной вылазки уплывал в свои владения, она следовала за ним в характерной позе, которую обычно принимает самка, приглашаемая в гнездо. Очевидно, она считала себя обманутой всякий раз, когда самец номер один возвращался домой после очередной вылазки. Судя по той свирепости, с какой его жена нападала на приближающуюся соперницу, она уяснила обстановку весьма отчётливо. Её муж не принимал участия в этих нападениях. Таким образом, самец и самка номер два не существовали друг для друга, и каждый смотрел только на представителя другого пола из счастливой супружеской пары, которые, казалось, со своей стороны очень тало интересовались соседями.

Такое положение могло бы существовать длительное время, если бы я не вмешался и не пересадил вторые номера в другой идентичный аквариум. Разъединённые с предметами своей отвергнутой любви, они быстро нашли утешение в обществе друг друга и образовали пару. Некоторое время спустя обе самки выметали икру в один и тот же день. Теперь я имел то, что желал, именно: две пары животных одного вида в одной и той же стадии цикла размножения. Поскольку размножение этих рыбок само по себе много значило для меня, я решил подождать со своим экспериментом до тех пор, пока молодые в обеих семьях подрастут настолько, чтобы они смогли существовать самостоятельно даже в том случае, если супружеские связи родителей будут окончательно порваны.

После этого я обменял самок. Результат оказался двусмысленным и не дал ясного ответа на вопрос, узнают ли рыбки своего супруга «в лицо». Моё толкование, которое я излагаю ниже, может показаться многим слишком смелым и, несомненно, нуждается в дальнейшем экспериментальном подтверждении. Самец номер два принял самку номер один сразу же, как только она была посажена к нему. Однако, мне кажется, это нельзя расценивать как свидетельство того, что самец не заметил перемены; действительно, его поведение при каждой встрече с самкой во время церемонии «смены караула» говорило как будто об усилении пыла и страсти. Самка сразу приняла ухаживания самца и без колебаний приступила к исполнению своей роли. Но и это не говорит о многом, ибо в этот период самка целиком занята молодыми и обращает на самца мало внимания.

В другом аквариуме, куда я посадил самку номер два к самцу номер один и его потомству, дела приняли совершенно иной оборот. Здесь самка тоже интересовалась только детьми; выведенная из душевного равновесия переменой обстановки, она сразу поплыла на мелкое место и начала встревоженно собирать около себя молодых. Именно то же самое сделала самка в другом аквариуме. Но совершенно противоположным было поведение

самца. В то время как самец номер два принял новую самку дружеской церемонией «накаливания», самец номер один продолжал насторожённо охранять выводок, отказался принять помощь самки и в следующий момент обрушил на неё бешеный таранящий удар. Несколько серебряных чешуек заплясали, подобно солнечным зайчикам, на дне аквариума, и я должен был вмешаться, чтобы спасти самку, которая в противном случае могла быть забита до смерти.

Что же произошло? Самец, который получил «более симпатичную» самку, ухаживал за ней и раньше, почему и принял замену с удовлетворением; другой же, помещённый с первоначально отвергнутой им самкой, был взбешён и, его нельзя не оправдать. Теперь он нападал на неё гораздо свирепее, чем делал это раньше, в присутствии своей законной супруги.

Способы заботы этих рыб о своём потомстве ещё более интересны, чем взаимоотношения взрослых особей, и гораздо пленительнее для наблюдателя. Кто хоть раз наблюдал, как они непрерывно обвевают струями свежей воды икру или крошечных рыбок, лежащих в гнезде, сменяют друг друга на дежурстве с военной точностью, или позже, когда молодые учатся плавать, заботливо ведут их сквозь толщу воды, тот никогда не забудет этих сцен. Но самое трогательное зрелище можно наблюдать, когда дети, уже способные плавать, на ночь укладываются спать. Каждый вечер, прежде чем молодые достигнут возраста нескольких недель, они с наступлением сумерек возвращаются к гнездовой камере, в которой провели раннее детство. Мать стоит около входа в гнездо и собирает молодых около себя. Затем она подаёт особый сигнал движением своего плавника.

Эта деталь поведения особенно ярко выражена у великолепной драгоценной рыбки Hemichromis bima-culatus, одной из самых прекрасных среди всех цихлид. Я думаю, что Руперт Брук[24] имел в виду именно этих рыбок, когда писал следующие строки:

Багровый — в сердце розы — цвет,
В беззвёздном небе синий свет,
И золотом блеснувший взор,
И зелень моря, пурпур гор —
От полной тьмы до полной тьмы.
Найдём мильон оттенков мы.

Сверкающие и переливающиеся голубые пятна на темно-красном спинном плавнике играют особую роль в тот момент, когда самка драгоценной рыбки укладывает детей спать. Она быстро дёргает плавником вверх и вниз, испуская яркие вспышки наподобие гелиографа[25]. В ответ на это молодые собираются под матерью и послушно опускаются в отверстие гнезда. В это время отец обыскивает аквариум в поисках запоздавших. Он не тратит времени на уговоры, а просто забирает их в свой просторный рот и, подплыв к гнезду, «выплёвывает» во входное отверстие. Молодые рыбки сразу тяжело падают на дно и остаются лежать там. Дело в том, что плавательный пузырь спящих молодых сжимается настолько сильно, что они становятся гораздо тяжелее воды и, подобно маленьким камешкам, остаются лежать в гнездовой камере, как лежали в раннем детстве, когда их плавательный пузырь ещё не был наполнен газом. То же явление «утяжеления» вступает в действие, когда родители собирают молодых в рот. Без этого рефлекторного механизма отец никогда бы не смог удержать детей вместе, как он делает это каждый вечер, препровождая их на ночлег.

---

[24] Брук Руперт (1887-1915) — английский поэт, представитель неореализма.

[25] Гелиограф — прибор, используемый в военном деле для передачи сообщений азбукой Морзе посредством зеркала, отражающего солнечные лучи.

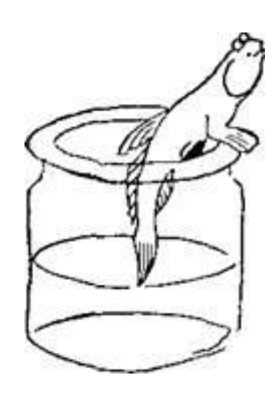
Однажды я наблюдал, как драгоценная рыбка во время подобной вечерней транспортировки опоздавших совершила поступок, совершенно изумивший меня. Поздно вечером я вошёл в свою лабораторию. Уже спустились сумерки, и я хотел быстро покормить рыбок, которые ещё не ели в этот день. Среди них была и пара драгоценных рыбок с выводком. Подойдя к аквариуму, я увидел, что большинство молодых находились уже в гнезде, возле которого дежурила самка. Когда я бросил на дно кусок дождевого червя, она отказалась от еды. Отец, в величайшем возбуждении сновавший взад и вперёд в поисках «прогульщиков», отвлёкся от выполнения своих обязанностей, соблазнившись отличным задним концом червя (по непонятным причинам он предпочёл этот кусок целому червю, лежавшему перед ним). Он схватил половину червя, но тот был слишком велик, чтобы проглотить его сразу. Самец принялся жевать свою добычу и в этот момент увидел молодого, плывущего вдоль стенки аквариума. Самец вздрогнул, как ужаленный, бросился вдогонку за маленькой рыбкой и затолкал её в уже наполненный рот. Это был волнующий момент. Рыба держала во рту две совершенно различные вещи, одну из которых она должна была отправить в желудок, а другую — в гнездо. Как она поступит? Должен сознаться, что в этот момент я не дал бы и двух пенсов за жизнь крошечной драгоценной рыбки. Но случилось удивительное! Самец стоял неподвижно, с полным ртом, но не жевал. Если я когда-нибудь полагал, что рыба думает, то именно в этот момент. Это совершенно замечательно, что рыба может найтись в подлинно сложной ситуации, и в этом случае она вела себя именно так, как вёл бы себя человек, будь он на её месте. Несколько секунд она стояла неподвижно, как бы не находя выхода из положения, и почти можно было видеть, как напряжены все её чувства. Потом она разрешила противоречия способом, который не может не вызвать восхищения: она выплюнула все содержимое на дно аквариума. Червь упал, и маленькая рыбка, ставшая тяжёлой благодаря приспособлению, о котором уже говорилось, последовала за ним. Затем отец решительно направился к червю и неторопливо начал есть его, все время поглядывая одним глазом на молодого, который послушно лежал на дне. Покончив с червём, самец взял малька и отнёс его домой к матери.

Несколько студентов, бывших свидетелями этой сцены, вздрогнули, когда один человек начал аплодировать.

СТОИТ ЛИ СМЕЯТЬСЯ НАД ЖИВОТНЫМИ?

Я редко смеюсь над животными, и когда это случается, всякий раз обнаруживаю позже, что смеялся-то я над самим собой, над людьми, ибо многих животных мы иногда воспринимаем как более или менее безжалостную карикатуру на человека. Мы стоим перед обезьянником и смеёмся, однако не смеёмся при виде гусеницы или слизня; и если брачные ужимки здорового, сильного гусака кажутся нам невероятно забавными, то только потому, что наши молодые люди ведут себя весьма похоже в сходных ситуациях.

Просвещённый наблюдатель редко смеётся над странными, эксцентричными животными. Меня всегда выводят из себя посетители зоопарка, высмеивающие тех животных, у которых в ходе эволюции развились особые черты строения, кажущиеся нам необычными. Гротескные формы хамелеона или муравьеда вызывают во мне чувство глубокого удивления, но отнюдь не веселье.

Конечно, неожиданная забавность некоторых животных подчас и у меня вызывает смех, и, очевидно, такое веселье не менее глупо, чем раздражающее меня поведение публики в зоопарке. Когда я впервые приобрёл странную, вылезающую на землю рыбку периофтальмус[26] и увидел, как это существо выпрыгнуло на край аквариума — заметьте, не прочь из сосуда, а на его край — подняло голову с бульдожьим «лицом» и, сидя на своём «насесте», уставилось на меня выпученными, пронзительными глазами — в этот момент я смеялся, смеялся от души. Можете ли вы представить себе что-либо подобное — рыба, настоящая, подлинная рыба сидит на «жёрдочке», как канарейка, потом поворачивает к вам голову, как высшее наземное позвоночное[27] и в довершение всего рассматривает вас сразу обоими глазами! Такой же пристальный взгляд характерен для сов, и именно он придаёт этим Птицам закреплённое в пословицах мудрое выражение «лица». Дело в том, что даже у птиц, стоящих эволюционно выше, чем рыбы, бинокулярный[28] взгляд кажется неожиданным. И здесь смешное, очевидно, заключается, скорее, в карикатурном сходстве с человеком, нежели в какой-то особой забавности самих животных.

При изучении поведения высших животных часто возникают весьма забавные ситуации, и в этих ситуациях не животные, а сам наблюдатель неизменно играет комическую роль. Работа этолога, изучающего поведение птиц и млекопитающих, нередко требует полного отступления от внешнего достоинства, которое принято ожидать от учёного. В самом деле, порой нельзя осуждать непосвящённого человека, который, наблюдая этолога за работой, не может отделаться от мысли, что есть нечто безумное в действиях последнего. Только репутация «безвредного», которую я разделял с одним деревенским идиотом, в своё время спасла меня от дома умалишённых. Но в оправдание жителей Альтенберга я должен рассказать несколько маленьких историй.

---

[26] Периофтальмус или илистый прыгун (Periophtalmuskoelreuteri), — небольшая рыбка, обитающая в прибрежных участках тропических районов Тихого и Индийского океанов. Рыбки лежат в прибрежном иле, ползают или прыгают по нему, часто влезают на обнажённые корни мангровых деревьев. На суше охотятся на насекомых даже чаще, чем в воде. По своему образу жизни более напоминают земноводных, чем рыб.

[27] У рыб и амфибий шейный отдел позвоночника неразвит или развит очень слабо, поэтому голова неподвижно соединяется с туловищем. Подвижная шея появляется лишь у некоторых рептилий (ящерицы, черепахи) и представляет собой обычное явление у птиц и млекопитающих.

[28] Бинокулярное зрение — способность видеть предмет одновременно обоими глазами. Низшие позвоночные (рыбы и амфибии) практически лишены такой способности, и периофтальмус представляет собой редкое исключение. Среди высших позвоночных (рептилий, птиц и Млекопитающих) бинокулярное зрение сравнительно широко распространено только у млекопитающих.

Одно время я экспериментировал с молодыми кряковыми утками — меня интересовал вопрос, почему инкубаторные, только что вылупившиеся утята в отличие от «новорождённых» птенцов серого гуся недоверчивы и пугливы. Гусята без колебаний начинают считать матерью первое живое существо, которое они встречают на своём жизненном пути, и доверчиво бегут за ним. Утята кряквы ведут себя совершенно иначе. Если я беру из инкубатора только что вылупившихся птенцов, они неизменно убегают от меня и забиваются в ближайший тёмный угол. Почему? Я помнил, что однажды подложил яйца кряквы под мускусную утку[29], и вылупившиеся крошечные утята отказались принять мачеху. Как только они обсохли, они просто-напросто убежали от неё прочь, и я потратил массу усилий, чтобы изловить этих кричащих, заблудших детей. Но в другой раз, когда я заставил высиживать яйца кряквы большую белую домашнюю утку, маленькие дикари бегали за ней так, словно это была их настоящая мать. Внешне белая домашняя утка совершенно не похожа на крякву, так же, как и мускусная утка. Но у домашней утки есть одно общее с кряквой — это её голос. Кряква, несомненно, является диким прародителем домашней утки. В процессе одомашнивания изменились пропорции тела и окраски, но голос практически остался таким же, как у кряквы.

Вывод был ясен: чтобы заставить маленьких крякв ходить за мной, я должен крякать, как кряква-мамаша. Но сказать проще, чем сделать. В один прекрасный день я взял кладку сильно насиженных яиц чистокровной дикой кряквы, положил их в инкубатор, и, когда утята вылупились и обсохли, стал крякать для них, как самая лучшая крякуха. Моё кряканье имело успех. Утята уверенно устремляли свой взгляд на меня, видимо, не боялись меня в это время. Поскольку продолжая крякать, я медленно уходил от них, они послушно держались вместе и торопливо шли за мной тесной беспорядочной кучкой, точно так, как утята обычно следуют за своей матерью. Моё предположение было, бесспорно, доказано. Только что вылупившиеся из яйца утята обладают врождённой реакцией на голос матери, а не на её внешний вид. Всякий, издающий утиное кряканье, будет принят за мать — неважно, кто это: толстая белая пекинская утка и или ещё более толстый мужчина. Однако «подставное лицо» не должно быть особенно рослым. В начале моих опытов я садился на траву среди утят и передвигался в таком положении. Но как только я вставал во весь рост и пытался предводительствовать стоя, утята останавливались, испытующе смотрели во все стороны, но только не вверх, откуда доносилось моё кряканье, и вскоре начинался пронзительный писк покинутых матерью утят, который мы обычно называем плачем. Они не могли смириться с тем, что мама их стала такой высокой. Итак, я был вынужден передвигаться сидя на корточках, если хотел, чтобы утята следовали за мной. Нельзя сказать, чтобы это было слишком удобно; но ещё менее утешительным было то, что кряква мать крякает непрерывно. Стоило мне сделать хотя бы полуминутный перерыв в моем мелодичном «куак, гегегегег, куак, гегегегек…», как шек утят начинали становиться все длиннее и длиннее, подобно тому, как вытягиваются

29 Мускусная утка (Cairma moschata) — крупная (длиной до 80 см) утка, распространённая в лесных районах Американского континента от Мексики до Парагвая. Гнездится на деревьях. У себя на родине одомашнена и даёт помеси с обыкновенной домашней уткой, происходящей от кряквы.

лица у обиженных детей, и если я сразу же не возобновлял кряканье, пронзительный плач начинался снова. Как только я замолкал, им, вероятно, начинало казаться, что я умер или не люблю их больше, — причина, достаточная для того, чтобы начать плакать! Утята в противоположность птенцам серого гуся оказались достаточно утомительной обузой — представьте себе двухчасовую прогулку с такими детьми, когда все время передвигаешься сидя на корточках и крякаешь без остановки. Поистине, в интересах науки я подверг себя тяжёлому испытанию.

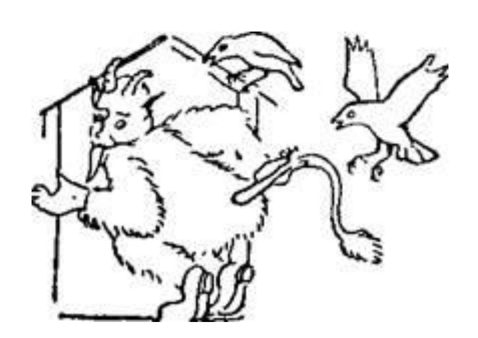
Так, скорчившись и крякая, я прогуливался в один прекрасный день в компании своих утят по заросшему майской травой лужку в возвышенной части своего сада. Я радовался послушанию и точности, с какими мои утята в этот день вперевалочку следовали за мной. Когда я вдруг взглянул вверх, то увидел над оградой сада ряд мертвенно-белых лиц: группа туристов стояла за забором и со страхом таращила глаза в мою сторону. И не удивительно! Они могли видеть толстого человека с бородой, который тащился, скрючившись в виде восьмёрки, вдоль луга, то и дело оглядывался через плечо и крякал, а утята, которые могли хоть как-то объяснить подобное поведение, утята были скрыты от глаз изумлённой толпы высокой весенней травой.

Как я расскажу в одной из следующих глав, галки надолго запоминают того, кто на глазах у всей галочьей колонии однажды взял одну их них в руки и тем самым вызвал переполох, сопровождаемый особым «гремящим» криком. Это сильно препятствовало моей работе по кольцеванию молодых галок а колонии, обосновавшейся на моем доме. Когда я брал птенцов, чтобы пометить их с помощью алюминиевых колечек, галки не могли не видеть меня, и сразу же начинался дикий гремящий концерт. Как воспрепятствовать развитию у птиц постоянного недоверия ко мне в результате процедуры кольцевания — ведь такое положение дел могло нанести неисправимый вред всей моей работе. Решение казалось очевидным — переодевание. Но как? Очень просто. Костюм лежал наготове в ящике на чердаке и очень подходил для моих целей, хотя обычно его доставали один раз в год — шестого декабря, чтобы отпраздновать старый австрийский праздник, день святого Николая и Дьявола. Это был великолепный меховой костюм черта с маской, закрывающей всю голову, с рогами и языком и с длинным торчащим дьявольским хвостом.

Я хотел бы знать, что подумали бы вы, если бы в один прекрасный июльский день вдруг услышали дикий крик галок, доносящийся с остроконечной крыши высокого дома, и, взглянув вверх, увидели бы Сатану собственной персоной: с рогами, хвостом и когтями, с высунутым от жары языком, Сатану, карабкающегося от дымохода к дымоходу и окружённого роем чёрных птиц, производящих оглушительные гремящие крики? Мне кажется, что общее тревожное впечатление от такого зрелища могло замаскировать тот факт, что Сатана при помощи обычных щипцов надевал алюминиевые колечки на лапки молодых галок, после чего осторожно клал их обратно в гнездо. Когда я окончил кольцевание, то впервые заметил большую толпу, собравшуюся на деревенской улице. Люди смотрели вверх с тем же выражением ужаса, что и те туристы за оградой моего сада. Поскольку возможность показать, кто скрывается под личиной Сатаны, совершенно противоречила моим целям, я

ограничился тем, что дружески махнул толпе своим дьявольским хвостом и исчез через люк, ведущий на чердак.

В третий раз я находился под угрозой попасть в психиатрическую клинику по вине моего большого желтохохлого какаду[30] по имени Кока. Я приобрёл эту прекрасную птицу незадолго до пасхи за внушительную сумму. Прошло несколько недель, прежде чем бедное существо смогло оправиться от психического расстройства, вызванного долгим заточением у предыдущих хозяев. Первое время попугай просто не мог осознать, что нет больше оков и можно двигаться свободно. Было жалко смотреть на эту гордую птицу, которая, сидя на ветке, то и дело готовилась взлететь и не решалась, ибо не верила, что она уже не на цепочке. Когда же она, наконец, преодолела эту внутреннюю скованность, то стала чрезвычайно живым и энергичным существом и очень привязалась ко мне. Утром, как только попугаю разрешалось покинуть комнату, в которую мы ещё запирали его на ночь, он сразу же летел разыскивать меня, проявляя при этом удивительную сообразительность. В чрезвычайно короткое время птица уяснила себе, где можно вернее всего найти меня. Первым делом попугай влетал в окно моей спальни и, не найдя меня там, вёл свою разведку все шире и шире. В результате несколько раз он терял обратную дорогу. Поэтому мои помощники получили строгую инструкцию — не выпускать попугая в то время, пока я нахожусь в отлучке.

В одну июньскую субботу я сошёл с венского поезда в Альтенберге, окружённый толпой туристов, приехавших, как обычно бывает летом в конце недели, на купание в нашу деревню. Я сделал всего несколько шагов по улице среди толпы, не успевшей ещё поредеть, когда высоко в воздухе увидел какую-то странную птицу. Она медленно, размеренно взмахивала крыльями и время от времени подолгу парила. Она казалась слишком массивной для сарыча[31]. Это не был и аист — он крупнее, кроме того, у аиста, летящего даже на такой высоте, были бы видны длинные ноги, и шёл. Птица сделала внезапный поворот, и садящееся солнце на мгновение осветило нижнюю сторону больших крыльев, которые блеснули, словно звезды в голубом небе. Птица была белой. Господи, да ведь это мой какаду! Равномерные движения его крыльев ясно указывали, что попугай собрался лететь далеко. Что же делать? Должен ли я позвать птицу? Кстати, слышали ли вы когда-нибудь призывный крик большого желтохохлого какаду? Нет? Но вы, вероятно, слышали крик свиньи, убиваемой старым дедовским способом. Представьте же себе этот крик в его наиболее громком варианте, переданный через микрофон и усиленный в несколько раз хорошим громкоговорителем. Человек может с успехом имитировать этот звук, если во всю силу своего голоса проревёт: «О-ах»; правда, это всегда будет звучать слабее, чем настоящий крик какаду.

Я уже мог удостовериться раньше, что какаду признает эту имитацию и немедленно

---

[30] Желтохохлый какаду (Cacatoe galerita) — крупный попугай, обитающий в Австралии и Тасмании.

[31] Сарыч, или канюк (Buteo buteo), — хищная птица из семейства Ястребиных, широко распространённая в лесных районах Европы и Азии. Одна из самых обычных наших птиц. Приносит большую пользу, уничтожая грызунов.

подчиняется призыву. Но получится ли это на таком большом расстоянии? Птицам всегда стоит большого труда решиться на то, чтобы резко спуститься вниз под прямым углом к траектории полёта. Кричать или не кричать, вот в чём вопрос. Если я издам вопль, и птица спустится ко мне, все будет прекрасно, но если она спокойно помчится дальше под облаками, как объясню я свою «песню» окружающим. В конце концов, я всё-таки закричал. Люди вокруг меня тихо остановились, пригвождённые к месту. Попугай на мгновение замешкался с распростёртыми крыльями, затем сложил их и, спикировав, опустился на мою руку. Ещё раз я оказался хозяином положения.

В другой раз шалости моего какаду заставили меня не на шутку перепугаться. Мой отец, в то время уже старый человек, использовал для своего послеобеденного отдыха ступеньки террасы на юго-западной стороне нашего дома. Будучи знаком с медициной, я никогда не был в восторге от того, что он ежедневно подвергает себя действию ослепительного полуденного солнца. Однажды, как раз во время сиесты, я услышал крепкую кавалерийскую ругань, доносившуюся с того места, где отец имел обыкновение отдыхать. Обежав вокруг дома, я увидел старого джентльмена — он стоял, согнувшись и крепко обхватив руками свою талию. «Боже мой, ты заболел?» — «Нет, — последовал раздражённый ответ, — я не заболел, но пока я спал, это проклятое создание откусило все пуговицы на моих брюках!». И это действительно было так. Свидетели этой сцены обнаружили на ступеньках полное очертание старого профессора, выложенное из пуговиц: здесь — рукава, тут жилет, а вот, вне всякого сомнения, пуговицы от его брюк.

Одну из шалостей нашего какаду можно было приравнять по проявленной птицей прихотливой изобретательности к выходкам обезьян или даже человеческих детей. Все началось с той пылкой любви, которую попугай питал к моей матери. Мама летом проводила много времени в саду и постоянно вязала здесь. Какаду, казалось, совершенно отчётливо представлял себе, как устроен мягкий моток шерсти. Он часто ловил клювом свободный конец нити и стремительно взлетал, распутывая за собой клубок. Подобно бумажному змею с длинным хвостом, он летел вверх, а затем начинал описывать правильные круги вокруг старой липы, росшей перед фасадом нашего дома. Однажды, когда поблизости не было никого, кто мог бы остановить эту игру, попугай опутал все дерево до самой вершины красивыми яркими прядями шерсти, которую уже невозможно было выпутать из пышной листвы. Наши гости обычно останавливались перед этим деревом в немом изумлении. Они не могли понять, кто и зачем украсил его подобным образом.

Попугай обычно ухаживал за моей матерью, совершая вокруг неё свой экзотический

танец, складывая и вновь разворачивая великолепный хохол, и преследовал её повсюду, Он разыскивал её столь же неутомимо, как некогда разыскивал меня. У матери было не менее четырех сестёр. Однажды все они и несколько их приятельниц, пожилых леди, собрались на чаепитие на веранде нашего дома. Они сидели за огромным столом, перед ними стояло блюдо с ароматной домашней вишней, а в центре стола — большая и очень мелкая чаша с сахарной пудрой. Какаду, который в это время случайно или намеренно пролетал мимо, заметил маму, председательствовавшую за праздничным столом. В следующий момент попугай в довольно рискованном броске протиснулся в дверь, проем которой был достаточно широк, но все же уже, чем размах крыльев птицы. Какаду намеревался сесть на стол возле матери, где привык находиться в то время, пока она вязала. Но на его обычном пути обнаружилось множество препятствий, к тому же он вдруг оказался в центре кружка незнакомых ему людей. Он оценивал ситуацию, резко затормозив в воздухе и трепеща крыльями над столом, подобно вертолёту. Затем вдруг повернулся кругом и в следующее мгновение исчез. Исчез также и сахар из мелкого блюда — все до последней крошки было сдуто взмахами крыльев попугая. А вокруг стола сидели семь напудренных леди. Их лица были белы как снег, а глаза плотно зажмурены. Это было великолепное зрелище!

СОЧУВСТВУЕМ ЖИВОТНЫМ

Нам жалость легче ощутить, когда
Сочувствию сопутствует беда.
С. Т. Кольридж

Если внимательно прислушаться к замечаниям посетителей большого зоопарка, то можно легко заметить, что люди, как правило, расточают свою сентиментальную жалость в отношении тех животных, которые вполне довольствуются своей участью, в то время как истинные страдальцы могут остаться незамеченными зрителем. Мы особенно склонны жалеть таких животных, которые способны вызывать у человека яркие эмоциональные ассоциации, — эти существа, подобные соловью, льву или орлу, именно поэтому столь часто фигурируют в нашей литературе.

О том, насколько неправильно понимается обычно сущность соловьиного пения, свидетельствует тот факт, что в литературе эта птица часто бывает представлена нам в качестве самки. В немецком языке слово «соловей» вообще принадлежит к женскому роду. В действительности же только самец поёт, и значение его песни — предупреждение и угроза другим самцам, которые могут вторгнуться на территорию певца, а в равной степени — приглашение пролетающим мимо самочкам соединиться с ним.

Для всякого, кто знаком с жизнью птиц, принадлежность поющего соловья к мужскому полу абсолютно очевидна, и всякое желание приписать громкую песню самке кажется столь же комически-нелепым, как выглядела бы бородатая Джиневра в глазах знатока творчества Теннисона[32]. Именно по этой причине я никогда не мог принять красивую сказку Оскара Уайлда[33] про соловья: «она» сделала красную розу из музыки и лунного света и окрасила цветок кровью своего сердца. Должен сознаться, что я был очень рад, когда, наконец, шип, торчащий в её сердце, заставил эту шумливую даму прекратить своё громкое пение.

Позже я ещё коснусь вопроса о предполагаемых страданиях комнатных птиц. Конечно, самец соловья, поющий в клетке, должен испытывать своего рода разочарование, поскольку его продолжительное пение остаётся без ответа и самочка не появляется, однако то же самое

---

[32] Теннисон Альфред (1809-1902) — английский поэт лирик. Основное произведение — цикл поэм «Королевские идиллии», средневековые рыцарские сказания о короле Артуре.

[33] Уайлд Оскар (1856 — 1900) — английский поэт и драматург. Его пьесы «Идеальный муж», «Как важно быть серьёзным» и др. отличаются остроумием и изяществом формы.

возможно и в естественных условиях, так как самцов обычно больше, чем самок.

Лев — другое животное, чьи характер и среда обитания по обыкновению неверно преподносятся нам в литературных произведениях. Англичане называют его «царём джунглей», отсылая бедного льва в местность, слишком сырую для него; немцы же, со свойственной им основательностью, впадают в другую крайность и отправляют несчастное животное в пустыню. По-немецки «лев» так и называется — «царь пустыни». В действительности, наш лев предпочитает счастливую середину и живёт в степях и саваннах[34]. Величавость осанки этого животного, за которую он получил первую часть своего прозвища, обязана одному простому обстоятельству: постоянно охотясь на крупных копытных — обитателей открытых ландшафтов, лев привык обозревать широкие пространства, игнорируя всё, что движется на переднем плане.

Лев страдает в своём заточении гораздо менее других хищных млекопитающих равного с ним умственного развития по той причине, что у него меньше желания находиться в постоянном движении. Грубо говоря, «царь зверей», в общем, ленивее других хищников, и его праздность кажется просто завидной. Живя в естественной обстановке, лев способен покрывать огромные расстояния, но, очевидно, он делает это только под влиянием голода, а не из каких-либо иных внутренних побуждений. Именно поэтому пленённого льва редко приходится видеть беспокойно расхаживающим по своей клетке, тогда как волк или лисица снуют взад и вперёд непрерывно, целыми часами. Если же сдерживаемая потребность в движении порой заставляет льва расхаживать туда и назад во всю длину его тюрьмы, то и в эти моменты движения зверя, скорее, носят характер спокойной послеобеденной прогулки и совершенно лишены той безумной торопливости, которая характерна для пленённых представителей семейства собачьих с их непреодолимой и постоянной потребностью покрывать большие расстояния. В Берлинском зоопарке есть огромный загон с песком из пустыни и жёлтыми грубыми скалами, но эта дорогостоящая постройка оказывается в значительной степени бесполезной. Гигантская модель ландшафта с чучелами животных могла бы с успехом служить той же цели — настолько лениво возлежат живые львы среди этого романтического окружения.

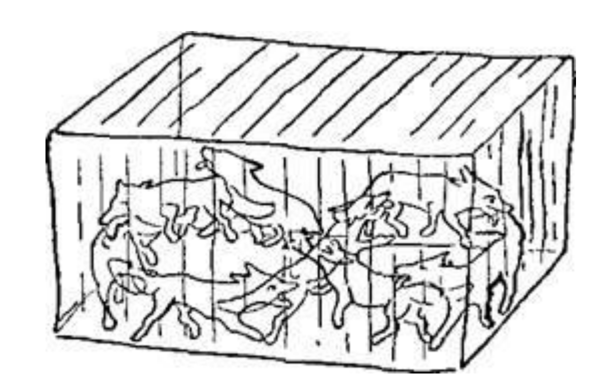

А теперь — немного об орлах. Мне неловко разрушать мифические иллюзии, связанные с этой великолепной птицей, но я должен оставаться верным истине: все пернатые хищники, если сравнивать их с воробьями или попугаями, — чрезвычайно ограниченные создания. Это особенно относится к беркуту, орлу наших гор и наших поэтов, который оказывается одним из наиболее тупых среди всех хищников, гораздо более тупым, нежели обитатели обычного птичьего двора. Это, конечно, не мешает этой величавой птице быть прекрасным и выразительным олицетворением самой сущности дикой природы. Однако сейчас мы говорим об умственных способностях орла, его любви к свободе и

[34] Саванны — степные равнины, поросшие высокой травой, с отдельными деревьями и кустарниками.

предполагаемых страданиях в пору заточения. Я до сих пор помню, сколько разочарований принёс мне мой первый и единственный орёл, так называемый могильник[35], которого я из жалости приобрёл у бродячего зверинца. Эта великолепная самка, судя по её оперению, прожила на свете уже несколько лет. Совершенно ручная, она приветствовала своего воспитателя, а позже и меня, забавными жестами, выражавшими её привязанность к хозяину: птица переворачивала голову таким образом, что страшный изгиб её клюва был направлен вертикально вверх. Одновременно с этим она что-то лепетала таким тихим и доверчивым голоском, который сделал бы честь самой горлинке. Да и вообще по сравнению с этим голубем мой орёл был сущим ягнёнком (смотри глазу двенадцатую). Покупая орла, я надеялся сделать из него ловчую птицу — известно, что многие азиатские народы держат этих птиц в охотничьих целях. Я не тешил себя надеждой достигнуть каких-то особых успехов в этом благородном спорте. Просто мне хотелось, используя в качестве приманки домашнего кролика, понаблюдать за охотничьим поведением какого-нибудь крупного пернатого хищника. Этот план полностью провалился, ибо мой орёл, даже будучи голоден, отказывался тронуть хотя бы один волос кроличьей шкурки.

Эта птица совершенно не проявляла желания летать, несмотря на то, что была сильна, совершенно здорова и обладала превосходным оперением крыльев. Ворон, какаду или сарыч летают, чтобы доставить себе удовольствие, они с радостью используют всю полноту предоставленной им свободы. Мой орёл летал только, если ему случалось попасть в восходящий поток воздуха над нашим садом, который давал ему возможность парить, не затрачивая большой мускульной энергии. Да и в этих случаях птица никогда не достигала доступной ей высоты. Она кружилась в воздухе без всякого смысла и цели, а потом опускалась где-нибудь в стороне от нашего сада и сидела в тоскливом одиночестве до наступления темноты, ожидая, что я приду и заберу её домой. Возможно, птица и сама могла бы найти дорогу к дому, но она была чрезвычайно заметной, и кто-нибудь из соседей постоянно звонил по телефону, сообщая, что моя питомица сидит на такой-то и такой-то крыше, в то время как ватага ребятишек забрасывает её камнями. Тогда я шёл за ней пешком, потому что это слабоумное создание отчаянно боялось велосипеда. Так раз за разом я устало тащился домой, неся на руке тяжёлого орла. Наконец, не желая постоянно держать птицу на цепи, я сдал её в Шонбруннский зоопарк.

Большие вольеры, которые сегодня можно увидеть в любом крупном зоопарке, вполне соответствуют малой потребности орлов к полёту, и если бы мы спросили одну из этих птиц о её желаниях и недовольствах, то, вероятно, получили бы следующий ответ: «Мы страдаем в нашей клетке в основном от перенаселения. Как часто в тот момент, когда я или моя супруга несём прутик к полу законченному гнезду, появляется один из этих отвратительных белоголовых сипов[36] и отнимает нашу находку. Общество белоголовых орланов[37] тоже

[35] Могильник, или орёл-могильник (Aquila heliaca), — крупная хищная птица из семейства Ястребиных, обычная в лесостепях и степях Юго-Восточной Европы, Казахстана и Передней Азии.

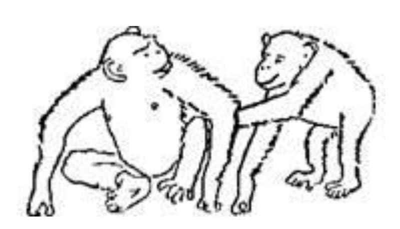
[36] Белоголовый сип (Gyps fulvus) — крупная хищная птица из семейства Ястребиных. Обитает в сухих

действует мне на нервы: они сильнее нас и слишком любят властвовать. Но ещё хуже кондоры[38] из Анд, эти неприветливые и хмурые создания. Питание вполне хорошее, хотя нам дают слишком много конины. Я бы предпочёл более мелкую пищу, например, кроликов вместе с шерстью и костями». Орёл не сказал бы ничего о своём страстном желании оказаться на свободе.

Есть ли животные, которые действительно заслуживают сострадания, когда живут в неволе? Частично я уже отвечал на этот вопрос. В первую очередь, таковы умные и высокоразвитые существа, чьи живые способности и потребность в активной деятельности могут найти удовлетворение только по эту сторону клеточной решётки. Далее, достойны сочувствия все те животные, для которых характерны сильные внутренние побуждения, не находящие выхода в условиях неволи. Особенно это заметно, даже для непосвящённого человека, в отношении тех пленников зоопарка, которые при жизни на свободе привыкли странствовать и соответственно обладают сильной потребностью в постоянном движении. Именно поэтому лисы и волки, живущие в большинстве старомодных зоопарков в чересчур маленьких клетках, относятся к числу пленников, наиболее заслуживающих сострадания.

Другую достойную сожаления картину, редко замечаемую рядовым посетителем зоопарка, являют собой некоторые виды лебедей в тот период, когда они привыкли совершать свои перелёты. Этих птиц, так же как и других водоплавающих, обычно лишают в зоопарках способности к полёту, ампутируя на их крыльях косточку метакарпального сустава[39]. Несчастные создания никогда не способны осознать до конца, что они уже не смогут летать, поэтому они вновь и вновь повторяют свои тщетные попытки подняться в воздух. Мне не нравятся эти птицы с обрезанными крыльями. Отсутствие концевого сустава, особенно заметное в тот момент, когда птица расправляет крылья, являет собой печальнейшую картину, отравляющую мне все удовольствие созерцания прекрасного существа, даже если оно принадлежит к такому виду, который вообще не склонен страдать психически от своего увечья.

«Оперированные» лебеди обычно кажутся довольными своей участью и при хорошем уходе проявляют это удовлетворение в том, что без труда производят на свет и выращивают птенцов. Но в период перелётов картина совершенно меняется. Птица то и дело плывёт к краю пруда, чтобы иметь в своём распоряжении все пространство чистой воды в тот момент, когда попытается взлететь против ветра. Звонкий крик, который обычно издаётся летящими лебедями, сопровождает все эти большие приготовления, но они снова и снова приводят к одному и тому же концу: жалкое хлопанье одного здорового и другого — изуродованного крыла о воду. Поистине печальное зрелище!

равнинных местах Южной Европы, Аэии и Северной Африки, преимущественно в гористых местностях. Шея и голова почти лишены перьев.

[37] Белоголовый орлан (Hahaeetus leucocephalos) — крупная хищная птица из семейства Ястребиных, обитающая на всей территории Северной Америки от Аляски до Южной Мексики и Флориды.

[38] Кондор (Sarcorhamphus gryphus) — одна из самых крупных хищных птиц с размахом крыльев до 2 м 75 см. Гнездится в высокогорных участках Анд (Южная Америка), иногда — на приморских скалах Тихоокеанского побережья Южной Америки.

[39] Метакарпальный сустав — место сочленения костей предплечья и кисти.

Однако из всех животных, которые страдают во многих зоологических садах от неумелого содержания, наиболее несчастными, бесспорно, оказываются те психически подвижные создания, о которых мы уже говорили раньше. И они как раз менее всех остальных способны вызвать сострадание у посетителя зоопарка. Некогда высокоразвитое существо под влиянием тесного заточения вырождается в жалкого идиота, в настоящую карикатуру на своих свободных собратьев. Мне никогда не приходилось слышать восклицаний сочувствия у клетки с попугаями. Сентиментальные старые леди, эти фанатичные покровители различных обществ борьбы против жестокого обращения с животными, не чувствуют угрызений совести, содержа серого попугая[40] или какаду в слишком маленьких для них клетках или даже приковывая птицу цепочкой к жёрдочке. Эти попугаи крупных видов не только умны, они чрезвычайно подвижны во всех своих психических и телесных проявлениях. Наравне с крупными врановыми они единственные среди птиц, кто способен впадать в состояние смертельной скуки, столь характерное для узников человеческих тюрем. Но никому не жаль этих трогательных созданий, обречённых на муки в своих клетках в форме колокола. Это просто непостижимо: любящий хозяин воображает, что попугай кланяется ему, когда птица непрестанно дёргает головой, — движение, которое в действительности представляет собой стереотипное проявление отчаянных попыток пленника бежать прочь из своей клетки. Освободите такого несчастного узника, и ему понадобятся недели, а то и месяцы, прежде чем он решится взлететь в воздух.

Ещё более несчастны в своём заточении обезьяны, особенно крупные, человекообразные. Это единственные животные, которые способны получить серьёзные телесные заболевания на почве психических страданий. Человекообразные обезьяны в буквальном смысле слова могут умереть от скуки, особенно если животное держать в одиночестве в очень тесной клетке. Именно этой, а не какой-либо иной причиной легко объясняется тот факт, что детёныши обезьян превосходно развиваются у частных хозяев, где они «живут в семье», но сразу начинают чахнуть, если из-за слишком крупных размеров и опасного нрава воспитатель вынужден передать их в клетку ближайшего зоопарка. Именно такая участь постигла моего капуцина Глорию. Не будет преувеличением сказать, что содержание человекообразных обезьян может увенчаться успехом лишь в том случае, если удастся понять, каким образом можно предотвратить психические Страдания нашего питомца в условиях неволи. На моем столе лежит удивительная книга, посвящённая шимпанзе; она написана Робертом Йерксом, одним из глазных авторитетов в области изучения этих замечательных обезьян. Из этого труда легко заключить, что психическая гигиена играет не меньшую роль в поддержании здоровья наиболее человекоподобных из всех человекообразных обезьян, нежели гигиена физическая. С другой стороны, содержание этих животных в одиночном заключении и в таких маленьких клетках, какие до сих пор отводятся для этой цели во многих зоологических садах, есть акт жестокости, который, несомненно, должен быть наказуем нашими законами.

Роберт Йеркс[41] в течение многих лет содержал в Апельсиновом парке во Флориде большую колонию шимпанзе. Животные свободно размножались и жили так же счастливо, как живут маленькие славки в моей вольере, и гораздо более счастливо, чем вы или я.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ПИТОМЦА

---

[40] Серый попугай, или жако (Psittacus erithacus), — небольшой попугай (около 30 см длиной), обитающий а Западной Африке. Эти птицы живут в неволе до 40 лет.

[41] Йеркс Роберт — известный американский исследователь поведения обезьян. Первые его работы были опубликованы во втором десятилетии нашего века. Перу Йеркса принадлежит много статей о поведении различных узконосых обезьян, в том числе гориллы и шимпанзе.

Сердца берегите. Братья и Сестры —
Изранит их коготь собачий острый.
Редьярд Киплинг

Мало кто знает, какие существа могут служить подходящим и благодарным объектом наших забот. Вновь и вновь любители природы пытаются навести себе маленького питомца, и раз за разом эти попытки оканчиваются неудачей из-за неправильного содержания и неверного выбора животного. Кроме того, большинство наших торговцев не в состоянии оценить возможности покупателя и помочь ему советом при выборе покупки.

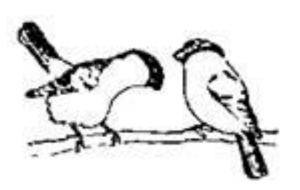
Начинающий любитель должен, прежде всего, чётко осознать, чего он ждёт от своего будущего питомца. Желание содержать животных в комнате проистекает от нашего общего стремления к единению с природой. Каждое живое существо — кусочек дикой природы, но не каждое может быть её подходящим представителем в вашем доме. Все те животные, которых не следует приобретать, относятся к двум группам: одни не могут жить с вами, с другими вы сами не сможете жить. К первой категории принадлежат нежные, требовательные создания, чьё здоровье трудно поддерживать в неволе; ко второй — подобные тем, которые уже описаны мною в главе «Животные как источник неприятностей». Значительная часть тех пленников, которых можно приобрести в зоомагазине, принадлежат или к первой, или ко второй разновидности. Подавляющая часть всех других — не слишком хрупких и не очень докучливых — настолько неинтересна, что хлопоты при их покупке и содержании не стоят затраченного времени. В особенности это касается таких «дежурных» домашних питомцев, как щегол, черепаха, канарейка, морская свинка, попугайчик, ангорская кошка, болонка и другие — все они чрезвычайно скучные создания, способные дать очень немного из тех радостей, о которых я попытаюсь рассказать. Поэтому оставим их и поговорим о действительно интересных животных. Наш выбор зависит теперь от ряда других обстоятельств. Насколько крепки ваши нервы, вынесут ли они много шума? Часто ли вы бываете дома и в какое время дня? Хотите ли вы просто принести в свою квартиру кусочек дикой природы, который будет напоминать вам, что мир состоит не только из асфальта, бетона и газовых труб? Или вы желаете заполнить несколько квадратных дюймов чем-нибудь, что не является делом рук человека? Наконец, может быть, вы надеетесь приобрести себе компаньона или верного друга?

Если вы жаждете видеть клочок натуральной растущей зелени и любоваться красотой живых существ — покупайте аквариум. Допустим, вам хотелось бы приятно оживить свою квартиру — в этом случае заведите парочку певчих птиц. Бы даже не представляете себе, как много домашнего уюта принесёт в квартиру большая клетка с четой помолвленных снегирей. Тихая, хриплая и тем не менее благозвучная песенка самца действует удивительно успокаивающе. Его исполненное достоинства, размеренное и даже изысканное ухаживание, поистине джентльменская предупредительность в отношениях со своей маленькой супругой — все эти прелестнейшие картинки может дать вам комнатная клетка для птиц. Семена для корма стоят всего несколько пенсов, а немного зелени, необходимой изредка в качестве

добавки к основному рациону, всегда легко достать.

Если же вам нужно личное общение, если вы одиноки и, подобно Байрону, хотите «знать, что существуют глаза, которые заметят ваше появление, и взгляд, вспыхивающий ярче при виде вас», — тогда берите собаку. Не думайте, что жестоко держать собаку в городской квартире. Будет ли счастливо животное или нет — это уже зависит от того, сколько времени вы сможете уделить ему и часто ли ваш питомец сможет сопровождать хозяина в его странствиях. Четвероногого друга не пугает необходимость терпеливо дежурить часами у двери вашего кабинета, если он будет потом вознаграждён десятиминутной прогулкой в обществе воспитателя. Ваша дружба — это все для собаки. Но помните, это влечёт за собой большую ответственность, потому что собака — не прислуга, которой вы легко можете дать расчёт. Помните также, что жизнь вашего друга много короче вашей собственной, и грустная разлука неизбежна через десять или пятнадцать лет.

Если вас беспокоят такие перспективы, легко найти немало существ не столь высокого умственного развития, которые не будут так «дороги» вам в эмоциональном плане, но тем не менее смогут стать достойным предметом любви. Взять хотя бы скворца — обычнейшую птицу. Один очень находчивый человек назвал скворца «собакой бедняка». Это абсолютно соответствует истине. Птица эта имеет одну особенность, действительно роднящую её с нашим четвероногим другом. Именно, скворец не может быть приобретён «в готовом виде». Очень редко случается, чтобы собака, купленная взрослой, действительно стала «вашей» собакой. Точно так же ваш ребёнок почти никогда не будет действительно «вашим», если вы, богатые мужчина и женщина, предоставили его воспитание няньке, гувернантке или домашнему учителю. Личный контакт — вот что необходимо. Так что придётся самому кормить и чистить птенчика скворца, если вы желаете иметь действительно любящую птицу. Неизбежные хлопоты отвлекут вас ненадолго. Все развитие молодого скворца, от момента вылупления из яйца и до приобретения им самостоятельности, происходит в течение всего лишь двадцати четырех дней. Если вы возьмёте его из гнезда в возрасте около двух недель, то есть как раз вовремя, то весь процесс воспитания займёт не более полумесяца. Все дело не слишком затруднительно — нужно лишь пять или шесть раз в течение дня с помощью пинцета наполнять подходящим кормом жадно раскрытый жёлтый клюв птенчика и тем же инструментом удалять с противоположной стороны помёт, который заключён в аккуратную тонкую плёнку, препятствующую ему растекаться и пачкать гнездо.

Таким образом, искусственное гнездо всегда будет оставаться чистым, и у вас не возникнет необходимости в новых «пелёнках». Гнездо следует сделать из сена и поместить его в маленький ящичек, закрытый наполовину и повёрнутый таким образом, чтобы спереди было отверстие, через которое вы сможете просовывать руку с кормом. Такое убежище наиболее соответствует естественному гнезду скворцов. Сидя в такой колыбели, ваш скворчонок всегда будет в определённый момент поворачиваться гузкой к свету, и пакетики

помёта никогда не попадут в гнездо, даже если вы сразу не успеете подхватить их и унести. При отсутствии естественного корма скворчонок вполне удовлетворится кусочками сырого мяса, булкой, вымоченной в молоке, и мелко нарубленным крутым яйцом. В дополнение к этому рациону желательно давать ему немного земли или песка. Наилучшей, более естественной пищей являются земляные черви и свежие муравьиные яйца, если у вас есть возможность их достать. Такое изысканное меню необходимо только юному скворцу. Как только птица научится есть самостоятельно, она сможет употреблять в пищу почти любые остатки с вашего домашнего стола. Можно лишь настойчиво порекомендовать в качестве постоянного дополнения к обычному корму толчёные зерна пшеницы или семена мака — от этого помёт вашего питомца будет всегда сухим и почти лишённым запаха. Даже в маленькой комнате вы устраните всякий нежелательный аромат, если постелите на дно клетки слой торфяного мха.

Если скворец кажется вам слишком крупным и требующим чересчур много места, тогда позвольте порекомендовать чижа. Эту маленькую птичку удовлетворит самая скромная клетка. Чиж не требует особым образом приготовленного корма и вполне удовлетворит ваше жгучее желание иметь хорошего компаньона. Из всех известных мне мелких птиц только чижик, даже будучи пойман в зрелом возрасте, становится не только совершенно ручным, но и по-настоящему привязанным питомцем. Конечно, можно полностью приручить и других певчих птиц, добиться, чтобы они не боялись своего хозяина, садились ему на плечо и на голову и брали лакомые кусочки из его рук. С зарянкой, например, подобных результатов можно достигнуть в течение очень короткого времени. Однако, если вы научитесь глубже проникать в сознание животных и перестанете вкладывать ваши собственные мысли в мозг своего питомца, полагая, что он должен любить вас потому, что вы любите его, только тогда вы прочтёте в тёмных загадочных глазах зарянки довольно-таки низменный вопрос: «Ради всего святого, когда же, наконец, я получу этого червяка?». Чиж, напротив, птица зерноядная, он лущит свои семена в течение всего дня, никогда не голоден по-настоящему, поэтому степень его заинтересованности в получении пищи гораздо меньше, чем у насекомоядных птиц. Дождевой червь в руке человека представляет несравненно больший соблазн для зарянки, чем для чижа — семена конопли на вашей ладони. Б результате только что пойманная зарянка гораздо скорее начнёт брать пищу из ваших рук, нежели чиж при прочих сходных обстоятельствах. Именно поэтому можно в удивительно короткое время приучить зарянку добровольно подлетать к своему хозяину. Чиж способен вести себя подобным образом только через несколько месяцев, но сделав однажды шаг к сближению, он отныне будет прилетать к воспитателю ради товарищеских отношений, а не в надежде на лакомство. Такого рода дружеская доверчивость несравненно более импонирует человеку, нежели чисто материальная, корыстная любовь зарянки. Как животное общественное чиж способен на личную привязанность к своему воспитателю — это не дано зарянке. Есть немало общественных видов, которые могут переключать свои социальные импульсы на человека и вступать с ним в достаточно тесные отношения, но лишь в том случае, когда эти животные с раннего возраста воспитываются среди людей, Скворец, снегирь и дубонос[42] необыкновенно привязываются к воспитателю, а попугаи, гуси и журавли в этом отношении легко могут соперничать с собакой. Но все они окажутся безбоязненными и любящими друзьями семьи только в том случае, если будут взяты из гнезда маленькими птенцами. Почему чиж является исключением из этого правила и, даже пойманный взрослым, способен установить контакт с человеком — этого никто не знает.

Недаром я в первую очередь предлагаю содержать дома аквариум, снегиря, скворца или чижа. Они щедро отплатят вам за неизбежные хлопоты и при этом не потребуют

---

[42] Дубонос (Coccothraustes coccothraustes) — небольшая птица из семейства Вьюрковых, немного крупнее домового воробья. Очень толстый и сильный клюв позволяет дубоносу раскусывать даже вишнёвые косточки.

больших сложностей в уходе. Конечно, существует множество видов животных, которые вполне доступны и столь же просты в содержании, и ещё большее количество видов, немногим более придирчивых. И я настоятельно посоветовал бы начинающему ограничить себя именно такими существами и воздержаться от приобретения животных, по-настоящему требовательных.

Это качество — «легко содержащийся в неволе» — следует резко отделять от таких понятий, как «выносливый» или «стойкий». Содержание животных в научном смысле слова понимается мной как попытка создать нашим питомцам такие условия, в которых весь их жизненный цикл мог бы совершаться у нас на глазах в более узких или более широких рамках неволи. С другой стороны, те существа, которые обычно, по заблуждению, считаются простыми в содержании, на самом деле чрезвычайно выносливы и при небрежном уходе очень медленно умирают. Классическим примером может служить греческая черепаха. Даже при самом скверном обращении, в руках невежественного владельца бедное животное просуществует три-четыре года, а то и пять лет, прежде чем наступит неизбежная смерть; но, строго говоря, черепаха вступает на путь медленного умирания с первого же дня своего плена. Чтобы черепахи росли, размножались и процветали в неволе, им необходимо предоставить такие условия, которые невозможно создать в городской квартире. Насколько мне известно, никому до сих пор не удалось добиться настоящего успеха в разведении этих пресмыкающихся в нашем умеренном климате.

Когда я попадаю в комнату цветовода и вижу, что все его любимцы находятся в состоянии роста и процветания, тогда я чувствую, что нашёл душевного друга. Совершенно не могу держать в своей комнате умирающие растения. Сильное камедевое дерево, здоровый филодендрон, скромная аспидистра, способные пышно разрастаться даже в меблированных комнатах, согревают мне сердце дыханием своей напряжённой жизни, тогда как прекрасный рододендрон или нежный цикламен приносят в моё жильё призрак разложения. Как говорил Шекспир:

> Если этот цветок отношенье небрежное встретит.
> Самый жалкий сорняк может прелесть его заглушить.

Меня не назовёшь любителем срезанных цветов, хотя их быстрая смерть через обезглавливание трогает меньше, чем медленное умирание растений, лишённых естественных для них условий.

Подобный ход мыслей в применении к растениям может казаться преувеличением, но если дело касается животных — почти каждый согласится со мной. Смерть питомца должна пробудить жалость даже в таком сердце, которое мало склонно к состраданию. Все это обязывает брать на попечение немногих животных, способных действительно жить, а ке умирать медленной смертью в тех условиях, которые вы можете им предоставить. Большую часть горьких разочарований, постигающих любителей комнатных животных и отбивающих у них охоту к такого рода занятиям, я приписываю именно неверному выбору первого питомца. Мёртвый щегол, лежащий на полу своей клетки, вызывает гораздо более сильное и долго не оставляющее вас ощущение вины, нежели цветок, поникший в своём горшочке; и хозяин, мучимый угрызениями совести, клянётся никогда больше не заводить птиц. Однако, если бы он с самого начала вместо щегла приобрёл скворца или чижа, тот жил бы счастливо, может быть, целых пятнадцать лет. Щегол относится к числу тех немногих птиц, которые часто гибнут от «доброты» невежественного хозяина. Щегол нуждается в большом количестве семян, содержащих различные масла, и я сам едва ли взялся бы выходить только что пойманного пленника, не имея под рукой достаточного количества репейного или макового семени. Этот естественный корм можно заменить только давленой коноплёй — именно давленой, потому что щегол не способен раскусить целое семечко конопли своим довольно слабым клювом. Среди моих знакомых есть очень мало добросовестных торговцев птицей, которые взяли бы на себя похвальный труд серьёзно экзаменовать покупателей,

прежде чем доверить им птицу, принадлежащую к достаточно требовательному виду.

Ещё один маленький совет — на первый взгляд несущественный, но вполне заслуживающий внимания, состоит в том, чтобы избегать больных животных. Ловите или покупайте лишь здоровых птиц, вынимайте их из гнезда или приобретайте у знающего человека. Если вы рассчитываете содержать животное достаточно длительное время, не берите ослабевших и найдёнышей, которых вам будут приносить. Выпавший из гнезда птенец, отбившийся от матери оленёнок и подобные им, оказавшиеся в руках человека по воле случая, — все они несут в себе зародыши смерти. Обычно эти существа настолько ослаблены, что спасти их сможет лишь человек, обладающий ветеринарным опытом. Это общее правило — ваш питомец действительно вознаградит вас на все сто процентов только в том случае, если будет стоить вам какой-то суммы денег, некоторых беспокойств или того и другого вместе. Вы должны почувствовать, что по-настоящему, настойчиво хотите именно это, вполне определённое животное. Но если представляется возможность приобрести ручную птицу или зверька, да ещё относящихся к общественному виду, если известно, что они с юного возраста воспитывались в руках человека или же давно живут в неволе — тогда ловите случай, даже если ваша покупка будет стоить вчетверо или впятеро дороже по сравнению с диким животным того же самого вида.

Занятому городскому служащему, решившему завести себе маленького любимца, необходимо сопоставить своё собственное расписание с расписанием жизни своего нового жильца. Если вы уходите на работу с рассветом и возвращаетесь в сумерках, а конец недели привыкли проводить за городом, то певчие птицы доставят вам немного удовольствия. Сознание того, что, уходя из дому, вы хорошо позаботились о своих пленниках, и теперь они, вероятно, весело распевают, даёт слишком скудное удовлетворение. Если же в соответствии с вашим образом жизни удастся приобрести парочку ручных карликовых сов — этих прелестных маленьких полуночников или каких-либо мелких ночных млекопитающих, чей «день» начинается как раз в то время, когда вы возвращаетесь с работы, в этом случае вы всегда сможете скрасить часы своего досуга. Любители животных почти не уделяют мелким млекопитающим того внимания, которого те вполне заслуживают. Из всех мелких млекопитающих торговцы регулярно приобретают для продажи, кроме одомашненных мышей и крыс, столь же одомашненную и потому мало интересную морскую свинку. Б последнее время в зоомагазинах стал появляться ещё один вид грызунов, который многими разводится в неволе. Зверька называют золотистым хомячком[43], и я настоятельно рекомендую его каждому, уставшему от интеллектуальных дневных занятий. Когда я пишу эти строки, шестеро неотразимых трехнедельных хомячат затеяли забавнейшие соревнования по борьбе. Толстые создания величиной с обыкновенную мышь образовали тесный клубок, они вновь и вновь с громким криком кувыркаются друг через друга, имитируя свирепую грызню, и устраивают бешеные гонки во всю длину своей клетки. Я не знаю других грызунов, чьи игры носили бы столь же «интеллектуальный» характер, как у золотистых хомячков, которые резвятся, совершенно как кошки или собаки. Очень приятно,

---

[43] Золотистый хомячок (Mesocncetus auratus) — мелкий грызун, широко используемый в качестве лабораторного животного. Родина его — Северная Сирия. В 1922 г. зоолог Ахарони привёз в Европу самца и самку, и от этой пары происходят все хомячки, разводимые сейчас в лабораториях мира.

когда в вашей комнате живёт существо, столь радостно отдающееся своим играм, исполненным совершенно необычайной грации.

Можно подумать, что золотистые хомячки были созданы специально для бедного горожанина, любящего животных. Зверёк соединяет в себе все качества, которые делают домашнего питомца приятным сожителем. В то же время он почти лишён таких особенностей, которые были бы нежелательны в городской квартире. Ручной хомячок почти не кусается — по крайней мере не чаще, чем морская свинка или кролик. Правда, недавно родившую мамашу следует брать в руки с осторожностью, но опасения оправданы лишь в том случае, когда она находится около своего выводка. Если же самочка всего лишь в ярде от молодых, её можно взять совершенно безнаказанно. Насколько приятно было бы держать в доме белку, если бы она не карабкалась без устали на все высокие предметы и не оставляла бы на них следы своих острых зубов! Золотистый хомячок почти не лазает и так редко грызёт мебель, что ему можно позволить свободно бегать по комнате, не опасаясь заметного ущерба. Кроме того, внешне зверёк — симпатичнейший маленький дружище: большие глазищи на толстой голове так лукаво всматриваются в окружающий мир, что взгляд их кажется гораздо более разумным, чем это есть на самом деле, а пушистая шубка ярко раскрашена в золотистый, чёрный и белый цвета.

В центре комнаты, около самого рабочего стола располагается ядро моего питомника золотистых хомячков — маленький террариум, откуда выводки молодых хомячат, достигших определённого возраста, с календарной регулярностью пересаживаются в просторные ящики, которые грозят в ближайшем будущем не оставить и клочка свободного места в моем кабинете. В террариуме живёт заботливая мамаша с самыми юными своими отпрысками. Горячие поклонники редких и капризных животных могут сколько угодно высмеивать мою глубокую привязанность к этим прозаическим существам, ухаживать за которыми может любой пятилетний ребёнок. Все дело в том, что для исследователя поведения животных вовсе несущественно, как дорого стоит объект наблюдений и насколько кропотливо его содержание в неволе. Хороший наблюдатель абсолютно лишён подобного честолюбия или по крайней мере должен быть лишён его. К сожалению, желание содержать самых нестойких существ, которых трудно сохранить в искусственных условиях, является самоцелью для многих любителей комнатных рыб и птиц. Интересы истинного исследователя должны определяться другим — много ли может дать то или иное животное в качестве объекта для наблюдений. В этом отношении скромнейшие золотистые хомячки значительно превосходят многие дорогостоящие и капризные виды. И действительно, мой взгляд гораздо чаще останавливается на маленьком террариуме с этими зверюшками, нежели на стоящей над ним вольере, содержащей наиболее редкий и ценный объект моей живой коллекции — парочку усатых синиц[44], насиживающих свои три яичка. При желании я и сам могу держать у себя наиболее требовательных и деликатных питомцев, и при этом весь их жизненный цикл будет разворачиваться перед моими глазами. Если бы вы смогли заставить усатых синиц размножаться в комнатной вольере или добились чего-либо, равного по трудности этому предприятию, только тогда вы были бы вправе насмехаться над моими скромными хомячками и над тем удовольствием, которое они доставляют мне.

44 Усатая синица (Panurus biarmicus) — небольшая птичка из отряда Воробьиных, обитающая в тростниковых и камышовых зарослях на большей части Западной Европы, Передней и Средней Азии, Казахстана и Китая.

Конечно, опытный специалист может соблазниться желанием испытать себя в деле содержания каких-либо особенно мудрёных существ — ведь в каждом из нас живёт скрытое стремление к преодолению трудностей. В этом случае такая попытка объяснима, поскольку она имеет ценность эксперимента. Но если вы всего лишь начинающий, то вам необходимо взвесить все за и против, ибо ваше начинание может иметь конечным результатом только ничем не оправданный акт жестокости. Попытка держать в комнате чересчур нежных животных может быть оправдана лишь своей научной ценностью, если же ваше желание не более чем каприз, то оно становится сомнительным с этической точки зрения. Даже самый опытный любитель комнатных питомцев, перед тем как взять на себя заботу о каких-либо крайне прихотливых животных, должен вспомнить веление писаных и ещё более строгих неписаных законов: вы не в праве лишать своего пленника ничего, что необходимо ему для поддержания телесного и психического благополучия. В первом порыве энтузиазма, вызванного очарованием и красотой нового животного, мы порой слишком торопимся возложить на свои плечи эту огромную ответственность. Энтузиазм вянет, а ответственность остаётся. И прежде, чем мы успеваем осознать это, наша совесть обременена тяжёлой ношей, от которой совсем не просто избавиться.

В миниатюрном мраморном бассейне, вода которого отражает изящную статую в углу нашей террасы, я более двух лет содержал парочку поганок[45] — маленьких ныряющих птиц, чрезвычайно интересных своим поведением и, кроме того, доставляющих большое удовольствие забавным внешним видом. Эти весьма специализированные нырковые птицы совершенно не способны стоять на сухом месте и при каждом шаге неуклюже переваливаются с боку на бок. В естественных условиях они вообще почти не оставляют воду, если не считать тех моментов, когда птички вскарабкиваются на своё плавающее гнездо. По этой причине мои питомцы вполне довольствовались своим маленьким водоёмом и, однажды обосновавшись здесь и став ручными, оставались в доме по своей воле, так что даже не возникало необходимости в загородке, чтобы удержать их подле себя. Поистине, это был очаровательный уголок всей декорации нашего жилища.

---

[45] Поганки (Podiceps) — птицы из отряда Гагар. Прекрасно ныряют, устраивают плавучие гнезда. В СССР наиболее обычна большая поганка, или чомга.

К сожалению, эти прелестнейшие из известных мне домашних водоплавающих имели одну весьма неудобную особенность: они соглашались питаться только живыми рыбёшками не длиннее двух дюймов и не короче одного! Несколько дождевых червей и кусочек-другой зелени, служившие дополнением к их строгой диете, не могли спасти их от голода даже в течение полусуток, если в это время птицы испытывали недостаток в живой рыбе. Несмотря на то что в моем распоряжении был большой подвальный аквариум с проточной пресной водой, а финансовая сторона дела не накладывала на меня ограничений, все же постоянное беспокойство об организации кормовой базы для поганок было сильным испытанием для нервов. Не раз и не два, весной, летом и зимой я в отчаянии носился из одной лавки в другую или в таком же состоянии долбил проруби во льду маленьких прудов вдоль берега Дуная, обещавших дать мне немного мелкой рыбёшки. Все это проделывалось из одного только опасения, что могут наступить дни «безрыбья», которые, несомненно, повлекли бы за собой гибель моих поганок. Я не мог расстаться с этими «карманными лебедями», но, несмотря на охватившую меня печаль, вздохнул с облегчением, когда в один из прекрасных летних дней эта парочка покинула меня, найдя выход через открытое окно веранды.

Одна из самых изнурительных пыток, которой вы можете подвергнуться в своей комнате, — это постоянное трепыхание крыльев птицы, бьющейся от робости в клетке. Вы приобрели зяблика — он миловиден и красиво поёт. Поскольку вы хотите не только слышать пение, но и видеть самого певца, то, не задумываясь, убираете полотняное покрывало, которым прежний владелец, опытный знаток зябликов, предусмотрительно задрапировал клетку. Птица принимает перемену как должное и поёт как прежде, но лишь до тех пор, пока вы не двигаетесь. Вы можете отважиться только на самые медленные и осторожные движения, в противном случае обезумевшая птица остервенело швыряет своё тельце на прутья клетки, так что вы начинаете опасаться за её голову и оперение, Поначалу вы думаете, что пленница привыкнет и станет ручной, но здесь вы глубоко заблуждаетесь. До сих пор мне приходилось видеть только нескольких зябликов, которые привыкли к человеку, беспечно расхаживающему около самой клетки. Вы даже не представляете себе, к чему может привести необходимость неделю за неделей избегать всякого торопливого движения в своей собственной комнате. Понимаете ли вы, что значит не решаться даже передвинуть стул, ибо глупое создание может при этом повредить недавно отросшие пёрышки на голове. Совершая едва заметное движение, вы неизменно коситесь на клетку с зябликом и содрогаетесь от опасения, что сейчас начнётся это дьявольское трепыхание.

Многие перелётные птицы бьются по ночам в тот период, когда они должны совершать свои миграции. Пусть клетка снабжена мягким матерчатым потолком, не позволяющим птице нанести себе серьёзные повреждения; но даже в этом случае подобные ночные упражнения — вещь достаточно мучительная не только для пленницы, но и для того, кто спит в одной комнате с ней. Птица штурмует решётку своей тюрьмы не потому, что она хочет лететь куда-то. Просто она просыпается, не может заснуть и начинает перепархивать по жёрдочкам. Она ничего не видит в темноте, поэтому вновь и вновь слепо натыкается на стенки клетки. Против подобного ночного беспокойства есть только одно средство —

установите внутри клетки крошечную электрическую лампочку. Она не должна гореть ярко — тусклого света вполне достаточно, чтобы ваша питомица видела прутья клетки и свои жёрдочки. Только открыв этот рецепт, я смог гарантировать себе спокойный ночной отдых и полное удовлетворение от комнатных славок.

Вероятно, мне не удастся надёжно предостеречь человека, претендующего на звание знатока птиц, от недооценки назойливости птичьего пения, которое вне дома звучит для нас нежно и мягко. Когда здоровый самец чёрного дрозда запевает в помещении, оконные стекла дребезжат, а чашки начинают легкомысленно отплясывать на чайном столике. Песни различных наших славок и большинства вьюрков[46] звучат в комнате не слишком громко — пожалуй, за исключением зяблика, который может раздражать вас постоянным повторением своей звонкой трели. Вообще говоря, нервные люди должны тщательно избегать тех птиц, чья песня представляет собой простое повторение одной неизменной строфы. Кажется почти непостижимым, что есть люди, способные не только терпеливо относится к перепелу, но приобретающие его специально ради его навязчивого «пик-пер-вик». Представьте себе несколько страниц этой книги, сплошь исписанных этими тремя слогами, и вы получите исчерпывающее представление о песне перепела! На открытом воздухе этот крик может быть приятен, но в стенах комнаты он оказывает на меня такое же действие, как звук надтреснутой граммофонной пластинки, на которой иголка патефона постоянно останавливается в одном и том же месте.

Но самое большое испытание для нервов — это страдание комнатных животных. Хотя бы только по этой причине, не говоря уже о других, более высокого этического порядка, настоятельно рекомендуется приобретать представителей лишь таких видов, которые легко сохраняют здоровье в искусственных условиях. Попугай, больной туберкулёзом, приносит в дом такую же атмосферу несчастья, как умирающий член семьи. Если ваш питомец, вопреки всем принятым предосторожностям, всё-таки неизлечимо заболел, вы должны без колебаний оказать ему акт милосердия — тот самый, в котором врач в подобной же ситуации вынужден отказать смертельно больному человеку.

У всех живых существ способность страдать находится в прямой зависимости от уровня их развития, и более всего это относится к страданиям духовным. Наименее развитые животные, такие, как соловей или мелкие грызуны, переносят тесное заточение несравненно легче, чем ворон, попугай или мангуста[47], не говоря уже о лемурах и обезьянах. Если вы содержите одно из этих разумных животных и хотите предоставить ему истинно гуманное обращение, то должны время от времени позволить ему побегать на свободе. Такой случайный «отпуск» из клетки, если противополагать его постоянному заточению, кажется на первый взгляд несущественным облегчением судьбы вашего пленника. И, тем не менее, подобное послабление неоценимо способствует психологическому благополучию животного. Различие между животным, постоянно пребывающим в своей клетке, и тем, которому временами предоставляется относительная свобода, столь же велико, как между жизнью каторжника и рабочего, постоянно стеснённого своим зависимым положением.

Предоставить свободу? А не скроется ли немедленно ваш пленник, не убежит ли или не улетит прочь? Как раз такой исход кажется наименее вероятным. Все животные, за исключением наиболее низко стоящих на эволюционной лестнице, строго последовательны в своих привычках и любой ценой стремятся поддержать установившийся образ жизни.

---

[46] Вьюрки (Fringillidae) — семейство певчих птиц из отряда Воробьиных. К вьюркам относятся зяблик, чечётка, коноплянка, чиж, щегол, зеленушка, клёст, чечевица, щур, снегирь, дубонос и др.

[47] Мангусты (Mungos) — хищные млекопитающие из семейства Виверр, распространённого главным образом в Африке и Южной Азии. Ихневмон, или фараонова мышь (Mungos ichneumon), — священное животное древних египтян, обитает в Северной Африке и Малой Азии. Мунго (Mungos mungo) живёт в Индии и на Цейлоне. Мангусты поедают змей и в качестве полезного животного акклиматизированы на острове Ямайка. У себя на родине часто содержатся в неволе.

Именно по этой причине каждое животное, которому неожиданно предоставляется свобода после длительного заключения, вскоре обязательно вернётся в свою тюрьму, если только сможет найти обратный путь. Большинство певчих птиц, обычно содержащихся в клетках, слишком глупы для этого. Лишь немногие мелкие воробьиные, например, домовой воробей или береговая ласточка, обладают достаточным чувством пространства, чтобы найти дорогу через окно или дверь дома. Они же — единственные из мелких птиц, которым можно предоставить привилегию свободно вылетать из дому. Необходимо только помнить, что такие ручные птички, летающие на свободе, из-за своей доверчивости подвержены особым опасностям, гораздо более обильным по сравнению с теми, что угрожают их диким собратьям, относящимся к тому же виду.

Наши представления, что истинно ручная мангуста, лисица или обезьяна, будучи предоставлены самим себе, должны обязательно попытаться любой ценой вернуть себе «драгоценную свободу», предполагают совершенно неверное очеловечивание мотивов поведения животных. Пленник не желает убежать от нас, он хочет только одного — чтобы ему позволили вернуться назад в клетку. Проблема не в том, чтобы воспрепятствовать ручному ворону, мангусте или обезьяне скрыться; трудность заключается в другом — как помешать этим существам испортить ваш рабочий день или нарушить воскресный вечерний отдых. Мне много лет приходится работать в доме, переполненном озорными животными и ещё более неспокойными детьми. И несмотря на эту многолетнюю практику, меня до сих пор нервирует ворон, пытающийся унести прочь страницы моей рукописи, скворец, сдувающий со стола бумаги взмахами своих крыльев, обезьяна, экспериментирующая за моей спиной с различными ломкими предметами, — каждую минуту я готов услышать неистовый треск.

Когда я усаживаюсь за письменный стол, все детища моего Ноева ковчега должны вернуться в свои клетки. Этих смышлёных созданий, знающих цену своей временной свободе, можно с успехом приучить возвращаться в заточение по команде (за исключением мангусты, которая ни за что не сделает этого). Вы строгим тоном отдаёте распоряжение и тут же начинаете сожалеть об этом, ибо смирение и послушание, с которым ваши питомцы плетутся назад в свои клетки, вызывают искушение отменить приказ — вещь, весьма нежелательная с воспитательной точки зрения. И, тем не менее, эти бедные узники, сидящие скорчившись в своих тюрьмах и умирающие от скуки, сейчас гораздо сильнее действуют вам на нервы, нежели пять минут назад, когда они были свободны. Совершенно то же самое можно наблюдать, когда кто-нибудь из нас позволяет своей маленькой дочери остаться в кабинете в часы работы. Ребёнку строго запрещено разговаривать и вообще, так или иначе, нарушать тишину. Внутренний конфликт между необходимостью «хорошо вести себя» и сдерживаемым желанием задать вопрос драматически отражается на маленьком личике — и это одно из самых трогательных ощущений, которое может доставить вам маленький ребёнок. Но все это гораздо сильнее отвлекает вас от работы, чем целая свора обезьян, воронов и скворцов.

Моя эльзасская сука Тито обладает особым умением расстраивать меня этаким манером. Она принадлежит к той категории чересчур привязанных собак, которые абсолютно не имеют своей личной жизни и существуют только своим хозяином и около него. Она будет лежать подле моих ног даже в том случае, если я час за часом сижу за письменным столом, и при этом настолько тактична, что ни разу не позволит себе взвизгнуть или привлечь к себе моё внимание самым мимолётным знаком. Она только смотрит на меня. В пристальном взгляде янтарно-жёлтых глаз читается вопрос: «Когда же ты выйдешь со мной на улицу?». Этот взгляд — словно голос моей совести, он проникает сквозь самые толстые стены! Я выгоняю собаку из комнаты и, тем не менее, знаю, что она лежит сейчас за дверью, неподвижно устремив пристальный взгляд на дверную ручку.

Написав эту главу — особенно последние страницы, я начал опасаться, что слишком заострил внимание на отрицательных моментах, словно моей задачей было отговорить вас от приобретения маленького питомца. Не поймите меня неверно. Если я уделил так много места

тем существам, которых не стоит держать в домашних условиях, то сделал это с одной лишь целью: я опасаюсь, как бы разочарование и напрасная трата нервов при неправильном выборе вашего первого подопечного не разрушили ваших ожиданий и не испортили навсегда впечатление от этого приятнейшего, самого стоящего и наиболее поучительного из всех хобби. Потому что я считаю своей серьёзнейшей задачей пробудить у возможно большего числа людей глубокое понимание внушающего благоговение чуда природы. Я фанатически стремлюсь к появлению новообращённых. И если кто-нибудь из вас, внимательно прочтя эту книгу, позволит себе соблазниться и купить аквариум или парочку золотистых хомячков — в этом случае я, вероятно, приобрету приверженца в хорошем деле.

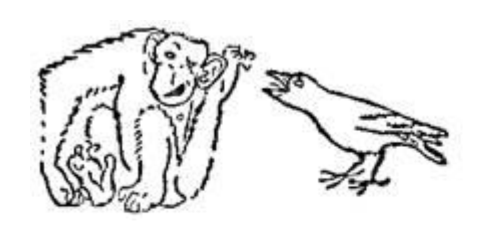
ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ

Он познал всех птиц наречья.
Имена их и секреты.
Вёл при встречах разговоры…
Г. Лонгфелло

Животные не обладают языком в истинном смысле этого слова. У высших позвоночных[48], а также и у насекомых — главным образом у общественных видов этих обеих больших групп животного царства — каждый индивидуум располагает определённым числом врождённых телодвижений и звуков, служащих для выражения эмоций. Существуют также врождённые способы реакции на эти сигналы, причём реакция наступает всякий раз, когда животное видит или слышит другого представителя своего вида. Некоторые виды птиц, общественная жизнь которых стоит на высоком уровне, такие, как галки и серые гуси, обладают усложнённым кодом, состоящим из ряда подобных сигналов. Каждая птица способна произносить и понимать их без всякого предварительного научения. Согласованность в поведении разных индивидуумов у общественных видов животных, возникающая в результате взаимодействия врождённых сигналов и ответных поступков, вызывает у человека впечатление, что птицы разговаривают и понимают друг друга. Врождённый сигнальный код животных, несомненно, коренным образом отличается от человеческого языка, каждое слово которого трудолюбиво заучивается нашими детьми, прежде чем они научатся говорить. Кроме того, такая система сигнализации жёстко закреплена наследственностью и, подобно многим чертам строения тела, является характерной особенностью каждого вида; поэтому сигнальный код сохраняется неизменным на всем пространстве распространения вида. Хотя это может казаться очевидным, однако я испытал нечто вроде наивного удивления, когда услышал «разговор» галок в Северной России, — они беседовали на том самом знакомом мне диалекте, который в ходу у галок, живущих на нашем доме в Альтенберге. Поверхностное сходство между этими «высказываниями» и человеческой речью уменьшается, по мере того как исследователь приходит к выводу, что все звуки и телодвижения животных выражают только их эмоциональное состояние и не зависят от того, есть ли поблизости другое существо того же вида. Факты отчётливо доказывают, что даже гуси и галки, живущие с самого рождения в полной изоляции от себе подобных, подают свои сигналы в тот самый момент, когда их охватывает соответствующее настроение. При таком положении вещей становится абсолютно очевидным автоматический и даже механический характер подобной сигнализации. Следовательно, мы обнаруживаем её коренное отличие от человеческого языка.

---

48 Высшие позвоночные — обычно под этим названием объединяются три класса животных — рептилии, птицы и млекопитающие. У них развитие зародыша происходит или в теле матери (млекопитающие), или в яйце, защищённом от внешних воздействий плотной скорлупой.

В поведении человека также можно найти мимические сигналы, которые автоматически передают определённое настроение, и, помимо вашего намерения или даже вопреки ему, влияют на окружающих. В качестве простейшего примера вспомним зевоту. Мимика, подобная зевоте, сразу обнаруживает ваше настроение с помощью явных сигналов, действующих на зрение и слух окружающих. В этом случае производимый эффект не вызывает особого удивления. Для того чтобы передать настроение одного индивидуума другому, совсем не обязательны такие грубые и явные сигналы. Напротив, характерная черта специфического явления передачи настроений как раз и заключается в малозаметности побудительных причин, которые очень трудно обнаружить даже опытному наблюдателю. Загадочный аппарат передачи и приёма таких побудительных сигналов чрезвычайно стар, он гораздо древнее самого человеческого рода и, несомненно, вырождается, по мере того как совершенствуется язык. Человеку не нужно демонстрировать перед своими собратьями мельчайшие жесты, свидетельствующие о его минутном настроении, он может передать своё состояние в словах. А собака или галка обязаны «читать в чужих глазах», чтобы знать, как им придётся вести себя в следующий момент. По этой причине у высокоразвитых социальных животных передаточный и приёмный аппарат «обмена настроениями» развит намного лучше человеческого и гораздо более специализирован. Все выражения эмоционального состояния животных — например, галочий крик «киа» или «киав» — можно сравнивать не с нашей разговорной речью, а с такими мимическими жестами, как зевота, улыбка или наморщивание лба. Эти наши действия являются врождёнными, поэтому они возникают непроизвольно и точно так же непроизвольно воспринимаются и «понимаются» соответствующим врождённым механизмом. «Слова» разнообразных «языков» животного мира — это не более чем восклицания. Хотя жестикуляция человека имеет множество оттенков, однако даже самый талантливый актёр не в состоянии с помощью одной только мимики сообщить, собирается ли он идти пешком или лететь, и хочет ли направиться домой или в противоположную сторону, а серый гусь и галка легко справляются с этой задачей. Приёмный аппарат животных настолько же совершеннее человеческого, как и аппарат передаточный. Животные не только в состоянии дифференцировать большое количество сигналов, но и отвечают на них гораздо более тонко, чем человек (как следует из только что приведённого сравнения). Их способность воспринимать и верно истолковывать едва заметные сигналы, совершенно неуловимые для нас, кажется почти невероятной. Когда галка, разыскивающая на земле себе пропитание, взлетит лишь затем, чтобы усесться на ветви ближайшей яблони и почистить клювом оперение, остальные птицы в стае оставят её действие без внимания, разве что бросят мимолётный взгляд в её сторону. Но если один из членов стаи взлетает с намерением отправиться в дальнюю дорогу, тут уж и другие присоединятся к нему — или только супруг, или значительная группа галок, в зависимости от того, каким авторитетом в стае пользуется зачинщик. Все это происходит даже в том случае, если последний не подаёт никаких звуковых сигналов.

Отсюда следует, что человек, хорошо знакомый с образом жизни и повадками галок, на основании своих наблюдений за мельчайшими демонстративными жестами птиц сможет предсказать, как далеко она решила отправиться. Конечно, исследователь не в состоянии предугадать поступки птиц с такой точностью, на какую способны сами галки.

У собаки «приёмная установка» намного совершеннее аналогичных воспринимающих систем человека. Каждый, кто способен разбираться в поведении своей собаки, знает, с какой сверхъестественной точностью преданный четвероногий друг узнает, отправился ли его хозяин просто в соседнюю комнату — поступок, не вызывающий интереса у вашего

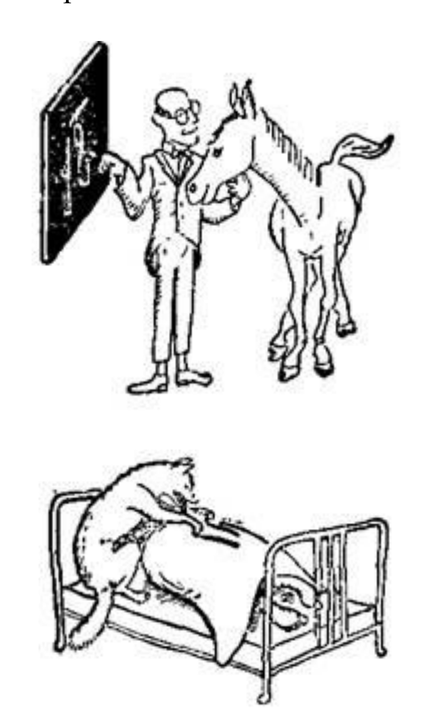
питомца, или же он собирается на столь желанную совместную прогулку. Многие собаки достигают ещё более поразительных результатов. Моя эльзасская сука Тито, пра-пра-прабабушка собаки, живущей сейчас в нашем доме, могла при помощи «телепатии» точно определять, кто из моих гостей действует мне на нервы и когда именно. Ничто не могло помешать ей наказать такого человека, что она неизменно проделывала, мягко кусая его в ягодицу. Особой опасности всегда подвергались авторитетные пожилые джентльмены, которые в разговоре со мной занимали хорошо известную позицию: «Вы ведь слишком молоды…». Не успевал гость произнести своё увещевание, как его рука с тревогой касалась того места, которое Тито пунктуально использовала для вынесения своего выговора. Я никогда не мог понять, как все это случается — собака лежала под столом и не видела лиц и жестов сидевших вокруг него. Как она узнавала, с кем именно я разговаривал и спорил?

Способность столь точно угадывать настроение своего хозяина не является телепатией в истинном смысле этого слова. Многие животные могут воспринимать тончайшие жесты, ускользающие от внимания человека. У собаки же вся сила сосредоточенности направлена на служение хозяину, она буквально «ловит на лету каждое его слово», и в этом случае способность к пониманию настроений получает наивысшее выражение. Лошади тоже достигают больших успехов на этом поприще. Здесь не будет неуместным рассказать о любопытных трюках, которые принесли известную славу некоторым животным. Есть «думающие» лошади, способные извлекать квадратный корень. Удивительный эрдельтерьер Рольф пошёл ещё дальше — он продиктовал хозяйке своё последнее желание и завещание. Все эти «считающие» и «думающие» животные «разговаривают», лая или ударяя ногой определённое число раз, — способ переговоров, до известной степени соответствующей азбуке Морзе. На первый взгляд их поступки действительно кажутся поразительными. Вам предлагают проэкзаменовать животное самолично. Вы становитесь против лошади, собаки или какого-либо другого дрессированного животного и спрашиваете его, сколько будет дважды два. Терьер внимательно рассматривает вас и лает четыре раза. Если перед вами лошадь, то её искусство кажется ещё более удивительным, потому что она даже не смотрит в вашу сторону. Вполне очевидно, что собака, тщательно наблюдающая за своим экзаменатором, целиком сосредоточивает своё внимание на нём и полностью игнорирует всё, что не имеет отношения к стоящей перед ней задаче. У лошади же нет необходимости смотреть в сторону дрессировщика, потому что, даже не глядя на него в упор, она улавливает боковым зрением мельчайшие жесты хозяина. Таким образом, вы сами невольно подсказываете «думающему» животному правильное решение. В этом случае, если вам не известен правильный ответ, бедное животное будет отчаянно лаять или стучать раз за разом, тщетно ожидая от вас знака, что пора остановиться. Как правило, такой знак неизбежно будет подан, ибо очень немногие люди могут даже в состоянии крайнего самоконтроля избавиться от бессознательных и непроизвольных мимических жестов.

Тот факт, что сам человек даёт правильное решение и подсказывает его животному, был определённо доказан одним из моих коллег, который провёл эксперимент со знаменитой таксой, принадлежавшей некоей старой матроне. Способ, применённый моим другом, был предательским; неправильный ответ на задачу предлагался не «считающей» собаке, а её хозяйке. С этой целью экспериментатор сделал несколько плотных карточек, на лицевой

стороне которых жирными буквами были написаны простейшие задачки. Каждая карточка была склеена из нескольких слоёв прозрачной бумаги, на самом заднем листе содержалась другая задачка. Создавалось полное впечатление, что вам видна на просвет надпись на лицевой стороне, обращённой в сторону животного. Ничего не подозревающая хозяйка, сидя перед собой зеркальное изображение текста, предполагает, что она верно решила задачу и бессознательно транслирует своей собаке ответ, не согласующийся с надписью на лицевой стороне карточки. Представьте себе её удивление, когда питомец, впервые за все время их выступлений, снова и снова даёт неправильный ответ. Прежде чем закончить сеанс, мой друг предложил хозяйке и её собаке задачу, которую питомец мог решить, а старая леди не могла. Он положил перед таксой тряпку, пропитанную запахом суки в состоянии течки. Собака пришла в возбуждение, начала скулить и вилять хвостом — она-то знала, чем пахнет кусок материи. Опытный хозяин тоже мог бы догадаться обо всём по поведению своего питомца. Но старая леди не знала этого. Когда собаку спросили, чем пахнет тряпка, она быстро «отстукала» ответ своей хозяйки: «Сыром!».

Чрезвычайная восприимчивость многих животных к некоторым мимолётным признакам эмоционального состояния — например, способность собаки уловить, какие чувства, дружеские или враждебные, питает её хозяин к окружающим людям, — все это вещи, достойные изумления. Поэтому не удивительно, что наивный наблюдатель, пытающийся приписать животным человеческие качества, рассуждает следующим образом: если мой питомец способен угадывать даже невысказанные мысли, то он тем более, должен понимать каждое слово из уст любимого хозяина. Каждая смышлёная собака понимает какое-то количество слов. Но, с другой стороны, не следует забывать, что способность воспринимать тончайшие оттенки настроения именно потому сильно обострена у животных, что они лишены настоящей речи.

Как я уже говорил, все врождённые способы выражения эмоций, такие, например, как сигнальный код галок, весьма далеки от человеческого языка. Когда ваша собака тычется в вас носом, скулит, бегает перед дверью или скребёт лапой около водопроводного крана, одновременно умоляюще поглядывая в вашу сторону, — все эти её поступки намного ближе к нашей речи, нежели «разговор» галок или серых гусей, хотя тонко дифференцированные звуки, издаваемые этими птицами, порой кажутся весьма «разумными» и вполне подходящими к случаю. Собака хочет заставить вас открыть дверь или повернуть кран, и в основе её поступков, побуждающих вас действовать в определённом направлении, лежат

вполне специфичные и целенаправленные мотивы. Собака никогда не станет проделывать всего этого в ваше отсутствие. Напротив, звуки, издаваемые галкой или серым гусем, — это лишь бессознательное выражение внутреннего состояния птицы. Когда наступает определённое настроение, непроизвольно вырывается и соответствующий крик, независимо от того, есть ли поблизости кто-нибудь, кто может услышать эти звуки.

Разумные действия собаки, о которых я только что упоминал, не являются врождёнными, они приобретены в результате индивидуального научения и обусловлены истинным пониманием обстановки. Сука Стаей, прабабушка моей теперешней собаки, съев однажды что-то неподходящее, захотела выйти на улицу среди ночи. В те дни я был перегружен работой и спал очень крепко, поэтому собака не могла разбудить меня и сообщить о своей насущной потребности принятыми у нас способами. Чем больше она скулила и тыкалась в меня носом, тем глубже я зарывался головой в подушки. В этой отчаянной ситуации Стаей была вынуждена отказаться от своего обычного послушания. Она решилась на поступок, за который в другое время была бы строго наказана. Вспрыгнув на кровать, собака в буквальном смысле слова подкопалась под меня и сбросила на пол. Такое приспосабливание к насущным нуждам момента совершено не свойственно «словарю» птичьего языка. Птица никогда не выбросит вас из кровати.

Попугаи и крупные врановые наделены «речью» совершенно иного рода. Они способны имитировать слова человеческого языка. У этих птиц иногда возможны ассоциации между теми или иными звуками и определённым индивидуальным опытом. Такая имитация — это не более как «пересмешничество», свойственное многим певчим птицам. Пеночка-пересмешка, красноголовый сорокопут[49] и многие другие воробьиные — большие мастера этого искусства. Пересмешничество представляет собой имитацию звуков, которые не являются врождёнными; птица обучается им в течение своей жизни и произносит их только во время пения. Звуки эти ровным счётом ничего не значат и совершенно не связаны с врождённым «словарём» вида. Все то же самое можно сказать о скворце, сороке и галке, которые не только передразнивают других птиц, но и способны имитировать отдельные слова человеческой речи. Однако «разговор* попугаев и крупных врановых — это явление несколько иного рода. Звуковая имитация у них не преследует определённой цели, она носит характер своеобразной игры — эти черты весьма присущи пересмешничеству у мелких птиц и в какой-то степени сродни играм психически более развитых животных. Но, с другой стороны, врановые и попугаи обычно произносят человеческие слова отдельно от песни, и несомненно, что эти звуки в некоторых случаях выражают определённые смысловые ассоциации.

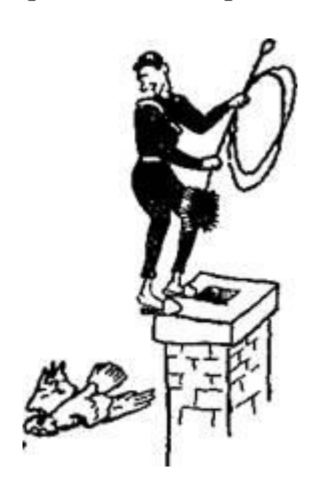
Многие серые попугаи, равно как и представители некоторых других видов, произносят «доброе утро» только однажды в течение дня и как раз в подходящее время. У моего друга профессора Отто Кёлера жил старый серый попугай по кличке Гриф. Птица выщипывала у себя перья, постоянно предаваясь этому пороку, она стала почти совсем голой. Гриф не был красавцем, но он с лихвой искупал этот свой недостаток исключительным талантом имитатора. Попугай говорил «доброе утро» и «добрый вечер» абсолютно кстати. Когда гость поднимался, чтобы откланяться, птица доброжелательным низким голосом изрекала: «Ну, до свидания». Это говорилось лишь в том случае, если посетитель действительно должен был уйти. Подобно «думающей» собаке, попугай замечал тончайшие непроизвольные жесты. Человек обычно не способен улавливать эти сигналы, и нам ни разу не удалось заставить птицу высказаться, если мы только имитировали прощание. Но когда гость действительно уходил независимо от того, насколько незаметно он пытался исчезнуть, попугай всегда

---

49 Пеночка-пересмешка (Hippolais icterina) — маленькая геленова-то-жёлтая птичка, обычная а широколиственных лес ал Западной Европы и Советского Союза. Красноголовый сорокопут (Lanius senator) — птица из отряда Воробьиных, раслространеннян в Западной Европе, Северной Африке и Передней Азии (в СССР — в Закавказье). Питается крупными насекомыми, но, подобно другим сорокопутам, довольно часто нападает на мелких птиц, ящериц и лягушек.

поспешно произносил своё: «Ну, до свидания!».

Другой серый попугай, ставший знаменитым благодаря своей исключительной памяти, жил у известного берлинского орнитолога фон Лукануса. Учёный держал дома много птиц и среди них ручного удода по имени Хопфхен. Говорящий попугай вскоре заучил это слово. К сожалению, в противоположность попугаям удоды недолго живут в неволе. Через некоторое время Хопфхена постигла судьба всех смертных, а попугай, казалось, совершенно забыл его имя, по крайней мере, никогда не произносил его. Спустя девять лет Луканус приобрёл другого удода, и как только попугай увидел эту птицу, он в первый же момент назвал имя своего старого знакомого, а затем повторил его: «Хопфхен… Хопфхен»…

Это общее правило — насколько медленно птицы-имитаторы обучаются чему-нибудь новому, настолько же цепко их память удерживает вещи, которые они однажды усвоили. Каждый, кто пытался вдолбить новое слово в сознание скворца или попугая, знает, как много терпения необходимо вложить в это предприятие и сколь неутомимо вы должны вновь и вновь повторять урок. И тем не менее в исключительных случаях птица может научиться воспроизводить слово, которое она слышала редко или даже всего один раз. Это может случиться, по-видимому, только если ваш питомец находится в состоянии крайнего возбуждения. Мне самому известно всего два подобных примера. Мой брат в течение нескольких лет содержал удивительно ручного и весёлого синеголового амазонского попугая по кличке Папаголло, обладавшего исключительным талантом к имитации человеческой речи. Когда хозяин со своим любимцем жил у нас в Альтенберге, попугай летал на свободе вокруг дома наравне с другими моими птицами. Говорящий попугай, перелетающий с дерева на дерево и при этом выкрикивающий человеческие слова, производит несравненно более комическое впечатление, нежели столь же способная птица, сидящая в комнатной клетке. Когда Папаголло летал по нашему участку с громким криком: «Где Док?» — при этом он порой действительно разыскивал своего хозяина, — зрелище было поистине неотразимое.

Ещё более забавными и столь же замечательными с научной точки зрения были другие поступки этой птицы. Папаголло не боялся ничего и никого, за исключением трубочиста. Птицы вообще склонны опасаться всего, что находится выше их; это связано с врождённым страхом перед пернатыми хищниками, Пикирующими на свою жертву сверху. Поэтому каждый предмет, появляющийся на фоне неба, для них в известной степени олицетворяет собой «хищную птицу». Когда чёрный человек, зловещий уже одним своим тёмным одеянием, появился на каминной трубе, вырисовываясь во весь рост на фоне голубого неба, Папаголло впал в панику и с громкими воплями улетел так далеко, что мы стали опасаться, найдёт ли он обратную дорогу. Месяц спустя, когда трубочист снова появился у нас, попугай сидел на флюгере и ссорился с галками за право на это место. Внезапно он на моих глазах совершенно преобразился — прижав оперение, стал длинным и тонким и с тревогой начал вглядываться в деревенскую улицу. Затем он взлетел и помчался прочь, вновь и вновь издавая хриплый пронзительный крик: «Трубочист идёт, трубочист идёт…» В следующее мгновение открылась калитка, и чёрный человек вошёл во двор. К сожалению, мне не

удалось установить, часто ли Папаголло видел трубочиста прежде и сколько раз он слышал возбуждённый крик нашей кухарки, возвещавшей о появлении ремесленника (несомненно, птица воспроизводила голос и интонации этой женщины). Можно лишь определённо сказать, что попугай мог слышать эти возгласы самое большее три раза — всего лишь три реплики с интервалами в несколько месяцев!

Другой известный мне случай произошёл с вороной, которая научилась произносить человеческие слова после того, как слышала их только однажды или же всего несколько раз. И опять в птичьей памяти отпечаталась целая фраза. Ворону звали Гансл, и она могла соперничать в искусстве разговора с самыми одарёнными попугаями. Птицу вырастил железнодорожник из соседней деревни. Гансл летал на полной свободе и со временем превратился в здоровую, пропорционально сложенную птицу, весь вид которой мог служить прекрасной рекламой воспитательных способностей её приёмного отца. Вопреки распространённому мнению ворону совсем не легко вырастить дома, и при том неправильном уходе, который эти птицы обыкновенно получают, они становятся малорослыми полуинвалидами — именно такими их наиболее часто приходится видеть в неволе.

Как-то раз деревенские мальчишки принесли мне вымазанную в грязи ворону с коротко обрезанными перьями хвоста и крыльев. В этом жалком создании я с трудом смог узнать прекрасного Гансла. Я купил птицу, как покупал всех несчастных животных, приносимых мне деревенскими ребятишками, — отчасти из жалости, отчасти потому, что среди этих сбившихся с пути созданий попадались такие, которые представляли для меня истинный интерес. Именно это произошло и теперь! Я позвонил хозяину вороны, который сказал, что Гансл исчез несколько дней назад. Железнодорожник просил меня продержать его питомца до следующей линьки. В соответствии с его просьбой я посадил ворону в фазаний садок и предоставил ей концентрированное питание, чтобы в ходе надвигающейся линьки у неё могли бы отрастя новые, хорошие перья. В то время пока птица находилась на положении пленника, я обнаружил у неё удивительную способность к болтовне — много чего мне пришлось от неё наслушаться. Понятно, что Гансл набрался как раз таких вещей, которых можно ожидать от ручной вороны, сидящей в ветвях над деревенской улицей и слушающей разговоры её обитателей.

Вскоре я имел удовольствие увидеть Гансла в его новом полном наряде. Как только способность к полёту возвратилась к птице, я предоставил ей свободу. Ворона тотчас же вернулась к своему первому хозяину, но время от времени продолжала навещать меня в качестве желанного гостя. Как-то Гансл пропадал несколько недель, а когда он появился вновь, я обратил внимание на сломанный и неправильно сросшийся палец одной из его лап. Сейчас мы и подошли к главному в истории Гансла, нашей серой вороны. Вскоре стало точно известно, каким образом он получил это небольшое увечье. Кто же сообщил нам об этом? Хотите верьте, хотите нет, но рассказал обо всём сам Гансл! Когда птица неожиданно появилась после своего долгого отсутствия, ей была известна новая фраза. С произношением истого уличного сорванца ворона прокричала на нижнеавстрийском диалекте реплику, которая в переводе на простонародное ланкаширское наречье должна звучать примерно так: «Попалась в чёртову ловушку!». Не могло быть двух мнений о происхождении этого высказывания. Точно также, как и в истории с попугаем Папаголло, ворона запомнила фразу, которую она не могла слышать многократно; эти слова врезались в память Гансла именно потому, что он услышал их в состоянии крайне обострённого восприятия, сразу после того, как попался в ловушку. Каким образом вороне снова удалось освободиться — об этом она, к сожалению, не рассказала нам.

В подобных случаях сентиментальный любитель животных, наделяющий их человеческим интеллектом, может сколько угодно клясться в том, что птица понимает произносимые ею слова. Конечно, этот взгляд абсолютно неверен. Даже умнейшая из всех «говорящих» птиц, которая, как мы вполне могли убедиться, способна согласовывать свои высказывания с конкретной частной ситуацией, тем не менее, не может практически применять свой дар, сознательно используя его для достижения простейших целей. Профессор Кёлер, который может похвастаться огромнейшими успехами в искусстве дрессировки животных (он, например, сумел научить голубя считать до шести), пытался заставить своего талантливого серого попугая по кличке Гриф произносить слово «пища», когда последний был голоден, и «вода», когда тот испытывал жажду. Эта попытка не имела успеха, не смогли добиться этого и другие исследователи. Подобная неудача уже сама по себе примечательна. Поскольку, как мы уже видели, птицы могут согласовывать произносимые ими звуки с конкретной ситуацией, следовало бы ожидать, что их высказывания будут в первую очередь ассоциироваться с определённой целью. Однако мы с удивлением обнаруживаем, что птицы не способны поступать подобным образом. Это тем более странно, что животное, как правило, приобретает новые формы поведения именно для того, чтобы использовать их в определённых целях. Наиболее курьёзными оказываются те новоприобретённые действия, цель которых — определённым образом воздействовать на человека-хозяина.

Самая нелепая из известных мне привычек такого рода возникла у южноамериканского попугая тирика[50], принадлежавшего профессору Карлу фон Фришу. Этот учёный выпускал своего питомца полетать на свободе только после того, как попугай на глазах у хозяина опорожнял свой кишечник. Таким образом, в последующие десять минут прекрасная мебель учёного была в полной безопасности. Попугай быстро уяснил себе связь между этими двумя фактами. Отныне, если он испытывал страстное желание выбраться из своей тюрьмы, то изо всех сил старался выдавить из себя крошечные порции испражнений и как раз в те моменты, когда профессор фон Фриш проходил мимо клетки. Даже в том случае, если кишечник птицы был совершенно пуст, она все же отчаянно старалась опорожнить его, рискуя повредить свой организм этим неистовым напряжением. Видя такую картину, нельзя было не выпустить бедное создание на свободу!

А вот умный Гриф, гораздо более развитый, чем мелкие попугаи тирика, не способен даже научиться произнести слово «пища», когда он голоден. Весь этот совершенный аппарат птичьей гортани и головного мозга, позволяющий высокоразвитым пернатым имитировать

---

[50] Тирика (Brotogens tinea) — южно-американский попугай величиной с небольшого дрозда. Живёт большими стаями в тропических лесах Бразилии и Гвианы. Часто содержится в неволе.

сложные звуки и даже строить смысловые ассоциации, оказывается, не имеет отношения к потребностям наилучшего выживания вида. Мы тщетно будем спрашивать себя, почему это так.

Мне известна лишь одна птица, которая научилась пользоваться словами человеческой речи для достижения своего конкретного желания, иначе говоря — установила причинную связь между произносимым ею звуком и определённой целью. Совсем не случайно эта птица оказалась вороном. Я убеждён, что ворон наиболее развит умственно по сравнению со всеми другими пернатыми. У ворона есть особый врождённый крик, имеющий тот же смысл, что и галочье «кья», — он адресуется другим особям вида и означает приглашение лететь следом. Призывный крик ворона — это звучное, гортанное и в то же время металлически резкое «крак-краккрак». Когда птица желает склонить другую, сидящую на земле, лететь вместе с ней, она проделывает те самые движения, которые описаны мной в главе о галках. Ворон подлетает к собрату сзади, проносится почти вплотную над ним, покачивая сложенным хвостом и одновременно произнося своё «крак-раккрак», которое в эти мгновения звучит особенно резко, как залп коротких взрывов.

Мой ворон Роу, названный так звукоподражательно по крику молодой птицы, даже став взрослым, оставался моим преданным другом. Когда у него не было более интересного дела, он сопровождал меня в длительных прогулках, в лыжных походах и даже в экскурсиях по Дунаю на моторной лодке. В свои последние годы птица не только тщательно взбегала незнакомых людей, но и питала сильную антипатию к тем местам, где ей однажды случилось испугаться и с которыми у неё были связанны другие неприятные воспоминания. Здесь ворон неизменно спешил спуститься с высоты, чтобы быть рядом со мной в опасном месте. Более того, он не мог спокойно видеть меня в тех местах, где, по его мнению, было небезопасно. И точно так же, как мои старые галки пытаются заставить своих беспечных детей взлететь с земли и следовать за ними, мой Роу пикировал на меня сверху и сзади и, промчавшись вплотную над моей головой, покачивал хвостом, и снова взмывал кверху. При этом он косился назад через плечо, чтобы удостовериться, что я следую за ним. Ещё раз подчёркиваю, что вся цепь этих движений является сугубо врождённой. Однако, проделывая свои пируэты, птица одновременно произносила вместо соответствующего призывного крика своё собственное имя, выкрикивая его с совершенно человеческими интонациями.

Наиболее замечательно в этой истории то обстоятельство, что Роу обращался с этим словом только ко мне. Имея дело с себе подобными, он в соответствующие моменты неизменно произносил врождённый призывный крик. Было бы ошибкой думать, что я невольно натренировал птицу. Такая вещь могла бы случиться только при неоднократном совпадении трех независимых друг от друга факторов. Я должен был всегда следовать за вороном как раз в те моменты, когда он действительно нуждался в моем обществе и одновременно по чистому совпадению произносил бы своё имя. Только столь мало вероятное совпадение могло бы послужить причиной возникновения у птицы подобной смысловой ассоциации. Нет, я верю, что поведение Роу не было делом случая. Должно быть, у старого ворона возникла своего рода догадка, что слово «Роу» — это мой призывный крик! Царь Соломон был не единственным человеком, способным разговаривать с животными. Но ворон Роу, насколько мне известно, оказался единственным животным, обратившимся к человеку с человеческим словом. Неважно, что это слово не более чем простой призывный крик.

ПРИРУЧЕНИЕ ЗЕМЛЕРОЕК

Природа, обагряя кровью клык,
Против себя же поднимает крик.
А. Теннисон

Все землеройки относятся к числу животных, которых особенно хлопотно содержать в неволе. Не из-за пресловутой трудности их приручения, а потому, что обмен веществ этих мельчайших из всех млекопитающих идёт чрезвычайно быстро, и при отсутствии пищи они умирают от голода всего за какие-нибудь два-три часа. Зверьки эти поедают только живую добычу — различных мелких животных, главным образом насекомых, да ещё в таком количестве, что дневная порция корма превышает их собственный вес. Поэтому комнатная землеройка — это весьма капризный постоялец, требующий неустанного внимания. Мне долгое время не удавалось продержать живых землероек в течение сколько-нибудь длительного срока. Те зверьки, которых мне случалось приобрести, очевидно, лишь недавно попались в ловушку, но они уже находились в плохом состоянии и очень скоро погибали. Ни разу в моих руках не оказалось здорового экземпляра.

Надо сказать, что отряд насекомоядных[51] стоит на одной из самых низких ступеней генеалогической лестницы млекопитающих, поэтому эти животные представляют особый интерес для сравнительной этологии. Насекомоядные — большая группа, но я был удовлетворительно знаком лишь с поведением обыкновенного ежа, поскольку этология этого интереснейшего животного была досконально изучена берлинским профессором Гертером. О поведении других представителей этого отряда практически ничего не было известно. В связи с тем, что насекомоядные ведут ночной и преимущественно подземный обрез жизни, почти невозможно получить достаточно полные данные путём полевых наблюдений, а трудность содержания этих зверьков в неволе препятствует изучению их в лабораторных условиях. Вот почему я официально включил этих животных в программу своих исследований.

Сначала я пытался держать у себя обыкновенного крота. Достать здоровое животное не представляло труда — зять поймал мне его по заказу в своём питомнике. Оказалось, что крот прекрасно может жить в условиях неволи. Он сразу проглотил почти невообразимое количество земляных червей, причём тут же начал брать их прямо из моих рук. Однако как объект для изучения поведения крот совершенно разочаровал меня. Несомненно, было очень интересно наблюдать, как животное за какие-то несколько секунд просто исчезало, моментально закапываясь в землю; заслуживала внимания чрезвычайно эффективная работа его сильных лопатообразных передних лап, всю мощь которых вы смогли бы почувствовать, если бы попытались удержать крота одной рукой. Наконец, совершенно замечательно, с какой поразительной точностью пребывающее под землёй животное определяло по запаху местонахождение дождевых червей, которых я клал на поверхность почвы в террариуме. Но, кроме этих немногочисленных наблюдений, мне ничего не удалось узнать о жизни крота. Животное не становилось ручным, оно оставалось на поверхности не больше времени, чем ему требовалось для пожирания своего корма. После этого крот погружался в землю с такой же быстротой, с какой подводная лодка погружается в водную пучину. Вскоре меня стала утомлять постоянная необходимость добывать необъятное количество живых существ, которое крот требовал для своего пропитания, и через несколько недель я выпустил животное в сад.

---

[51] Отряд Насекомоядных (Insectivora) — древнейшая группа млекопитающих, куда относятся землеройки, кроты, ежи, выхухоль и др. К насекомоядным принадлежат также древние реликтовые животные — щетинистые ежи, или тавреки (Мадагаскар), выдровые землеройки (Западная Африка) и некоторые другие.

Прошёл год, и у меня вновь возникла мысль завести зверька из отряда насекомоядных. Это случилось во время экскурсии на необыкновенное озеро Неусидлерзее, расположенное на территории Австрии близ венгерской границы. Этот большой водоём, находящийся всего в тридцати милях от Вены, являет собой пример особого типа озёр, столь характерных для открытых степей Восточной Европы и Азии. При длине более чем в тридцать миль и ширине, равной половине этого расстояния, максимальная глубина озера всего лишь около пяти футов, а на остальном пространстве оно и того мельче. Неусидлерзее почти наполовину заросло тростником, и это создаёт идеальные условия для жизни разнообразнейших птиц, связанных в своём существовании с водой. Среди зарослей тростника процветают большие колонии белых колпиц*[52], серых и рыжих цапель, а до недавнего времени здесь встречалась даже каравайка[53]. Серые гуси гнездятся в огромном количестве, а на восточном берегу, свободном от тростниковых зарослей, обитают шилоклювка*[54] и другие редкие виды болотной птицы.

Теперь представьте себе дюжину утомлённых зоологов, которые медленно совершают мучительный путь через этот тростниковый лес под опытным предводительством Отто Кёнига, моего старого друга. Мы шли гуськом: впереди Кёниг, за ним — ваш покорный слуга и в кильватере — несколько измученных студентов. Мы и в самом деле оставляли за собой кильватерный след — иссиня-чёрный на светло-серой поверхности воды. Путешествуя по тростниковым лесам озера Неусидлерзее, вы вынуждены передвигаться по колено в чёрном липком иле, благоухающем сероводородными выделениями бесчисленных бактерий. Жидкая грязь цепко удерживает вас и при каждом шаге отпускает погруженную в неё ногу с громким, протестующим чавканьем.

После нескольких часов подобного путешествия вы начинаете ощущать боль в таких мышцах, о существовании которых даже и не подозревали раньше. От колен до пояса путешественник пропитан илистой, светло-серой, напоминающей молоко водой, которая кишит мириадами голодных пиявок, тех самых, что называются Hirudines raedicinales maxime affamanti[55]. Остальная часть вашей персоны находится на чистом воздухе, который здесь как будто состоит из туч крошечных москитов. Их кровожадные вылазки доводят до неистовства, ибо руки ваши заняты тем, что непрерывно раздвигают стебли тростника, преграждающие путь, и только между делом вы можете дать себе пару-другую пощёчин.

---

[52] Колпица (Platalea leucorodia) — птица из семейства Ибисовых, близкого к цаплям. Длинный клюв колпицы на конце расширен наподобие ложки. Распространена в южных районах Евразии и в Северной Африке.

[53] Каравайка (Plegadis falcinellus) — птица, родственная колпице. Населяет тёплые районы Старого и Нового Света. Гнездится большими колониями совместно с колпицами, цаплями и бакланами. Сейчас и колпица, и каравайка постепенно становятся все более редкими у северных границ области своего распространения.

[54] Шилоклювка (Recurvirostra avocetta) — средних размеров кулик с длинным клювом, изогнутым кверху наподобие кривого шяла. Живёт Шилоклювка преимущественно около солоноводных озёр — в Западной Европе, Средней Азии, Казахстане, Забайкалье и Африке.

[55] Hirudines medicinales maxime affamanti — медицинские пиявки, предельно голодные.

Британские орнитологи, которые, очевидно, могут позавидовать некоторым нашим интересным находкам, должны отчётливо представлять себе, что наблюдать птиц на озере Неусидлерзее — дело не слишком завидное.

Итак, мы с величайшими неудобствами продолжали свой путь, когда Кёниг внезапно остановился и безмолвно указал на свободный от тростника плёс, расстилавшийся прямо перед нами. Сначала я увидел лишь белесую воду, темно-синее небо и зелёные заросли — эти стандартные краски Неусидлерзее. Неожиданно посреди плёса, словно поплавок, вынырнувший на поверхность воды, появилось крошечное чёрное животное, едва ли крупнее большого пальца человеческой руки. И в этот момент я оказался в редком для зоолога положении — когда он встречает животное, которое не в состоянии определить. Я буквально не мог понять, к какому классу[56] позвоночных относится существо, плававшее у меня перед глазами. В первую долю секунды мне показалось, что это птенец какой-то неизвестной мне нырковой птицы. Создавалось впечатление, что существо имеет клюв и держится на воде подобно птице, а не как млекопитающее. Животное описывало на поверхности воды крутые зигзаги и узкие круги абсолютно так же, как некоторые водяные жуки, и оставляло за собой широкий клиновидный след, слишком мощный по сравнению с малыми размерами загадочного существа. Внезапно из глубины вынырнуло второе крошечное создание, которое стало преследовать нашего первого знакомца с пронзительным щебетанием, напомнившим мне крик летучей мыши. Потом оба нырнули в глубину и исчезли. Весь этот эпизод не занял и пяти секунд.

Я стоял с открытым ртом, мозг бешено работал. Кёниг, широко ухмыляясь, повернулся ко мне, оторвал пиявку, присосавшуюся к его запястью, вытер сочащуюся из ранки струйку крови, шлёпнул себя по щеке, убив одновременно тридцать пять москитов, и спросил меня тоном экзаменатора: «Кто это был?». Спокойно, насколько было в моих силах, я ответил: «Водяная землеройка», В душе я благодарил пиявок и москитов за ту отсрочку, которая позволила мне сосредоточиться. Но мои мысли уже неслись дальше: водяные землеройки питаются рыбой и лягушками — и тех и других повсюду можно достать в неограниченном количестве. Водяные землеройки проводят под землёй меньше времени, чем другие насекомоядные. Вот то животное, которое можно держать дома! «Я должен поймать водяную землеройку», — сказал я Кёнигу. «Это очень просто, — ответил он. — Под основанием моей палатки есть гнездо с молодыми». Именно в этой палатке я провёл предыдущую ночь, а мой друг даже и не подумал сообщить мне о куторах[57]. Эти вещи для него — дело само собой разумеющееся, так же, как пятнистая водяная курочка[58], клюющая крошки с его ладони, или любое другое чудо в его удивительном царстве озёрных тростников.

---

[56] Класс — крупное подразделение в классификации животных. Например, среди позвоночных выделяются следующие классы! круглоротые (куда относятся миноги), рыбы, амфибии (земноводные), рептилии (пресмыкающиеся), птицы и млекопитающие.

[57] Кутора (Neoinys fodiens) — водяная землеройка.

[58] Курочка-крошка (Porzana pusilla) — небольшая птичка длиной до 20 см из отряда Пастушков. Родственник лысухи. Обитает в тростниковых зарослях на обширных территориях Евразии, Южной Африки, Австралии и Новой Зеландии. Обычна в умеренных и южных областях СССР.

Вечером, когда мы вернулись в палатку, Кёниг показал мне гнездо. В нем было девять детёнышей, казавшихся огромными по сравнению со своей мамашей, которая юркнула в глубину, как только мы приподняли тент. Длина каждого детёныша значительно превышала половину длины самки, а вес молодого зверька должен был быть равен примерно трети или четверти веса мамаши. Иными словами, по самым средним подсчётам, весь выводок весил не меньше, чем две взрослые землеройки. А ведь зверюшки были ещё совершенно слепы, и кончики зубов едва виднелись в отверстиях их розовых ртов. Спустя два дня после того, как зверюшки попали ко мне на попечение, они ещё не могли самостоятельно съесть даже мягкие внутренности кузнечика. Явная жадность, с которой маленькие куторы реагировали на пищу, не мешала им бесконечно долго жевать сочный кусочек лягушачьего мяса — им никак не удавалось отделить маленькую порцию и проглотить её. Пока мы продолжали жить в нашей палатке, я кормил своих питомцев выдавленными внутренностями кузнечиков и мелко нарубленным лягушачьим фаршем — зверьки просто процветали на такой диете. По возвращении домой, в Альтенберг, я усовершенствовал их меню, составляя нечто вроде соуса из выдавленных внутренностей различных личинок, дождевых червей и рубленного свежего рыбьего мяса, сдабривая все это небольшим количеством молока. Землеройки поглощали сказочное количество этого корма, и маленький ящичек, в котором содержалось их гнездо, казался ещё меньше по сравнению с огромной фарфоровой чашкой, содержимое которой они опорожняли три раза в день.

Все эти наблюдения поставили меня перед вопросом, каким образом самке удаётся выкормить свой гигантский выводок. Абсолютно невероятно, чтобы она кормила их только собственным молоком. Даже питаясь гораздо более концентрированной пищей, выводок юных кутор ежедневно поедал её в количестве, равном их общему весу, то есть почти столько, сколько весят два взрослых зверька. С другой стороны, мои наблюдения, бесспорно, доказывали, что молодые землеройки в этот период своей жизни не в состоянии поедать целых лягушек или рыб, которых им могла бы приносить мамаша. Можно лишь полагать, что самка кормит детёнышей отрыжкой из пережёванной пищи. Даже в этом случае остаётся почти полной загадкой, каким образом взрослой самке удаётся добывать столько мяса, чтобы прокормить себя и своё ненасытное потомство.

Когда я привёз моих юных кутор домой, они были ещё слепыми. Зверька нисколько не пострадали от переезда и радовали глаз своей упитанностью и лоснящимся мехом. Чёрные глянцевитые шубки придавали им сходство с кротом, в то время как белый цвет нижней стороны и боков в сочетании с обтекаемыми контурами тела вызывал отчётливое воспоминание о пингвинах. И не без основания, поскольку и обтекаемые очертания, и светлая окраска брюшка — все это приспособления к водному образу жизни. Многие плавающие животные — млекопитающие и птицы, амфибии и рыбы окрашены снизу в серебристо-белые тона, чтобы быть незаметными для хищников, держащихся на глубине. При взгляде отсюда блестящее белое брюшко абсолютно сливается со сверкающей поверхностной плёнкой воды. Для всех этих водных существ очень характерно и то, что тёмная окраска спины и светлая — живота не переходят постепенно одна в другую, как у животных наземных, окрашенных по так называемому принципу противотени[59]. Последний тип окраски рассчитан на то, чтобы сделать своего обладателя невидимым сбоку за счёт маскировки контрастной тени на нижней поверхности туловища. Точно так же, как и у косатки, дельфинов и пингвинов, белая окраска брюшка куторы отделена от чёрного цвета спинки резкой линией, которая декоративной кривой огибает все тельце животного. И вот что удивительно — очертания этой пограничной полосы отличаются не только у разных индивидуумов, но даже на двух боках одного и того же зверька. Я был весьма рад этому обстоятельству, поскольку оно давало мне возможность узнавать каждого своего питомца.

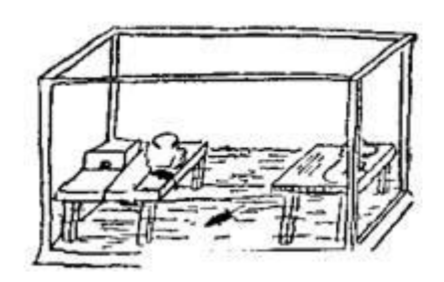
---

[59] Скрадывающая противотень — один из типов покровительственной окраски, имеющий очень широкое распространение в животном мире. Другие способы маскировки у животных — расчленяющая окраска и мимикрия.

Спустя три дня после нашего возвращения в Альтенберг мои девять детёнышей-кутор прозрели и начали очень осторожно исследовать окрестности ящика, где помещалось их гнездо. Наступил момент пересаживать их в специально оборудованное помещение, проектирование которого стоило мне многих раздумий. Поскольку землеройки поглощали огромное количество пищи и соответственно выделяли массу экскрементов, их нельзя было выпустить в обычный аквариум: чистая вода в течение нескольких дней должна была превратиться в зловонное месиво. Тщательное оздоровление воды было необходимо по особой причине. Оперение уток, поганок и всех прочих водоплавающих совершенно не намокает в воде, пока птица здорова. Резонно было ожидать, что мех здоровой куторы тоже должен оставаться сухим под водой. По мере загрязнения вода приобретает сильную щелочную реакцию, а мне было известно, что это скверно отражается на состоянии оперения водных птиц. При воздействии щёлочи происходит реакция омыления того самого жира, который делает перо водонепроницаемым; птица быстро намокает и не может держаться на воде. Мне принадлежит рекорд, насколько мне известно, до сих пор не превзойдённый ни одним любителем комнатных птиц: почти два года я держал в неволе ручных поганок, которые всегда были бодры и здоровы и в конце концов не погибли, а улетели от меня, чтобы продолжить свою жизнь на воле. Мой опыт в отношении этих птиц доказал, что залог успеха — это абсолютно чистая вода. Каждый раз, когда вода лишь слегка загрязнялась, я замечал, что оперение поганок начинает намокать.

Птицы чувствовали приближающуюся опасность и пытались предотвратить её, то и дело тревожно перебирая клювами своё оперение. Поэтому я держал этих маленьких поганок в кристально-чистой воде, которая сменялась ежедневно. В отношении водяных землероек я с самого начала решил неукоснительно придерживаться того же правила.

Я взял большой аквариум — несколько более ярда в длину и около двух футов шириной. Внутри сосуда в противоположных концах его были поставлены два маленьких столика. Тяжёлые камни, положенные поверх столов, не позволяли им всплывать. Затем я наполнил аквариум водой с таким расчётом, чтобы она доходила до уровня крышки стола, но не заливала её. Сначала я не стал придвигать столы вплотную к стенкам аквариума из страха, что землеройки могут оказаться «пойманными» в глухом пространстве под столом и, не найдя выхода, утонут. Однако позже оказалось, что эта предосторожность была излишней. Куторы, которые в естественных условиях могут проплывать большие расстояния подо льдом, способны правильно ориентироваться и в гораздо более сложных ситуациях. Ящик с гнездом был установлен на одном из столов и снабжён скользящим ставнем, который позволял закрыть выход зверькам в те моменты, когда производилась чистка аквариума. По утрам, в часы генеральной уборки клеток, землеройки обычно находились в своём домике и

мирно спали, так что эта процедура не причиняла им заметного беспокойства. Мне кажется, я вправе гордиться тем, что на основании одного только творческого воображения изобрёл подходящее помещение для таких животных, в отношении которых ни один человек, не исключая меня самого, не имел ни малейшего предварительного опыта. Было особенно приятно, что описанная здесь «новинка» настолько оправдала себя, что позже я ни разу не изменил ни одной, даже самой незначительной детали.

Когда я впервые выпустил маленьких землероек в этот аквариум, они потратили массу времени на изучение крышки стола, на котором был установлен их гнездовой ящик. Кромка воды, казалось, обладала для них особой притягательной силой. Зверьки вновь и вновь подходили к краю стола, нюхали поверхность воды и словно ощупывали её длинными, тонкими вибриссами[60], окружающими остроконечное рыльце наподобие ореола и представляющими не только наиболее важный осязательный орган, но и самый существенный из всех органов чувств. Подобно другим водным животным, куторы отличаются от наземных представителей своего класса прежде всего тем, что они совершенно не пользуются при подводной охоте органом обоняния, тогда как для большинства млекопитающих нос служит главным путеводным органом. Вибриссы кутор находятся в постоянном движении и тем самым напоминают антенны насекомых или пальцы слепого человека.

Каждые несколько минут землеройки прерывают тщательное обследование своего нового жилища и сломя голову несутся вспять под надёжное укрытие ящика. Именно так вела бы себя мышь или другой мелкий грызун при сходных обстоятельствах. Приспособительная ценность подобного поведения вполне очевидна: животное время от времени удостоверяется, что оно не заблудилось и в любой момент может отступить в хорошо знакомое, безопасное место. Чрезвычайно забавное зрелище представляют собой эти толстые чёрные коротышки, когда они медленно продвигаются вперёд, тщательно обнюхивая и ощупывая свой путь, и в следующий момент с молниеносной быстротой уносятся назад, в свой гнездовой ящик. Столь же забавно и то, что они не скрываются в своё убежище прямо через маленькую дверцу, как следовало бы ожидать, а вскакивают один за другим на крышку ящика. Только после этого, обнюхав его край, зверьки находят отверстие и соскальзывают в него почти кувырком, буквально вниз спинкой. После многократного повторения этого манёвра землеройки уже могли найти отверстие и не ощупывая его край вибриссами. Они знали в точности, где находится дверца, и тем не менее в момент бегства продолжали вспрыгивать на крышку ящика. Куторы вскакивали на его край и немедленно прыгали в отверстие дверцы. Ни разу, сколько я ни наблюдал за своими питомцами, им не пришло в голову, что их привычный прыжок вверх и следующий за ним соскок совершенно излишни, и что можно вбежать прямо в дверцу, минуя этот странный окольный путь. Вскоре мы ещё услышим о господствующей роли традиционного пути в поведении водяных землероек.

Только на третий день куторы окончательно освоились с географией своего маленького прямоугольного ветровка; тогда самый крупный и наиболее предприимчивый из зверьков рискнул пуститься в плавание. Как это часто бывает не только у млекопитающих, но и у птиц, рептилий и рыб, роль лидера взял на себя большой красиво окрашенный самец. Сначала он уселся на краю стола и, частично погрузившись в воду, бешено заработал передними лапками, в то время как задние ещё продолжали цепляться за спасительную доску. Затем он соскользнул вниз, неожиданно перепугался и дико помчался вдоль поверхности воды в точности как испуганный утёнок. Выскочив из воды на противоположном конце аквариума, зверёк уселся на край стола и начал возбуждённо

---

[60] Вибриссы — длинные волосы у млекопитающих, выполняющие осязательную функцию. Обычно вибриссы растут пучками над верхней челюстью (усы), около глаз, на подбородке, реже — на запястье и предплечье (например, у лемуров).

скрести задней лапой животик, совершенно так же, как это делают бобр или нутрия[61]. Потом он затих и несколько секунд сидел неподвижно. Снова направился к воде и, поколебавшись одно мгновение, нырнул. Сразу же погрузившись, зверёк радостно поплыл под водой, то опускаясь ниже, то всплывая, быстро промчался около самого дна и, наконец, выскочил на воздух в том самом месте, откуда начал своё плавание.

Когда я впервые увидел плывущую кутору, меня более всего поразило одно явление, к которому я должен был быть готовым, но упустил это из виду: в момент погружения маленькое черно-белое существо становится совершенно серебряным. Подобно оперению уток и поганок, мех куторы остаётся под водой абсолютно сухим, потому что он удерживает в себе довольно толстый слой воздуха; в этом отношении наши землеройки совершенно непохожи на других водных млекопитающих — тюленей, выдр и бобров. У этих животных сухим остаётся только короткий пушистый подшёрсток, тогда как поверхностные длинные волоски намокают — в результате зверь сохраняет под водой свою обычную окраску и выглядит мокрым, когда вылезает на сушу. Поскольку мне было известно, что мех куторы обладает особыми водонепроницаемыми свойствами, я должен был знать, что под водой он будет выглядеть точно так же, как пушистое брюшко жука-плавунца или водяного паука. И, тем не менее, удивительное, прозрачное, серебристое одеяние моих землероек явилось для меня одним из тех восхитительных сюрпризов, которые природа постоянно держит про запас для своих почитателей.

Только теперь, когда зверьки стали плавать, я заметил ещё одну интересную деталь — наружная поверхность всех пяти пальцев и нижняя сторона хвоста оказались покрытыми бахромой из жёстких прямых волосков. Это своего рода складные весла и складной руль. Пока животное находится на суше, волоски плотно прижаты и совершенно незаметны, но они распрямляются сразу же, как только зверёк погружается в воду, и тем самым увеличивают полезную площадь гребущих лапок и хвоста.

Подобно пингвину, водяная землеройка выглядит неуклюжей и неловкой, пока находится на берегу, но как только входит в воду, немедленно становится олицетворением изящества и грации. Когда кутора разгуливает по земле, сильно выступающий живот делает её пузатой и похожей на старую, объевшуюся таксу. Но под водой это торчащее брюхо гармонично уравновешивается линией спины — возникает прекрасный, симметричный, обтекаемый контур, который в сочетании с серебристой окраской животного и изяществом его движений являет собой зрелище чарующей красоты.

Когда землеройки окончательно освоились с водным пространством своего аквариума, они стали главным аттракционом, который наша исследовательская станция демонстрировала посещавшим её натуралистам и любителям животных. В отличие от всех других мелких млекопитающих куторы — преимущественно дневные животные, и три или четыре из них всегда, за исключением самых ранних утренних часов, находились на сцене. Было в высшей степени интересно наблюдать за их действиями под водой или на её поверхности. Подобно водяному жуку гиринусу[62], они были способны вращаться по кривой траектории чрезвычайно малого радиуса и при этом не теряли скорости. Очевидно, в эти моменты важную роль играл хвост с бахромой торчащих волосков. Ныряли они двумя различными способами: или слегка подпрыгнув вверх, как это делают утки и лысухи, и вслед за этим погружаясь в воду под очень крутым углом, или же просто опустив рыльце под воду и очень быстро работая лапками, пока не достигалась скорость, достаточная для

---

[61] Нутрия (Myocastor coypus) — ценный пушной грызун, родиной которого является умеренный пояс Южной Америки. С 1930 г. нутрия акклиматизируется в СССР — в Средней Азии и в Закавказье. Тесно связана с водой.

[62] Жук гиринус, или вертячка. Мелкие (длиной 5-6 мм) хищные жуки из семейства Вертячек (Gyrinidae). Передние лапки длинные, служат для схватывания мелкой добычи, две другие пары — короткие, приспособлены для плавания по поверхности воды. В СССР обитает несколько видов.

«планирования». В последнем случае действует принцип наклонной плоскости — иными словами, зверёк движется, словно взлетающий самолёт, только не вверх, а вниз. Кутора должна затрачивать очень много энергии, чтобы оставаться под водой, ибо воздух, удерживаемый шубкой зверька, с силой выталкивает его кверху. Поэтому в том случае, когда животное не ныряет отвесно — а это происходит сравнительно редко, — оно вынуждено постоянно сохранять некую минимальную скорость, причём головка должна быть направлена вниз под очень малым углом. Только тогда кутора не будет выброшена на поверхность. Кутора, плывущая под водой, выглядит плоской, она особым образом сплющивается, чтобы увеличить площадь, необходимую для скольжения.

Мне никогда не приходилось видеть, чтобы водяные землеройки цеплялись коготками за подводные предметы, подобно тому как это делает оляпка[63] (по крайней мере, птичке неизменно приписывают это качество). Иногда может показаться, что кутора бежит по дну, в действительности же она плывёт, почти касаясь субстрата. Возможно, обкатанный гладкий гравий на поддоне моего аквариума был просто непригоден для того, чтобы зверьки удерживались на дне, но у меня не было случая предоставить землеройкам более грубый и неровный грунт. Мои питомцы были очень игривы и преследовали друг друга с громким щебетанием на поверхности воды или молча — на глубине, В отличие от других млекопитающих, но подобно водяным птицам, куторы могли отдыхать на водной глади. Здесь они почти опрокидывались на спину и прихорашивались. Они то и дело неожиданно принимались чистить свой мех — так и хочется сказать, что они «перебирали перья», настолько их движения были похожи на поведение уток, которые только что вышли из воды после продолжительного купания.

Но наиболее интересными были способы их подводной охоты. Зверёк движется неустойчивым курсом — сначала резко кидается вперёд по прямой, на расстояние около фута, а затем сбавляет скорость и начинает петлять и кружить по спирали. Пока куторы плывут быстро и прямолинейно, их вибриссы, насколько мне удалось видеть, остаются прижатыми к голове. Но как только начинаются круговые движения, эти органы осязания выпрямляются и ощетиниваются во всех направлениях, словно ища встречи с желанной добычей. У меня нет оснований полагать, что зрение играет какую-либо роль при подобной охоте, хотя, может быть, зрительные ощущения лишь активизируют этот своеобразный поиск, основанный на осязательных реакциях. Глаза куторы в состоянии заметить живого головастика или маленькую рыбку, которых я выпускал у аквариум, но когда зверёк выходит на охоту, он руководствуется исключительно осязанием и обнаруживает свою добычу при помощи широко растопыренных вибрисс.

Некоторые мелкие виды кошачьих рыб разыскивают своё пропитание точно таким же способом. Когда такая рыба плывёт быстро и по прямой, длинные чувствительные усы вокруг её рта прижаты к голове, но они моментально выпрямляются, подобно вибриссам куторы, как только хищник оказывается поблизости от своей жертвы. В этот момент кошачья рыба, так же, как и водяная землеройка, начинает вслепую кружить по спирали, чтобы в конце концов наткнуться на желанную добычу. Вероятно, даже нет необходимости в том, чтобы жертва непосредственно коснулась одной из чувствительных вибрисс землеройки. Очень может быть, что на небольшом расстоянии эти чувствительные органы воспринимают лишь колебания воды, вызванные движениями рыбёшки, головастика или какого-либо водного насекомого. На основании одних только наблюдений невозможно ответить на вопрос, так ли это происходит в действительности, поскольку движения зверька слишком стремительны, чтобы глаз человека мог уследить за ними. Вы видите только быстрый поворот и молниеносный бросок — и вот уже землеройка уплывает прочь с жертвой, извивающейся в ненасытной пасти.

---

[63] Оляпка (Cinclus ciriclua) — небольшая птичка из отряда Воробьиных. Живёт по берегам горных речек. Питается водными насекомыми, за которыми охотится под водой. Остаётся на зиму у незамерзающих ручьёв и рек, где держится у полыней и разыскивает корм, ныряя под лёд.

Учитывая размеры водяной землеройки, можно было бы назвать это насекомоядное самым страшным хищником из всех позвоночных; более того, кутора может соперничать в этом отношении даже с беспозвоночными, в частности с кровожадной личинкой плавунца, о которой я рассказывал в третьей главе этой книги. А. Е. Врём писал, что водяная землеройка нападает на рыб, которые в шестьдесят раз тяжелее её самой, и убивает их, кусая в глаза и в мозговую часть черепа. Правда, это случалось лишь в том случае, если рыбу выпускали в сосуд, где она не могла спрятаться от своего преследователя. Такую же историю рассказал мне один рыбак с озера Неусидлерзее, который, конечно, не был знаком с сообщением Брема.

Однажды я запустил в аквариум к своим землеройкам большую прудовую лягушку. С тех пор я никогда больше не делал этого — трудно было перенести последовавшую страшную сцену и конец несчастного земноводного. Одна из кутор увидела лягушку, плавающую в аквариуме, и сразу же кинулась на неё, норовя схватить животное за ногу. Хищник был отброшен в сторону, однако не прекратил нападения, и тогда доведённое до отчаяния земноводное выскочило из воды на один из столов. Здесь несколько других землероек пришли на помощь первому преследователю и вонзили свои зубы в лапы и в заднюю половину злополучной лягушки. И началось самое ужасное — куторы одновременно стали поедать добычу живьём, причём каждая начала с того места, где ей удалось ухватить несчастную жертву. Душераздирающее кваканье лягушки смешивалось с хором чавкающих челюстей её истязателей. Не следует строго осуждать меня зато, что я сам положил конец эксперименту, конец неожиданный и драматический, избавив истерзанное животное от дальнейших страданий. С тех пор я никогда не выпускал к своим куторам крупных животных, а лишь таких, которых маленькие хищники могли убить одним или двумя укусами.

Да, природа может быть очень жестокой. Не из жалости большинство крупных хищников убивает свою жертву быстро. Лев мгновенно приканчивает антилопу или буйвола лишь для того, чтобы самому не оказаться раненым. Животному, которое изо дня в день существует охотой, непозволительно получить даже безвредную царапину. Такие царапинки, накапливаясь, в определённый момент стали бы сказываться на успешности самой охоты. Те же самые причины заставляют питона[64] и прочих крупных змей наиболее гуманным образом — в несколько мгновений — убивать хорошо вооружённых млекопитающих, служащих им постоянно пропитанием. Но там, где нет опасности, что жертва нанесёт повреждение убийце, не может быть и речи о какой-нибудь жалости. Ёж, полностью защищённый своей колючей броней от змеиных укусов, постоянно поедает пресмыкающихся начиная с хвоста или с середины туловища, и точно так же куторы обходятся со своей безобидной добычей. Однако человеку лучше воздержаться от осуждения этих наивно-жестоких детей природы, потому что если последняя иногда и выступает против нашего кредо, то разве мы сами не поднимаем руку на животных исключительно ради своего удовольствия, а отнюдь не для того, чтобы обеспечить себя пищей?

Умственные способности водяных землероек нельзя оценить слишком высоко. Зверюшки стали совершенно ручными, они не боялись меня и не только не пытались укусить за палец, когда я брал их из аквариума, но даже не избегали моей руки. Словно маленькие приручённые грызуны, они лишь пытались протиснуться наружу, если я слишком долго держал их в неплотно сжатом кулаке. Даже в том случае, когда я сажал кутор на стол или на пол, они ничуть не были склонны впадать в панику, напротив — с готовностью брали корм из моих рук и даже охотно заползали под ладонь, если чувствовали, что там находится какое-нибудь лакомство. Если землеройкам, находящимся в столь непривычной обстановке, показывали их гнездовой ящик, то поведение зверьков с очевидностью свидетельствовало,

---

64 Питоны (Python) — крупные неядовитые змеи из семейства Удавов. Обитают в Африке и Юго-Восточной Азии, особенно многочисленны в Австралии, Новой Гвинее и на Молуккских островах. Обычно не превышают 3,5-4 м, но сетчатый питон (Python retieulatus) иногда достигает 10 и в длину.

что они способны узнавать своё убежище зрительно. Куторы сразу же направлялись к ящику, а если я передвигал его в сторону, в пределах досягаемости, то зверьки бежали следом с приподнятыми головками.

Одним словом, я действительно мог поздравить себя с приручением землероек — по крайней мере, одного из членов этого семейства.

Когда водяные землеройки находятся в знакомой им обстановке, они необычайно строго следуют своим привычкам. Я уже говорил о том удивительном консерватизме, который каждый раз настойчиво заставляет зверьков проделывать лишний путь при возвращении домой — сначала вспрыгивать на крышку ящика, а уже затем почти кувырком соскакивать в отверстие дверцы. Можно долго рассказывать о том неизменном упорстве, с которым эти животные цепляются за свои однажды приобретённые привычки. Особым, поистине поразительным постоянством отличается их манера следовать однажды избранным путём. Трудно найти другой пример, в отношении которого столь буквально оправдывалась бы известная пословица: «Куда прутик был нагнут, туда и дерево склонилось».

В незнакомой местности куторы никогда не передвигаются быстро, разве что под влиянием крайнего испуга — в этом случае они мчатся вслепую, натыкаются на различные предметы и обычно находят себе ловушку в каком-нибудь глухом тупике. Когда животное не испугано, оно передвигается в новом месте медленно, шаг за шагом, непрерывно ощупывая вибриссами пространство справа и слева от себя. Путь зверька не имеет ничего общего с прямой линией. Сотня случайных факторов определяет поведение водяной землеройки, когда она впервые прокладывает себе дорогу в незнакомом месте. После того как все это повторится несколько раз, кутора, без сомнения, начинает узнавать местность. Землеройка с предельной точностью воспроизводит все те движения, которые проделывала на этом пути ранее. Можно ещё заметить, что животное передвигается быстрее, когда повторяет нечто уже заученное. Попадая на знакомый участок трассы, пройденной уже не один раз, зверёк стартует медленно, он тщательно определяет своё местонахождение при помощи вибрисс. Внезапно он наткнулся на знакомый ориентир и помчался вперёд, тщательнейшим образом повторяя все прыжки и повороты, которые совершал накануне. Но вот путь, уже известный назубок, прервался. Кутора приостанавливается, и, пустив в ход вибриссы, ощупывает ими каждый новый сантиметр. Таким образом, скоростные перебежки все время чередуются с этапами крайне замедленного продвижения. В начальный период обучения землеройка проделывает свой путь с очень малой средней скоростью, ибо стремительные броски вперёд редки и кратковременны. Но постепенно короткие отрезки пути, заученные «наизусть» и пробегаемые с большой скоростью, начинают удлиняться, число их увеличивается, и, наконец, они сливаются друг с другом в непрерывную трассу, которую животное может преодолеть единым броском.

Часто случается так, что посреди тщательно отработанного пути остаётся ещё одно особенно трудное место, и здесь зверёк постоянно теряет свои ориентиры и вынужден прибегнуть к помощи обоняния и осязания. Он энергично обнюхивает и ощупывает все вокруг, пока не находит начало следующего хорошо известного этапа. Таким образом, он соединяет пройденный и оставшийся участки пути. Когда дорога проложена окончательно, кутора отныне столь же прочно привязана к ней, как локомотив — к рельсовому пути. Зверёк не может отклониться в сторону даже на несколько сантиметров. Если ему случится отойти хотя бы на дюйм от дороги, он тотчас же начинает старательно разыскивать знакомые приметы. Можно искусственно спровоцировать землеройку на эти поиски, если внести незначительные изменения в её привычный маршрут. Любое существенное преобразование на пути, по которому животное постоянно следует, приводит его в полное замешательство.

Одна излюбленная тропинка проходила по краю стола вдоль стенки аквариума. Стол был утяжелён двумя камнями, лежавшими сверху, и один из них вплотную примыкал к стеклу аквариума. Поскольку этот камень лежал прямо на пути кутор, в их обычай вошло вспрыгивать на него, а затем соскакивать вниз, что они и проделывали неизменно. Если я убирал камень с его постоянного места и перекладывал на середину стола, землеройка

подпрыгивала вверх в том самом месте, где должно было находиться препятствие. Она падала вниз и, ударяясь о крышку стола, казалась весьма сконфуженной. Тут землеройка пускала в ход вибриссы и вела себя так, словно оказалась в совершенно незнакомом месте. Её следующие поступки были ещё более забавны: она возвращалась назад и тщательно обшаривала все вокруг, пока не находила известные ей ориентиры. Затем зверёк становился на прежний путь, пробегал небольшое расстояние и вновь подпрыгивал в воздух, после чего обрушивался вниз точно так же, как несколько секунд назад. Казалось, он только теперь начинал понимать, что его первое падение не есть результат собственной оплошности, но вызвано изменением привычной трассы. Теперь землеройка принималась исследовать образовавшийся перерыв в пути, осторожно ощупывая и обнюхивая то место, где прежде лежал камень. Подобный способ — возвращение к исходной точке и возобновление неудавшейся попытки — напоминал мне образ действий малыша, который читает наизусть стихотворение. Запнувшись, он вновь начинает декламировать с предыдущей строфы.

У крыс и других мелких грызунов запоминание традиционного пути, например при прохождении лабиринта, происходит примерно так же. Однако поведение крысы гораздо более целесообразно — животному никогда не придёт в голову перепрыгивать через воображаемый камень. Ведущая роль стереотипных движений по сравнению с прочими ощущениями — наиболее замечательная особенность водяных землероек. Можно сказать, что зверёк поистине не доверяет своим чувствам, если они сообщают о таких преобразованиях привычной трасы, которые должны повлечь за собой изменения в двигательном стереотипе поведения. Находясь в новой местности, землеройка, без сомнения, заметила бы камень подобного размера и оставила бы его в стороне или же обогнула кругом. Иными словами, её действия вполне отвечали бы конкретной пространственной ситуации. Но если некая привычка сформировалась и укоренилась, то она отныне довлеет над всеми полезными знаниями. Мне неизвестно другое животное, которое было бы рабом своих привычек в столь буквальном смысле слова. К поведению этих насекомоядных неприложима геометрическая аксиома, что прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Для куторы кратчайшее расстояние — это всегда привычный путь. И в каком-то смысле зверьки оправдывают своё пристрастие к этому принципу. Они с изумительной скоростью проносятся по однажды проложенной дорожке и приходят в место назначения намного скорее, чем достигли бы его, если бы двигались по прямой, ощупывая и обнюхивая каждый миллиметр пути. Куторы будут всегда держаться привычного маршрута, даже в том случае, если он столь извилист, что многократно пересекается во всех направлениях. Крыса или мышь быстро обнаружили бы, что они делают ненужный крюк, но кутора не способна на это, как не способен игрушечный поезд принять правильное направление на пересечении дорог. Чтобы изменить однажды избранный путь, водяная землеройка должна отказаться от всех своих привычек, но она не может это сделать сразу, а лишь постепенно, спустя длительный период времени. Пройдут недели за неделями, прежде чем петлеобразный обходной путь станет немного короче, но и через несколько месяцев он не станет сколько-нибудь похожим на прямую линию.

Биологическая полезность подобного традиционного маршрута вполне очевидна, если вспомнить, что зрение куторы очень слабо и она не в состоянии передвигаться достаточно быстро, не теряя времени на ориентацию. С другой стороны, такой консерватизм может привести животное к гибели. Известен вполне достоверный случай, когда кутора сломала себе шею, прыгнув в недавно пересохший пруд. Но если оставить в стороне подобные несчастные случаи, было бы поверхностным заклеймить кутору как животное глупое только на том основании, что она каждодневно решает задачу перемещения в пространстве совершенно иначе, чем человек. Напротив, если глубже задуматься над этим явлением, покажется удивительным, насколько различными путями может достигаться один и тот же результат — именно безупречная ориентация в пространстве. С одной стороны, с помощью непосредственных наблюдений, как это делаем мы, с другой — путём заучивания наизусть всех возможных случайностей, которые могут возникнуть в пределах определённой

территории.

Мои водяные землеройки оказались удивительно уживчивыми. Во время своих игр они часто преследовали друг друга с возбуждённым щебетанием, однако я ни разу не был свидетелем серьёзных столкновений между зверьками. Но однажды случилось несчастье. Как-то утром, по окончании традиционной уборки, я забыл открыть дверцу ящика. Я вспомнил о своей оплошности только через три часа, а это срок очень большой для мелких насекомоядных с их ускоренным обменом веществ. Когда я отворил дверцу, куторы высыпали наружу и кинулись к корытцу с едой. В этой суматохе они перепачкали друг друга с ног до головы. Зверьки были крайне возбуждены, и, очевидно, именно этим можно объяснить сильный мускусный запах, распространившийся вокруг в тот момент, когда куторы оказались на свободе. Казалось, мои питомцы ничуть не пострадали от своего трехчасового заточения. Убедившись в этом, я занялся другими делами.

Однако спустя непродолжительное время я услышал со стороны аквариума непривычно громкий и резкий писк. Я поспешил туда и застал ужасную картину: мои девять землероек сцепились в смертельной схватке. Два зверька были уже мертвы, два других погибли в тот же день, несмотря на то, что я сразу же отсадил их в отдельные клетки. Трудно установить причины этого неожиданного страшного побоища. Но я не могу не заподозрить, что куторы, внезапно утратив свой обычный запах, перестали узнавать друг друга и кинулись в бой, словно перед ними были чуждые пришельцы. Четыре зверька, оставшиеся в живых, спустя некоторое время успокоились, и я снова высадил их вместе в старый аквариум, не опасаясь новых недоразумений.

Эти четыре зверька пребывали в полном здравии ещё семь месяцев. Возможно, они жили бы много дольше, если бы мой помощник, в обязанности которого входило кормление землероек, не забыл однажды об этом. Я должен был ненадолго съездить в Вену и вернулся уже к вечеру. Помощник, человек весьма обязательный, вышел мне навстречу и вдруг изменился в лице — он вспомнил, что не покормил землероек. Все четыре были ещё живы, но очень ослабели. Они с жадностью накинулись на еду и тем не менее все погибли в течение нескольких часов. Иными словами, они вели себя именно так, как землеройки, которых я пытался держать прежде. Это подтверждало моё мнение, что зверьки обычно уже умирали от голода к тому моменту, когда попадали в мои руки.

Каждому опытному любителю животных, который в состоянии приобрести себе большой аквариум, желательно с проточной водой, и может доставать в необходимом количестве мелкую рыбу и головастиков, я настоятельно рекомендую завести водяных землероек. Они принадлежат к числу наиболее грациозных, приятных и интересных животных, которых можно содержать в неволе. Несомненно, уход за ними потребует много хлопот. Зверьки будут есть рубленное сырое мясо (обычный заменитель живого корма) лишь в отсутствие чего-нибудь более подходящего и не смогут долго просуществовать только на этой пище. Но в том случае, если будет выполнено это вполне определённое требование, ваши землеройки не только выживут, но будут процветать, и я даже допускаю, что они могут размножаться в условиях неволи.

ДОГОВОР

Четыре лапы ступают вослед…
Редьярд Киплинг

На заре позднего каменного века появилось это первое домашнее животное — маленькая полуодомашненная собака[65], происшедшая, несомненно, от обыкновенного шакала. Вероятно, в Северо-Западной Европе, где найдены скелеты этих собак, тогда уже не было шакалов, а жила так называемая торфяная собака, по всей видимости, уже полностью одомашненная. Очевидно, жители эпохи свайных построек[66] привели её с собой с берегов Балтийского моря.

Как же люди каменного века приручили собаку? Очень может быть, что совершенно непреднамеренно. Целые стаи шакалов, очевидно, следовали за странствующими ордами, кормившимися охотой, бродили вокруг поселений людей раннего каменного века наподобие современных собак — парий Востока, о которых никто не может сказать определённо, одичавшие ли это домашние собаки или же дикие животные, сделавшие первые шаги к одомашниванию. Наши предки были столь же мало настроены против этих падальщиков, сколь мало мер современные жители Востока, при своём беспечном образе жизни, принимают против окружающих их бродячих собак. В самом деле, охотник каменного века, для которого крупные хищники представляли собой серьёзную угрозу, находил вполне удобным, что его лагерь охраняется кольцом шакалов, которые поднимают дикий лай в момент приближения саблезубого тигра или мародёрствующего пещерного медведя.

Рано или поздно, но собака перестала быть только часовым, а превратилась также и в помощника человека на охоте. Стаи шакалов, привыкшие сопровождать охотника в надежде поживиться выброшенными внутренностями его жертв, вместо того чтобы бегать за ним следом, стали бегать впереди него; они начали выслеживать дичь и даже загонять её. Очень легко представить себе, как у этих доисторических собак развился совершенно новый для них интерес к крупному зверю. Раньше шакалы не должны быть интересоваться стадами оленей или диких лошадей, поскольку хищники не могли надеяться убить и пожрать столь крупную добычу. Однако не слишком трудно допустить, что после того как шакалы неоднократно получали внутренности этих животных и другие не использованные человеком куски, у них мог появиться стимул преследовать стада копытных, чей запах напоминал им о вкусной пище. В озарении своеобразного собачьего гения они даже могли «постигнуть» новую возможность — по своему желанию привлекать внимание охотника к следу. Собаки соображают удивительно быстро, когда могут прибегнуть к помощи сильного друга. Миниатюрный французский бульдог моего отца, вообще довольно трусливый, отважно нападал на любого встречного пса, если находился в компании своего приятеля, огромного ньюфаундленда. И я не приписываю чрезмерной интеллектуальности примитивным шакало-собакам, когда предполагаю, что они научились преследовать и облаивать крупных животных без специальной тренировки со стороны человека.

Эта мысль — что многовековой договор между собакой и человеком был «подписан» совершенно добровольно и без всякого принуждения с той или другой стороны — для меня необычайно приятна и даже радостна. Все другие домашние животные, подобно рабам

---

[65] По мнению швейцарского учёного Маттейя, домашняя собака происходит не от шакала (Canis aureus), а от волка (Canis lupus). Изучив хромосомы этих видов, Маттей пришёл к выводу, что в клетках организма шакала содержится по 74 хромосомы, тогда как и у волков, и у собак найдено по 78 хромосом. При этих обстоятельствах едва ли возможно получить плодовитые гибриды между шакалом и волком.

[66] Свайные постройки — поселения времён нового каменного века, или неолита (примерно 6-2 тыс. лет до н. э.). Устраивались на настилах, подпираемых сваями, среди болота, на озере или на морском побережье. Неолитические свайные постройки известны в Швейцарии (на Цюрихском озере), в Германии и Италии, У нас они найдены в Вологодской области на реке Модлон.

древности, становились слугами дома только после своеобразного тюремного заточения — все, за исключением, может быть кошки. Ибо кошка — это, по существу, не домашнее животное, и даже в наши дни её основная прелесть в том, что она никогда и ни к кому не привязана. Ни собака, ни кошка не являются рабами, но только собаку можно назвать другом, служащим, подчинённым, но все же другом. Постепенно, с течением столетий в «лучших собачьих семьях» стало традицией выбирать в качестве вожака стаи не собаку, а человека. Подчас этим вожаком оказывался вождь человеческого племени. Даже и теперь многие собаки, особенно животные с сильным индивидуальным характером, проявляют склонность считать своим хозяином именно отца семейства. У лаек и подобных им примитивных пород можно видеть более сложный характер подчинения человеку. Когда много таких собак собраны вместе, одна из них становится вожаком, а все другие верны и преданны только ему. В сущности, один этот вожак и является другом человека, все же остальные, если можно так выразиться, — это собаки вожака. Читая у Джека Лондона в высшей степени правдивое описание жизни собак, принадлежащих к одной санной упряжке, приходишь к выводу, что подобные взаимоотношения являются правилом. Вероятнее всего, именно такими они и были в стае шакалов — собак каменного века. Интересно, что большинство современных собак не удовлетворяются вожаком-собакой и стремятся приобрести в качестве вожака человека.

Хорошая собака сама выбирает хозяина — и это один из наиболее удивительных и непостижимых феноменов. Очень быстро, часто за какие-нибудь несколько дней возникает привязанность гораздо более сильная, чем все те, которые когда-либо возникали между людьми. Именно о ней сказал Вордсворт:

…Великая сила страсти
Превыше всех человеческих чувств.

Любая привязанность может быть так или иначе порвана, но только не любовь действительно верного пса. Из всех известных мне собак самыми преданными были те, в чьих жилах текла не только кровь шакала, но и достаточная доля волчьей крови. Северный волк является предком лишь некоторых современных собачьих пород, позже скрещивавшихся с уже одомашненными шакалами. Недавние исследования поведения показали, в противовес широко распространённому мнению о важной роли волка как предка большинства пород, что все европейские собаки, в том числе и самые крупные, такие, как датские доги и овчарки, являются, по сути дела, чистокровными шакалами. Если в их жилах и течёт волчья кровь, то в самом незначительном количестве. Наиболее чистокровные из современных собак волчьих кровей — это некоторые породы из Арктической Америки: маламуты, эскимосские лайки и некоторые другие. Эскимосские собаки из Гренландии также имеют лишь незначительное количество шакальих признаков, тогда как лапландские собаки, русские и немецкие лайки, а также китайские чау-чау определённо имеют в своей конституции больше от шакала. Однако в них есть и доля волчьей крови, полученная от отдалённых предков. Все они имеют высокие скулы, суженные глаза и слегка вздёрнутые носы, что придаёт их физиономии специфическое выражение волчьей морды. С другой стороны, некоторые из названных пород, безусловно, носят печать происхождения от шакала, особенно китайские чау-чау в пламенной окраске своих великолепных шкур.

«Подписание договора», окончательное закрепление пса за единственным хозяином — это истинное таинство. Происходит это совершенно неожиданно, буквально в течение нескольких дней, особенно у щенков чистокровных пород. Это наиболее важное событие всей собачьей жизни случается в особый период «восприимчивости», который у собак шакальих кровей охватывает первые восемь-восемнадцать месяцев их жизни, а у потомков волков — около шести месяцев.

Поистине нерушимая преданность собаки своему господину возникает из двух совершенно различных источников. С одной стороны, это не что иное, как смиренная подчинённость, которую каждая дикая собака проявляет по отношению к вожаку стаи. Эта покорность почти без существенных видоизменений теперь переносится в отношения с человеком. У наиболее давно одомашненных собак к этому прибавляется совершенно новая форма привязанности.

Большинство черт, которые отличают домашних животных от их далёких предков, возникает в силу того, что многие особенности строения тела и поведения, проявлявшиеся у диких прототипов лишь скоротечно, в период юности, у их одомашненных потомков остаются на всю жизнь. Короткая шерсть, завитой хвост, куполообразный череп, отвислые уши и срезанная морда — все эти внешние черты, столь характерные для многих домашних пород, являются, по существу, инфантильными качествами. Что же касается поведения, то одно из юношеских его проявлений, ставшее постоянным у наших собак, — это пылкая индивидуальная привязанность. Та самая привязанность, которую щенки диких предков питали к своим матерям и которая бесследно исчезала у них в зрелом возрасте, у истинно цивилизованных собак сохраняется на всю жизнь в качестве их характерной психической особенности. И то, что первоначально было детской любовью к матери, теперь трансформируется в привязанность к человеку-хозяину.

Итак, с одной стороны — стадная лояльность, неизменная с давних времён и лишь перенесённая с вожака стаи на своего господина, а с другой — пылкая детская любовь — вот два более или менее независимых источника собачьей преданности. Важное различие в характерах собак волчьих и шакальных кровей заключается в том, что эти два начала проявляются у них с неодинаковой силой. В жизни волков законы стаи играют несравненно большую роль, чем у шакалов. В то время как шакал, по существу, одинокий охотник, закрепляющий за собой ограниченную территорию, волчья стая добывает себе пропитание на огромных пространствах северных лесов как некая замкнутая, связанная круговой порукой банда, каждый член которой готов защищать другого до самой смерти. Я совсем не разделяю широко распространённого мнения, что волки одной стаи могут пожирать друг друга. Ведь псы санной упряжки не способны на этот поступок ни при каких обстоятельствах, даже под угрозой голодной смерти. И этот социальный сдерживатель определённо не привнесён в собачьи взаимоотношения человеком.

Сдержанность и взаимная защита друг друга любой ценой — вот те качества, которые проявляются в характерах собак наиболее чистокровных волчьих пород и выгодно отличают их от потомков шакалов. Те охотно приветствуют каждого встречного и готовы следовать за любым человеком, взявшим в руки поводок. Напротив, собака волчьей породы, однажды поклявшись в преданности определённому господину, навеки становится однолюбом. Ни один незнакомец не завоюет у него большего, чем небрежное движение мохнатого хвоста. И если вы однажды познали преданность однолюба волчьего происхождения, то уже никогда не сможете удовлетвориться обществом пса простой шакальей породы. К сожалению, прекрасным качествам потомков волка противостоят некоторые их недостатки — непосредственный результат неразрывной преданности одному человеку.

Не стоит и говорить о том, что пёс волчьих кровей, купленный взрослым, никогда не станет вашей собакой. Но ещё хуже, если животное уже принадлежало вам и вы вынуждены с ним расстаться. Собака становится психически неустойчивой, не подчиняется ни вашей жене, ни детям, морально деградирует в своём горе до уровня бродячей дворняжки и, совершая один грех за другим, опустошает весь окружающий район.

Помимо этого, пёс с преобладанием волчьей наследственности, несмотря на свою безграничную преданность и любовь, никогда не станет полностью подчинённым. Он готов умереть на вас, но не уступит вам. Во всяком случае, мне никогда не удавалось добиться окончательного послушания ни от одной из этих собак. Может быть, лучший воспитатель сможет добиться больших успехов. Поэтому редко можно увидеть в городе собаку без поводка, послушно следующую рядом с хозяином. Находясь в лесу с собакой волчьих кровей, вы не заставите её оставаться рядом с вами. Лучшее, на что она способна, — это сохранять отдалённый контакт с хозяином. Пёс лишь изредка подбегает ближе, тем самым оказывая вам большую честь.

Иное дело — собака шакальего происхождения. В силу её давнего одомашнивания инфантильная любовь преобладает в ней над всеми другими чувствами, что делает животное удобным и приятным компаньоном. Вместо гордой, мужественной лояльности потомка волков, столь далёкой от полного послушания, собака шакальего происхождения относится к вам с рабской услужливостью, она в любой час дня и ночи, каждую минуту ожидает вашей команды, готова выполнить любой ваш приказ. Когда вы отправляетесь на прогулку с чистокровной породистой собакой шакальих кровей, она и без предварительной тренировки может неизменно быть около вас, все время в одном и том же радиусе, позади или рядом,

чутко соразмеряя свой бег со скоростью вашей походки. Если можно так выразиться, она послушна по природе и отзывается на свою кличку не только по своему желанию или по вашему настоянию, а потому, что она создана, чтобы повиноваться. Чем громче вы зовёте её, тем охотнее она подбегает, тогда как пёс волчьей породы в той же ситуации может и не явиться на окрик, а лишь издали почтит вас каким-нибудь дружеским знаком внимания.

Но в противовес этим удобным и милым качествам у потомков шакала есть, к несчастью, и другие, гораздо менее приятные владельцу, которые также являются следствием пожизненной инфантильности этих животных. Поскольку молодая собака до определённого возраста является «табу» для других особей вида и ни при каких обстоятельствах не подвергается нападению и укусам со стороны более взрослых животных, она так и остаётся большим младенцем, а потому часто слишком доверчива и дружелюбна по отношению к любому. Подобно испорченному воспитанием ребёнку, который каждого взрослого готов назвать «дядей», эти собаки ластятся одинаково и к людям, и к животным в своём желании поиграть с ними. И если эта юношеская наклонность в определённой степени сохраняется и у возмужавшего животного, в этом случае развивается крайне неприятный собачий характер, вернее, отсутствие всякого характера. Самое отталкивающее — это поистине «собачья» подчинённость, в худшем смысле этого слова, которую подобное животное, привыкшее видеть «дядю» в каждом встречном, проявляет по отношению к любому, кто ласково обратится к нему. У такой собаки игривый шторм дружелюбия немедленно переходит в состояние унизительного раболепства.

Все мы знакомы с этим типом собаки, которая не знает счастливой середины между радостными прыжками и униженным опрокидыванием на спину, когда все четыре лапы её покорно болтаются в воздухе. С риском оскорбить хозяйку дома вы кричите на беснующееся животное, которое пачкает лапами вашу одежду и с головы до пят покрывает вас шерстью. Услышав негодующий вопль, пёс тут же, извиняясь, опрокидывается на спину. Теперь вы ласково заговариваете с ним, чтобы доставить удовольствие его хозяйке, — и бац! — моментально вскочив на ноги, зверюга облизывает вам лицо и снова начинает оставлять свою шерсть на ваших штанах. Подобная собака, по существу, принадлежащая любому, может быть с лёгкостью украдена, ибо она доверяет всякому незнакомцу, дружелюбно обратившемуся к ней. Но если вы так легко можете взять мою собаку — пожалуйста, владейте ею!

Моему вкусу не соответствуют даже наиболее привлекательные и красиво сложенные охотничьи собаки, чьи «свисающие уши сметают утреннюю росу», ибо большинство из них готовы следовать за каждым человеком с ружьём. Предполагается, что их полезность заключается именно в этой способности признавать хозяином каждого охотника. Однако это не так. Нельзя купить вполне натренированную собаку, нельзя и передать пса на воспитание профессиональному тренеру. Понятно, что собака может быть воспитана только тем человеком, который владеет её абсолютным доверием и повиновением. Если вы передаёте вашего питомца тренеру, то тем самым сразу же предрешаете надлом его преданности. Личные взаимоотношения хозяина и собаки, несомненно, будут жестоко подорваны даже в том случае, если по окончании обучения ваш пёс вернётся к чему-то похожему на его прежнюю привязанность к вам.

Если вы рискнёте проделать то же самое с собакой волчьих кровей, то она либо ничему не научится у тренера из-за своей упрямой застенчивости, либо приведёт нового воспитателя в замешательство непокорным и агрессивным характером. Если же вы отдадите пса на обучение очень рано, пока он не стал ещё абсолютно предан вам — тогда, вне всякого сомнения, любовь животного безраздельно будет отдана тренеру. Вот почему ни в коем случае нельзя покупать окончательно обученную собаку волчьих кровей. У собаки, оторванной от хозяина, на которого пал её выбор, не окажется и следа пройденной ею тренировки. Пёс волчьего происхождения или признает одного хозяина безраздельно, раз и навсегда, или же в том случае, если не найдёт господина или утратит его, он станет независимым и эгоистичным, как кошка, и будет жить рядом с людьми, не выказывая и тени сердечной привязанности к ним.

Именно в таком положении находилось большинство север о-американских упряжных собак. Их глубокие душевные качества так и не были бы разбужены, если бы Джек Лондон не постиг их и не нашёл бы к ним доступа. То же самое можно сказать и о некоторых среднеевропейских породах, в частности, так называемых чау, или китайских, которых презирают многие собаководы и недолюбливает большинство ветеринаров. Как раз эти собаки часто становятся подобными кошкам в том смысле, что, если их первая привязанность оказывается неудовлетворённой, они уже не способны к новой любви. Чау приносят непреложную клятву верности господину чрезвычайно рано. Среди собак шакальих кровей почти нет пород с такими сильными и верными характерами. Исключение составляют, пожалуй, лишь эрдельтерьеры и эльзасские собаки, любовь которых не может

уже быть завоёвана новым хозяином, хотя животному не исполнилось и года. Но если вы хотите быть уверены в непреложной верности чау или другого животного с волчьей наследственностью, то должны выращивать его с самого раннего возраста. Исходя из моего долгого опыта с чау, щенков этой породы следует воспитывать с четырех, самое большее с пятимесячного возраста. И это не такая большая жертва с вашей стороны, как могло бы показаться, ибо у этих животных есть склонность воспринимать домашнюю тренировку в более раннем возрасте, чем у собак шакальих кровей. В самом деле, кошачий инстинкт чистоплотности — одна из наиболее приятных особенностей собак волчьего происхождения.

Из этих описаний различных собачьих характеров читатель, очевидно, заключит, что мои симпатии принадлежат исключительно потомкам волка. В действительности это не так. Никакой пёс волчьих кровей не сможет выказать своему хозяину такого безусловного повиновения, как наш несравненный эрдельтерьер. Понятно, что мы не встретим у потомка шакалов тех благородных качеств хищного зверя, которые свойственны собаке волчьих кровей, — её гордой отчуждённости по отношению к незнакомцам, беспредельной любви к хозяину и одновременно сдержанности в проявлении этого по-настоящему глубокого чувства.

Комплексы качеств этих двух больших групп собачьего племени, оказывается, можно скомбинировать. Конечно, привить животному волчьего происхождения все лучшие качества потомка шакалов, одомашненного тысячелетиями ранее, это задача, невыполнимая для собаковода. Но есть и другой путь.

Несколько лет назад я и моя жена завели себе по собаке. Я приобрёл уже упоминавшуюся в этой книге эльзасскую суку Тито, а моя супруга — миниатюрную сучку породы чау по имени Пиги. Обе собаки были типичными представителями своих линий, классическими потомками шакала и волка. И это стало поводом для постоянных конфликтов в нашей семье.

Жена стала презирать меня за то, что Тито слишком игриво приветствовала друзей нашего дома; за то, что моя собака любила носиться по лужам, а потом, вся покрытая грязью, беспечно мчалась через наши лучшие комнаты; за то, что Тито часто огорчала нас несоблюдением гигиенических правил, если нам случалось забыться или своевременно не выпустить её во двор. Словом, она совершала сотни маленьких прегрешений, которые собака волчьих кровей не позволила бы себе ни при каких обстоятельствах. Кроме того, моей супруге не нравилось, что у Тито не было личной жизни, что она лишь бездушная тень хозяина. А видеть, как она целый день лежит подле стола, с мольбой в глазах ожидая очередной прогулки, — это, по словам жены, слишком сильное испытание для человеческих нервов… Тень! Бездушная! Да ведь Тито — это сама собачья душа! Я платил жене той же монетой. Насколько я могу судить, нельзя держать собаку, которую только с известным риском можно брать с собой на прогулку. Ведь собака и создана для того, чтобы слушаться хозяина. А Пиги, вопреки всем своим прекрасным качествам однолюба, сразу же убегает от своей хозяйки, стоит им попасть в лес. Был ли хоть один случай, чтобы жена вернулась с прогулки в сопровождении своей собаки? С таким же успехом она могла бы завести себе сиамскую кошку, которая ещё более независима, чистоплотнее собаки и, кроме всего прочего, не должна… притворяться кошкой. Пиги вообще не собака! В ответ я неизменно слышал, что Тито — тоже не собака, или в лучшем случае супруга принимала оскорблённую позу в духе сентиментального викторианского романа.

Эти стычки, в шутливом тоне которых была и доля серьёзности, привели к наиболее естественному компромиссу. Сын Тито, которого я назвал Буби, женился на Лиги. Произошло это помимо воли моей супруги, которая, как и следовало ожидать, хотела получить чистокровных щенков. Но здесь она встретила неожиданное препятствие, проявившееся в новом, дотоле неизвестном нам свойстве собаки волчьего происхождения — в однобрачной верности самки своему единственному избраннику. Жена исходила все венские улицы вместе со своей Пиги в надежде, что та найдёт, наконец, кавалера своей же породы. Но все было напрасно — Пиги свирепо огрызалась на всех претендентов. Она

стремилась только к своему Буби и, наконец, соединилась с ним. Вернее, он добился её, разломав толстую дощатую дверь, за которой скрывали от него Пиги.

Так возник наш питомник эльзасско-китайских щенков. Случилось это исключительно из-за верной любви Пиги к своему огромному добродушному Буби. Читатель должен быть признателен мне за совершенно правдивое изложение событий. Не скрою, у меня было искушение написать: «После тщательного анализа положительных и отрицательных качеств собак волчьих и шакальих кровей я пришёл к выводу, что необходим эксперимент по скрещиванию для комбинирования лучших особенностей обеих пород. Успех превзошёл все ожидания. Хотя известно, что скрещивание обычно ведёт к сохранению отрицательных качеств, свойственных родителям, в данном случае в значительной мере удалось доказать обратное…». В отношении успешного исхода моего предприятия это утверждение было бы совершенно справедливо. Однако ещё раз должен признаться, что все остальное случилось без всякого предварительного плана.

В настоящее время в жилах наших гибридных собак течёт лишь небольшая примесь эльзасской крови, поскольку жена за время моего длительного отсутствия дважды скрещивала потомство Пига и Буби с чистокровным чау. Это было неизбежно, ибо в противном случае пришлось бы переженить их между собой, и мы стали бы виновниками кровосмешения. Но даже и сейчас психические качества Тито сказываются вполне отчётливо. Наши собаки гораздо добродушнее и гораздо легче поддаются обучению, чем чистокровные чау, хотя только глаз крупного знатока смог бы найти в их внешнем облике отдельные черты эльзасских собак. Я намереваюсь и впредь разводить эту смешанную породу, благополучно пережившую военные годы, чтобы провести в жизнь мой план создания собаки с идеальным характером.

Можно задать вопрос, стоит ли создавать ещё одну породу собак, когда столько их уже существует? Мне кажется — да! В наши дни собака имеет для человека главным образом психологическую ценность, если оставить в стороне отдельные области утилитарного использования собак, например, в полицейской работе и в спорте.

Удовольствие, доставляемое мне моей собакой, очень сродни той радости, которую приносят ворон, серые гуси и другие дикие животные, оживляющие наши загородные прогулки. Мне кажется, именно они помогают нам вернуться к тому подсознательному всеведению, которое мы и называем природой. Некогда мы порвали с природой, и это была та цена, которую человечество уплатило за свою культуру и цивилизацию, за то, чтобы получить специфическую свободу воли. Но неустанное наше стремление к утраченному раю — это не что иное, как подсознательная попытка восстановить эти разорванные связи.

Поэтому мне нужна собака, которая была бы не продуктом модной фантазии, а животным во плоти и крови, не результатом научных изысканий или триумфом собаководческого искусства, а детищем природы с неизуродованной душой. А последним качеством, к несчастью, отличаются лишь очень немногие из породистых собак, и в наименьшей степени — те породы, которые временами оказывались «новомодными», а потому привлекали чрезмерное внимание к своим внешним признакам. Животные каждой

такой породы, подвергшиеся чисто внешнему совершенствованию, одновременно терпели духовный и умственный ущерб. Я же хочу добиться противоположного результата. Моя цель — создать идеальную комбинацию психических собачьих достоинств. Я надеюсь вывести собаку, которая могла бы своим присутствием восполнить то, чего как раз и не хватает бедному, цивилизованному, прикованному к большому городу человеку.

Давайте встанем на эту точку зрения и перестанем обманывать себя, говоря, что собака нужна нам для охраны нашего дома. Она действительно нужна нам, но не в качестве сторожевого пса. Что до меня, то я, находясь в угрюмых чужих городах, испытывал острую нужду в обществе собаки-компаньона. И только одно лишь её присутствие помогало мне ощутить большое внутреннее спокойствие, которое обычно черпаешь в воспоминаниях детства или в мыслях о родном крае — будь то Голубой Дунай или Белые скалы Дувра. В почти кинематографически быстром течении нашей жизни современный человек время от времени хочет почувствовать, что он пока ещё остался самим собой. И ничто не даст ему столь приятного подтверждения этого, как «семенящие сзади четыре ноги».

ПОСТОЯННЫЕ КВАРТИРАНТЫ

Коль сила есть в руках, должны мы жить.
Чтобы творить, грядущим дням служить.
Вордсворт. Раздумья

Осенний ветер распевал песни стихий в каминной трубе, старые ели перед окном моей рабочей комнаты взволнованно раскачивали ветвями и так громко вторили хору, что их тоскующие напевы врывались ко мне через двойные оконные стекла. Внезапно дюжина чёрных обтекаемых снарядов пересекла кусочек облачного неба, заключённый в оконную раму. Как камни, они стремительно падали на верхушки елей, но вдруг расправили крылья, стали птицами и сразу же превратились в лёгкие комочки перьев, которые были подхвачены ураганом и унесены прочь ещё быстрее, чем они появились перед моими глазами.

Я подошёл к окну и стал наблюдать за необыкновенной игрой, которую галки затеяли с ветром. Было ли это игрой? Несомненно, притом в самом буквальном смысле этого слова: птицы получали удовольствие от своих тренированных движений, которые явно служили самоцелью.

Все эти подвиги, совершаемые птицами, удивительное использование ими ветра, изумительно точная оценка расстояний и, кроме всего прочего, понимание местных воздушных условий: знание всех восходящих потоков, воздушных ям и вихрей — вся эта сноровка отнюдь не унаследована, она приобретается каждой галкой в результате индивидуального совершенствования.

Да, стоило посмотреть, что галки проделывали с ветром! На первый взгляд бедному бескрылому человеку могло показаться, что буря играет с птицами, как кошка с мышью;

однако, вскоре вы с изумлением убеждались в том, что роль мышки принадлежит как раз свирепой стихии, а галки третируют её, как кошка свою несчастную жертву.

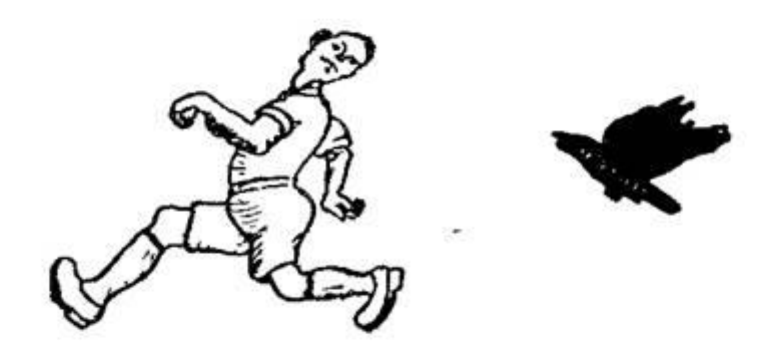
Птицы останавливались в воздухе почти против ветра, позволяли ему подбросить себя высоко-высоко в небеса, — казалось, что они «падают» вверх; потом, небрежно взмахнув крыльями, галки раскрывали их, переворачивались, чтобы подставить вихрю второстепенные маховые, и ныряли в воздушную пучину с ускорением, большим, чем ускорение падающего камня. Ещё один едва заметный взмах крыльев — теперь птицы возвращаются в своё обычное положение и под плотно зарифленными парусами несутся со скоростью ветра на сотни ярдов к западу, прямо в зубы беснующейся бури. Все это проделывается играючи и без всяких усилий, точно назло глупому ветру, пытающемуся унести птиц на восток. Незримое чудовище само производит всю работу, перенося галок по воздуху со скоростью свыше 80 миль в час; птицы не делают ничего, чтобы помочь ему, если не считать нескольких ленивых движений, меняющих положение их чёрных крыльев. Высшая власть над мощью стихий, упоительное торжество живых организмов над безжалостной силой неживого!

Двадцать пять лет прошло с тех пор, как первая галка появилась над крышами Альтенберга, а я отдал своё сердце птице с серебристыми глазами. В нашей жизни часто бывает, что мы не сразу сознаём, что пришла большая любовь; так и я не сознавал этого, когда познакомился с первой своей галкой. Я нашёл её в лавке Розалины Вонгар, торговавшей животными; лавка эта привлекала меня очарованием воспоминаний раннего детства. Птица сидела в довольно тесной клетке, и я купил её ровно за 4 шиллинга. Купил не потому, что намеревался использовать для научных наблюдений, а из-за внезапно возникшего острого желания напичкать вкусной едой эту огромную красную глотку, окаймлённую жёлтой полосой по краю рта. Я собирался выпустить птицу, как только она станет самостоятельной, и позже осуществил своё намерение. Последствия оказались неожиданными — даже сегодня, после страшной войны, унёсшей всех моих питомцев, птиц и зверей, галки все ещё продолжают гнездиться под крышами нашего дома. Ни одна другая птица, ни одно другое животное никогда не вознаграждали меня столь щедро за проявленное к ним сострадание.

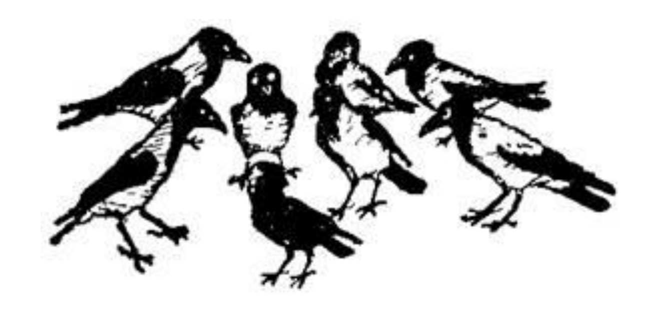

Немногие птицы — более того, немногие высшие животные (колониальные насекомые — явление совершенно другого порядка) — характеризуются столь высокоорганизованной общественной и семейной жизнью, как галки. В соответствии с этим лишь у немногих животных детёныши столь трогательно беспомощны и настолько зависимы от своего воспитателя, как птенец галки. Как только стержни перьев крыла достаточно окрепли, чтобы поддерживать тело в полёте, юная галка неожиданно стала проявлять ко мне поистине детскую привязанность. Она отказывалась даже на секунду оставаться наедине с собой, летала за мной из комнаты в комнату и издавала отчаянные крики, если я все же вынужден был оставить её в одиночестве. Я окрестил её Джок по её призывному крику, и в тот день была отдана дань традиции: называть первую птицу, относящуюся к виду, дотоле не воспитывавшемуся в изоляции, подражая её характерному видовому крику.

Окончательно оперившаяся галка, привязанная к своему воспитателю всей силой юношеской любви, представляет собой один из наиболее замечательных объектов наблюдения, какие только можно себе представить. Вы уходите куда-нибудь, взяв галку с собой, и наблюдаете с близкого расстояния манеру её полёта, собирания пищи — короче, все её повадки в обстановке совершенно естественной, где птица не стеснена в своих движениях решётками клетки. Едва ли когда-нибудь мне удавалось узнать так много нового о сущности животных от других моих зверей и птиц, сколько я узнал от Джока в то лето 1925 года.

Многим я был обязан своему умению имитировать крик галки, и скоро она стала предпочитать меня всем другим окружающим её людям. Я получил возможность совершать длительные прогулки пешком и даже на велосипеде, в которых птица сопровождала меня, как верная собака. Хотя я нисколько не сомневаюсь в том, что она знала воспитателя «в лицо» и предпочитала моё общество всякому другому, тем не менее она иногда покидала меня и следовала за другим человеком, если он передвигался быстрее, особенно если он перегонял нас. Стремление следовать за чем-то, что двигалось прочь от неё, было чрезвычайно сильно у юной галки и почти определённо выглядело как действие непроизвольное. Как только Джок оставлял меня, он сразу же замечал свою ошибку и исправлял её, поспешно возвращаясь ко мне. Когда он стал старше, то научился подавлять в себе импульсивное стремление преследовать прохожих, движущихся с большой скоростью. Однако и после этого я часто мог заметить лёгкое вздрагивание или мимолётное движение вслед торопливому путнику.

С ещё большим душевным конфликтом Джок сталкивался в тот момент, когда перед нами взлетала серая ворона или группа этих птиц, весьма обычных в округе. Зрелище машущих чёрных крыльев, принадлежность которых трудно было установить на большом расстоянии, вызывало у галки непреодолимое стремление преследовать их обладателей, стремление, которое птица никогда не научилась подавлять в себе, несмотря на множество горьких экспериментов. Галка слепо неслась за воронами, которые неоднократно завлекали её, и можно считать большой удачей, что она не погибла и не заблудилась. Наиболее замечательно было поведение галки, когда вороны усаживались: в тот самый момент, когда волшебство машущих чёрных крыльев переставало действовать, Джок сразу же терял всякий интерес к их обладателям. Если летящая ворона притягивала его с ошеломляющей силой, то сидящая была ему безразлична; как только вороны приземлялись, они уже были не нужны ему; Джока охватывало чувство одиночества, и он начинал звать меня тем странным жалобным тоном, с помощью которого молодые заблудившиеся галки призывают своих родителей. Услышав мой ответный крик, Джок сразу же взлетал и нёсся ко мне с такой решимостью, что часто увлекал за собой и ворон, которые следовали за ним, как за предводителем всего отряда. В эти моменты вороны столь слепо следовали за Джоком, что замечали меня, когда оказывались почти рядом. Когда они, наконец, замечали меня, то приходили в неописуемый ужас и устремлялись прочь в такой панике, что Джок, заражённый всеобщим испугом, снова улетал прочь вместе с ними. Когда я понял, в чём дело, то во избежание осложнений старался быть как можно более заметным, чтобы предупредить приближающихся ворон о своём присутствии раньше, чем могла возникнуть паника.

Врождённые и приобретённые элементы, подобно отдельным частичкам в мозаике, соединяются друг с другом и формируют совершенный рисунок поведения. Однако у птиц, выращенных в неволе, естественная гармония всей конструкции неизбежно оказывается частично нарушенной. Все те действия и реакции, которые связаны с общественной жизнью животного и при этом не предопределены наследственностью, но получены за счёт индивидуального опыта, имеют тенденцию отклоняться от естественного течения. Иными словами, они адресуются людям, вместо того чтобы быть направленными на других особей того вида, к которому принадлежит птица. Как Маугли Киплинга считал себя волком, так и Джок мог бы, не задумываясь, назвать себя человеком. Только вид пары машущих чёрных крыльев звучал для него унаследованным призывом: «Лети с нами!». Пока галчонок передвигался по земле, он видел себя человеком, но в тот момент, когда он взлетал, — становился серой вороной, ибо эти птицы впервые пробудили в нём стайный инстинкт.

Когда любовь проснулась в душе киплинговского Маугли, её всемогущий зов заставил юношу покинуть своих братьев-волков и вернуться к людям. Это поэтическое допущение согласуется с научными взглядами. У нас есть все основания полагать, что у человека, как и у большинства млекопитающих, потенциальный половой партнёр узнается по таким сигналам, которые звучат для нас из глубин многовековой наследственности, а не за счёт символов, узнаваемых посредством индивидуального опыта (что, очевидно, случается у многих видов птиц). Птицы, выращенные в изоляции от своих собратьев, вообще не знают, к какому виду они относятся: иными словами, у них не только действия, связанные с общественной жизнью, но и половое влечение направлено на животных, с которыми они

провели много времени в определённую фазу их ранней юности, фазу повышенной восприимчивости. Следовательно, существа, выращенные в домашних условиях в одиночку, имеют склонность рассматривать людей, и только их, в качестве объекта половой любви. Как раз это и делал Джок.

Нет предела тем, эксцентричным ошибкам, которые могут возникать в подобных же ситуациях. У меня жила одна домашняя гусыня, единственная выжившая из выводка в шесть гусят, все остальные погибли от птичьего туберкулёза. Эта гусыня выросла среди цыплят, и хотя ей в самое подходящее время был подсажен великолепный гусак, она была безразлична к его ухаживаниям, но зато потеряла голову от любви к нашему статному родайлендскому петуху, забросала его предложениями вступить в брак с ней и ревниво мешала ему ухаживать за курами. Героем другой подобной же трагикомедии был прекрасный белый павлин из Шонбрунского зоологического сада в Бене, Он также оказался единственным выжившим из слишком рано вылупившегося выводка, не пережившего периода похолодания. Служитель пересадил павлиненка в самое тёплое помещение, которым в этот период (сразу после первой мировой войны) располагал зоопарк, — в террариум, где содержались гигантские галапагосские черепахи[67]. Остальную часть своей жизни несчастная птица видела предмет своих желаний только в лице громадных рептилий и оставалась безучастной к прелестям хорошеньких павлиних. Типичней чертой этих удивительных состояний развития полового влечения к исключительным и противоестественным объектам является их необратимость.

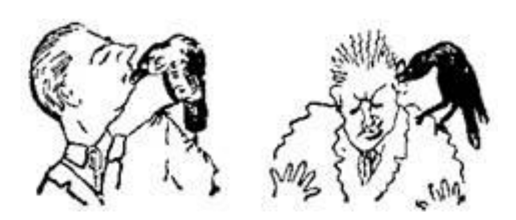
Когда Джок достиг зрелости, он влюбился в нашу горничную, которая вскоре после этого вышла замуж и оставила своё место. Через несколько дней Джок разыскал её в соседней деревне, в двух милях от нас, и немедленно перебрался в её коттедж; лишь на ночь он возвращался в свою привычную квартиру. Б середине июня, когда брачный сезон у галок окончился, Джок неожиданно вернулся к нам и тотчас усыновил одну из четырнадцати юных галок, которых я вырастил этой весной. Перед своей подопечной Джок принимал те самые позы, которые нормальная галка демонстрирует перед своими птенцами. Поведение по отношению к своим отпрыскам по необходимости должно быть врождённым у всех птиц и зверей, ибо свои собственные дети являются для них первыми, с которыми они в один прекрасный день вынуждены познакомиться. Не будь эти реакции чисто инстинктивными, врождёнными действиями, галка не знала бы, как заботиться о детях, она могла бы разорвать их на кусочки и съесть, как она поступает с другими мелкими существами.

[67] Галапагосская, или слоновая, черепаха (Testudo elephanto-pus) — огромное пресмыкающееся весом до 100 кг. Ещё в 30-х годах прошлого века эти черепахи были довольно обычны на Галапагосских островах у Тихоокеанского побережья Южной Америки, но к концу столетия почти полностью истреблены.

Теперь я должен рассеять некоторые иллюзии читателя, те самые иллюзии, во власти которых находился и я сам до того момента, как Джок достиг зрелости; характер тех предложений, которые Джок делал нашей горничной, медленно, но верно разоблачали тайну: «он» оказался самкой! Она вела себя по отношению к юной леди точно так же, как нормальная галка-самка должна вести себя со своим супругом. Правило привлечения противоположного пола, согласно которому мужчины притягательны для самок животных, а женщины — для самцов, недействительно для птиц, даже для попугаев. Один взрослый самец галки влюбился в меня и обращался со мной точно так, как если бы я был галкой-самкой. Эта птица часами пыталась заставить меня вползти в отверстие шириной в несколько дюймов, избранное ею для устройства гнезда; точно так же ручной самец домового воробья старался заманить меня в карман моего собственного жилета. Ещё более настойчивым самец галки становился в тот момент, когда он непрестанно пытался накормить меня отборнейшими, с его точки зрения, лакомствами.

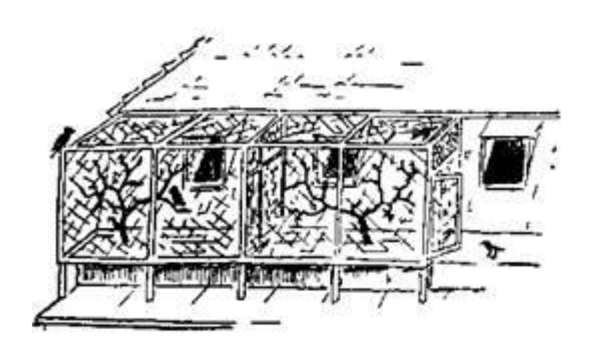
Замечательно, что птица совершенно правильно разбиралась в анатомии, считая человеческий рот отверстием для приёма пищи. Она бывала очень обрадована, когда я приоткрывал губы и, глядя на неё, одновременно произносил соответствующие просительные звуки. Несомненно, с моей стороны это был акт самопожертвования, потому что даже я не мог заставить себя полюбить вкус измельчённых червей, обильно смоченных галочьей слюной. Вы должны понимать, что мне казалось затруднительным сотрудничать с галкой подобным образом каждые несколько минут. Если же я отказывался, то должен был оберегать своё ухо; в противном случае, прежде чем я успевал понять, в чём дело, канал этого органа был бы наполнен до самой барабанной перепонки тёплой кашицей из пережёванных червей: дело в том, что самец галки, кормящий свою самку или птенцов, при помощи языка проталкивает пищевой комок глубоко в глотку партнёра. Надо сказать, что птица всегда сначала пыталась накормить меня через рот, и только когда я отказывался от этого, стремилась использовать для той же цели моё ухо.

Тем, что в 1927 году в Альтенберге были выращены четырнадцать молодых галок, я всецело обязан Джок. Многие из инстинктивных действий и реакций этой галки, направленных на людей взамен отсутствующих особей её вида, казалось, не только не достигали биологической цели, но оставались непостижимыми для меня и тем возбуждали моё любопытство. Все это пробудило во мне желание основать целую колонию свободноживущих ручных галок с тем, чтобы изучить общественное и семейное поведение этих замечательных птиц.

Естественно, не могло быть и речи о том, чтобы я мог выступать в качестве приёмных

родителей всех этих галчат и воспитывать каждого из них, как я воспитывал Джок в прошлом году, и так как я уже познакомился, на примере Джок, с недостатками чувства ориентации у галок, я начал искать другой способ удержать моих питомцев около себя. В результате тщательных обсуждений я пришёл к решению, которое впоследствии оказалось вполне удовлетворительным. Перед небольшим окном чердака, где в то время обитала Джок, я построил длинную и узкую вольеру, разделённую на две клетки; вольеру поддерживал водосточный жёлоб толщиной в ярд, и она тянулась почти во всю ширину дома.

Сначала Джок вывели из равновесия строительные изменения перед самой её квартирой, но вскоре она освоилась с ними и стала влетать и вылетать в переднее отделение вольеры через приоткрытый люк в её крыше. Только после этого я посадил в вольеру молодых галок; каждая была помечена цветными кольцами, которые надевались на одну или на обе лапки. В соответствии с цветом колец птицы получили свои имена. Когда галчата были окончательно устроены на новой квартире, я переманил их во внутреннее отделение, а в переднем, снабжённом закрывающимся люком, оставил только Джок и двух других наиболее ручных галок — Красно-голубую и Дважды-голубую. Разделённые подобным образом, птицы оставались наедине друг с другом в течение нескольких дней. Все эти меры были приняты мной в надежде на то, что галки, которым было позволено летать на свободе, будут удерживаться общественным инстинктом возле своих собратьев, запертых во внутренней части вольеры. Как я уже упоминал, в этот момент Джок стала приёмной матерью одной из молодых галок, Лево-золотой, и это было очень большой удачей, поскольку заставило птицу вернуться домой в самый критический момент эксперимента, о чём я собираюсь рассказать. Лево-золотая не попала в число первых освобождённых галок, ибо я надеялся, что ради неё Джок останется в окрестностях нашего дома; в противном случае существовал известный риск, что Джок вместе с Лево-золотой, которая уже окончательно оперилась, улетит в соседнюю деревню к нашей бывшей горничной.

Мои надежды, что молодые галки будут летать вместе с Джок, оправдались лишь частично. Когда я открыл люк, Джок в мгновение ока оказалась снаружи и, попав на свободу, немедленно скрылась из глаз. Это произошло задолго до того, как галчата, смущённые непривычным положением открытой крышки люка, рискнули выбраться через него наружу. Они вылетели одновременно как раз в тот момент, когда Джок снова появилась и быстро пронеслась мимо. Галчата пытались последовать за ней, но вскоре отстали, ибо ни один из них не мог повторить её резких виражей и крутых пике. Хорошие родители, как правило, не проявляют подобного невнимания к ограниченности лётных способностей молодёжи; они избегают фигур высшего пилотажа, пока водят своих отпрысков. Позже, когда я освободил Лево-золотую, Джок также вела себя подобным образом: летала медленно, воздерживалась от сложных манёвров и постоянно оглядывалась через плечо, чтобы проверить, не отстала ли молодая птица. Но не только Джок оказалась невнимательной к молодым галкам; они, со своей стороны, очевидно, не понимали, что она располагает весьма желательными познаниями относительно местных условий, которых не было у них, и что она — более надёжный проводник, чем любой из их компаньонов. Неопытные дети — они искали лидера в своей среде и пытались летать друг за другом. В этих обстоятельствах птицы проделывают беспорядочные, бесцельные круги, увлекающие их все выше и выше в

небо, и, поскольку в этом возрасте галчата совершенно неспособны спускаться в крутом пике, их шалости неизбежно приводят к потере ориентировки: чем выше они поднимутся, тем дальше окажутся от дома в тот момент, когда неизбежно будут вынуждены упасть. Некоторые из моих четырнадцати молодых галок заблудились именно таким образом. Чтобы подобные вещи не случались, необходимо присутствие старой и опытной галки, желательно старого самца, а как раз такой птицы и не было в то время в моей колонии.

Отсутствие лидерства даёт себя знать и в другом и может иметь ещё более серьёзные последствия. Молодые галки не обладают врождённой реакцией на опасных для них хищников в отличие от большинства других птиц, таких, как сорока, кряква или зарянка, которые готовы спасаться бегством при первом появлении кошки, лисицы или даже белки. Эти птицы ведут себя так вне зависимости от того, выращены они человеком или собственными родителями. Молодая сорока никогда не позволит кошке поймать себя, а самая ручная кряква, воспитанная в домашних условиях, мгновенно реагирует на красно-коричневую шкуру, передвигаемую вдоль пруда с помощью верёвки. Утка относится к чучелу так, как будто ясно представляет своего смертельного врага, лисицу, со всеми её качествами. Птица становится чрезвычайно осторожной и, держась на воде, ни на мгновение не сводит глаз с неприятеля. Она вплавь следует за ним, куда бы он ни двигался, и беспрерывно издаёт свой тревожный крик. Утка знает, вернее, знает её врождённый механизм реагирования, что лисица не может летать, не может плавать достаточно быстро, чтобы поймать её в воде, поэтому птица сопровождает врага, держа его в поле зрения, и извещает всех о его присутствии, тем самым мешая ему подкрасться к очередной жертве.

Узнавание врага — то, что у кряквы и многих других птиц является врождённым инстинктивным актом, должно выработаться у молодой галки в результате обучения. Происходит ли обучение путём индивидуального опыта? Нет, ещё более странным путём — путём подлинных традиций, путём передачи личного опыта от поколения к поколению.

Из всех реакций, которые у галок имеют отношение к опознаванию врага, только одна оказывается врождённой: любое живое существо, которое держит качающийся или вибрирующий чёрный предмет, становится для галок предметом свирепого нападения. Атака сопровождается скрежещущим предупреждающим криком, резкое, металлическое, многоголосое звучание которого даже человеческим ухом воспринимается как выражение чувства озлобления и ярости.

Одновременно галка принимает странную позу, в которой туловище наклонено вперёд, а полуразвернутые крылья вибрируют. Если у вас есть ручная галка, вы можете рискнуть поймать её, чтобы посадить в клетку или подрезать чересчур отросшие когти. Но не делайте этого, если у вас две галки! Джок, которая была ручная, как собака, никогда не обижалась на

случайное прикосновение моей руки; но когда у нас в доме появились молодые галки, все совершенно изменилось: она ни под каким видом не позволила бы мне дотронуться до одного из этих маленьких чёрных птенцов. Когда, ничего не подозревая, я впервые сделал это, то услышал сзади себя резкий сатанинский звук — какое-то хриплое дребезжание; чёрная стрела упала на руку, в которой я держал галчонка; изумлённый, я таращил глаза на круглую, глубокую, кровоточащую рану, проклёванную на тыльной стороне моей руки! Таково первое знакомство с атакой этого типа, уже само по себе проливающее свет на инстинктивную слепоту подобных порывов. Джок в то время была ещё очень предана мне я всем сердцем ненавидела этих четырнадцать молодых галок (Лево-золотую она усыновила позже). Я постоянно был вынужден оберегать птенцов от неё: она убила бы их одним ударом, если бы осталась наедине с ними хотя бы на несколько минут. И тем не менее Джок не могла допустить, чтобы я взял одного из птенцов в руки.

Слепая рефлекторная природа подобных действий стала для меня ещё яснее после нескольких случайных наблюдений, сделанных позже в это лето. Однажды вечером, в спустившихся сумерках, я возвращался домой после купания в Дунае и по привычке поторопился на чердак, чтобы созвать галок и запереть их на ночь. Встав на водосточный жёлоб, я вдруг почувствовал что-то мокрое и холодное в кармане брюк, куда я в спешке сунул свои чёрные плавки. Я вытащил их, и в следующий момент был окружён плотным облаком свирепых скрежещущих галок, которые обрушили град страшных ударов на мою руку, нарушившую закон.

Было интересно наблюдать реакцию галок на другие чёрные предметы, которые могли оказаться у меня в руках. Большая старая фотокамера для натуралистических съёмок никогда не вызывала такого смятения, хотя была чёрной и я держал её в руках, но галки подымали скрежещущий крик, как только я срывал с катушки плёнки чёрную бумажную полоску, трепетавшую на лёгком ветерке. То, что галки не только не считали меня опасным для них, но даже видели во мне друга, нисколько не меняло дела: как только в моей руке оказывалось что-то чёрное и движущееся, они начинали клеймить меня как «пожирателя галок». Ещё более удивительно то, что такие же вещи случаются и между самими галками: я был свидетелем типичной «скрежещущей» атаки, которой подверглась галка-самка, нёсшая в своё гнездо перо из крыла ворона. С другой стороны, ручные галки никогда не испускают скрежещущего крика и не нападают на вас, если вы держите в руках одного из их птенцов, который пока ещё голый и, следовательно, не выглядит черным. Я удостоверился в этом, экспериментируя с парой галок, которые первыми загнездились в моей колонии. Две птицы из неоднократно упоминавшихся четырнадцати — Зелено-золотая и Красно-золотая — были совершенно ручными, садились мне на руки и на плечи и ни в малейшей степени не беспокоились, если я трогал руками их гнездо и наблюдал всю их деятельность с самого близкого расстояния. Даже когда я брал птенцов из гнезда и подносил их к родителям на своей ладони, последние оставалась совершенно равнодушными. Но именно в тот день, когда маленькие перья птенцов пробились через лопнувшие чехлики и окрасили галчат в чёрный цвет, взрослые галки свирепо атаковали мою протянутую руку.

Галки долгое время остаются чрезвычайно недоверчивы и враждебны по отношению к человеку или животному, которые однажды вызвали у них «скрежещчщую» атаку. Пылающие эмоции неправдоподобно быстро запечатлевают в птичьей памяти неискоренимую картину, и теперь ситуация «галка в челюстях врага» неизменно ассоциируется с личностью «грабителя». Спровоцируйте галок два или три раза подряд на «скрежещущую» атаку, и вы навсегда потеряете их дружбу и расположение! Впредь они начинают поносить вас, как только вы появляетесь у ник на глазах, даже если у вас в руках нет ничего чёрного и трепещущего. Отныне эти галки будут охотно и с лёгкостью ставить вам в строку каждое новое прегрешение. Скрежетание чрезвычайно заразительно, эти звуки побуждают каждую слышащую их птицу к нападению сразу же, как только она увидит чёрный трепещущийся предмет в когтях врага. Зловещая сплетня, что однажды или дважды видели, как вы держали в руках подобный предмет, распространяется со сверхъестественной быстротой, и прежде чем вы узнаете об этом, вы уже пользуетесь у всех галок округи дурной славой хищника, с которым необходимо бороться при всех обстоятельствах, во что бы то ни стало.

Все сказанное во многих отношениях характерно и для ворон. Мой друг доктор Крамер убедился в этом в результате общения с этими птицами: он заслужил скверную репутацию среди ворон, живших по соседству с его поместьем, из за того, что постоянно появлялся перед ними с ручной вороной, сидевшей у него на плече. В противоположность моим галкам, которые никогда не возмущались, видя одну из них сидящей на моей руке, вороны, очевидно, считали, что ручная птица, восседающая на плече человека, «поймана недругом», хотя она находилась там по своей собственной воле. Вскоре мой друг уже был известен всем воронам в округе, и их враждебная бранящаяся стая подолгу преследовала его, независимо от того, была ли с ним его ручная ворона или нет. Птицы узнавали его даже в другой одежде. Эти наблюдения ясно свидетельствуют о том, что врановые чётко отличают охотника от «безвредного» путника; человека, которого вороны однажды или дважды видели со своей мёртвой товаркой в руке, они никогда не забудут и всегда смогут узнать, будь он даже и без ружья.

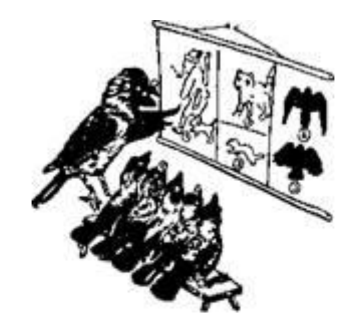

Подлинное значение «реакции скрежетания», несомненно, состоит в том, чтобы спасти товарища от хищника, если же это невозможно — то настолько надоесть агрессору, чтобы он, исполненный отвращения, навсегда зарёкся охотиться на галок. Даже в том случае, если «скрежещущая» атака слегка отпугнёт ястреба или другого хищника от охоты на галок, то впоследствии его предпочтение к другим жертвам будет достаточным, чтобы считать эту реакцию ценным средством для лучшего выживания всего вида. Такая первоначальная функция «реакции скрежетания» очень характерна для всех видов семейства врановых, включая и те, которые не столь общественны, как галки. Подобные же реакции известны даже у мелких певчих птиц.

По мере дальнейшего развития общественных связей, в частности у галок, в дополнение к первоначальному значению «защиты себе подобных» эта реакция приобретает новый и ещё более важный смысл: с помощью подобного поведения способность узнавать потенциального хищника может быть передана молодым и неопытным особям. Вот поистине приобретённые знания, а не врождённые, инстинктивные реакции, хотя при поверхностном подходе те и другие сходны между собой.

Не знаю, смог ли я достаточно ярко показать, насколько все это замечательно: животное, не осведомлённое от рождения инстинктом о своих врагах, получает от более старых и опытных особей своего вида информацию о том, кого и чего следует бояться. Это поистине традиция, передача индивидуального опыта, приобретённых знаний от поколения к поколению. Наши дети могут брать пример с молодых галчат, которые так серьёзно воспринимают благие предупреждения своих родителей. Стоит старой галке при появлении врага, ещё не известного молодёжи, произнести одно-единственное «скрежетание», как в сознании юных птиц сразу же возникает представление об опасности. Думаю, в естественных условиях редко случается, что молодая галка впервые знакомится с врагом, видя в его когтях чёрный раскачивающийся предмет. Галки почти всегда летают густой стаей, в которой, по всей вероятности, хотя бы одна птица начнёт скрежетать, просто увидев неприятеля.

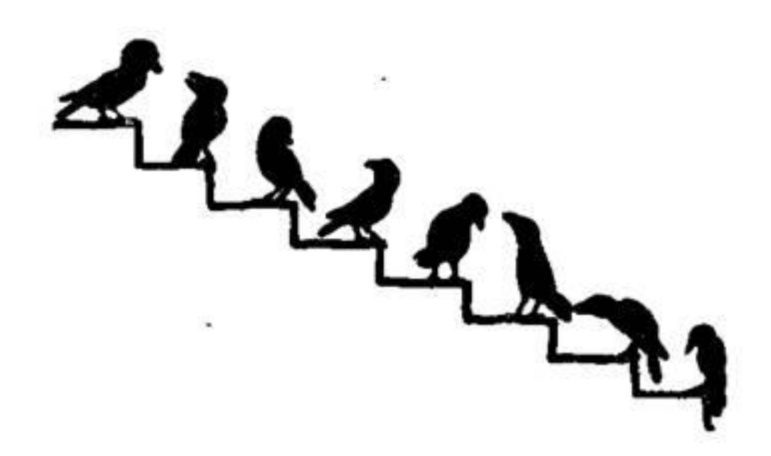
Как все это по-человечески! И с другой стороны, насколько удивительно слеп и рефлекторен этот врождённый воспринимающий шаблон, который вызывает типичную «скрежещущую» атаку у молодой неопытной галки! Нет ли у человека подобных слепых инстинктивных реакций? Не вызывает ли слепой ярости у целых народов простой манекен, преподнесённый ловким демагогом? Не соизмеримо ли во многих случаях расстояние между этой куклой и действительным врагом, как у галок в описанном случае с купальными плавками? И могли ли бы до сих пор возникать войны, если бы все это было не так?

Никто не мог предупреждать моих четырнадцать галок о грозивших им опасностях. Не имея родителей, которые своим скрежетанием предостерегали бы её, такая молодая галка будет сидеть на одном месте, когда к ней подкрадывается кошка, или приземлится перед самым носом дворняжки так доверчиво и по-дружески, как встречается человек с теми, в чьей среде он вырос. Не удивительно, что моя галочья стая сильно поредела в первую неделю после того, как птицы оказались на свободе. Когда я осознал всю опасность ситуации и вызвавшие её причины, то стал выпускать птиц только в светлые дневные часы, в то время,

когда немногие наши кошки бродили вне усадьбы. Каждый вечер в определённое время возникала необходимость водворить птиц обратно в клетку, и это отнимало у меня много времени и приносило немало хлопот. Задача, о которой говорится в немецкой пословице «собрать полный мешок блох», — это пустяк по сравнению с проблемой, стоявшей передо мной и заключавшейся в том, чтобы заманить в вольеру четырнадцать юных галок. Я не мог брать птиц в руки из-за опасения вызвать реакцию «скрежетаняя», и пока я маневрировал с одной из них, пронося её на руке в люк вольеры, две другие вылетали наружу. Даже если я использовал переднее отделение клетки в качестве клапана, на всю эту процедуру уходило не менее часа каждый вечер.

Организация галочьей колонии в Альтенберге стоила мне большого труда, отнимала много времени и много денег, если принять во внимание постоянный вред, который птицы наносили чердаку нашего дома. Но, как уже говорилось, я с лихвой был вознаграждён за все беспокойство. Какой удивительный объект для наблюдений представляла собой эта колония совершенно свободных и абсолютно доверчивых галок! В это время — в мой «галочий период» — я по первому взгляду узнавал характерное «выражение лица» каждой из моих птиц. Не было даже необходимости смотреть на цветные кольца на их лапках. В этом нет никакого особого достижения: каждый пастух узнает своих овец, а моя дочь Агнесс, когда ей было пять лет, узнавала в лицо всех многочисленных диких гусей, живших в нашей усадьбе. Не зная каждую галку персонально, я не смог бы проникнуть в сокровенные секреты общественной жизни этих птиц.

Знают ли сами животные друг друга персонально? Несомненно, хотя некоторые исследователи психологии животных сомневаются в этом или же категорически отрицают такое положение вещей. Тем не менее, я могу гарантировать, что каждая галка в моей колонии узнавала любую другую в лицо. Существование субординации, известной в психологии животных под названием «порядка клевания», убедительно демонстрирует сказанное. Каждому птицеводу известно, что даже среди недалёких обитателей птичьего двора существует определённый порядок, в соответствии с которым каждая птица опасается других, стоящих выше её на общественной лестнице. После нескольких ссор, которые совсем не обязательно оканчиваются дракой, каждой птице становится известно, кого она должна бояться и кто должен оказывать ей уважение, В поддержании порядка клевания решающее значение имеют не только физическая сила, но также смелость, энергичность и даже самоуверенность отдельных особей. Подобная субординация чрезвычайно консервативна. Если одно животное в ссоре с другим оказалось подавленным, пусть только морально, оно отныне не рискнёт с лёгким сердцем пересечь дорогу своему победителю; это позволяет двум животным существовать бок о бок друг с другом. Все сказанное остаётся в силе даже у высших, наиболее разумных животных, У моего покойного друга, графа фон

Хогенштейна, жил большой свинообразный макак[68], который, уже будучи взрослым, питал глубоко укоренившееся почтение к вдвое меньшей его по размерам старой яванской обезьяне[69], тиранившей макака в дни его юности. Свержение стареющего тирана всегда очень драматическое, даже трагическое событие, особенно у волков и упряжных собак; Джек Лондон наблюдал это и красочно описал в своих арктических новеллах.

Споры из-за места на общественной лестнице в галочьей колонии существенным образом отличаются от разногласия на птичьем дворе, где несчастные золушки из низов влачат поистине жалкое существование. В каждом искусственном сборище животных, мало склонных к социальному образу жизни, особь, занимающая самое низкое положение, будет жестоко я беспощадно третироваться всеми и каждым в отдельности. Часто все это заходит настолько далеко, что жалкая жертва, задираемая со всех сторон, не может передохнуть, всегда недоедает и, если не вмешается хозяин, может окончательно зачахнуть. У галок картина совершенно противоположная: особи, занимающие в колонии самое высокое положение, особенно сам деспот, не проявляют агрессивности в отношении птиц, стоящих много ниже их; они испытывают постоянное раздражение лишь к своим непосредственным подчинённым. Сказанное особенно касается деспота и претендента на трон — птиц номер один и номер два. Подобное поведение может поставить в тупик поверхностного наблюдателя. Одна галка сидит на общей кормушке, вторая приближается внушительной походкой, в позе самовосхваления, с гордо поднятой головой; первая птица слегка отодвигается в сторону, однако не позволяет привести себя в замешательство. В это время появляется третья галка, её поза гораздо более скромна; неожиданно первая птица обращается в бегство, а вторая, напротив, принимает угрожающую позу, взъерошивая оперение спины, нападает на пришельца и прогоняет его прочь. А вот объяснение: последний пришелец занимает на общественной лестнице промежуточное положение между двумя другими — достаточно выше первого, чтобы испугать его, и немного ниже второго, как раз настолько, чтобы возбудить его гнев. Галки самой высокой касты весьма снисходительны к себе подобным, занимающим низшее положение, и рассматривают их не более как песок у своих ног; акт самовосхваления со стороны первого пришельца есть чистая формальность. Только при слишком тесном сближении доминирующая[70] птица принимает угрожающую позу, а нападает вообще крайне редко.

Степень враждебности высокопоставленных особей по отношению к нижестоящим собратьям прямо пропорциональна положению последних; интересно заметить, что это, в сущности, несложное поведение приводит к беспристрастному урегулированию столкновений между отдельными особями в колонии. Телодвижения, выражающие гнев, и жесты атаки могут возбуждать не только тех, кому они адресованы. Я сам, слыша перебранку двух пассажиров в переполненном трамвае, заставляю себя подавить почти

---

68 Свинообразный макак (Nemestrinus nemestrinus) — обезьяна, обитающая в Индокитае и на Зондских островах. Туземцы часто дрессируют это животное, обучая его срывать плоды кокосовой пальмы.

69 Яванская обезьяна (Pithecus fascicularis) — населяет всю Юго-Восточную Азию. Часто содержится в неволе и при этом нередко спаривается с близкими видами, давая здоровое и жизнеспособное потомство.

70 Доминирующая особь — животное, которое в сообществе занимает высокое положение на иерархической лестнице.

неудержимое желание надавать звонких пощёчин обеим сторонам. Высокопоставленные галки, очевидно, испытывают такие же эмоции, но поскольку их ни в какой мере не останавливает отвращение к публичным скандалам, они и вмешиваются весьма энергично в ссору подчинённых в тот момент, когда их аргументация становится слишком пылкой. Третейский судья всегда более агрессивен к вышестоящему из двух первоначальных бойцов. Таким образом, галки высшей касты, в особенности сам деспот, постоянно действуют по рыцарскому принципу: там, где идёт неравная битва, всегда становиться на сторону слабого. Поскольку большая часть ссор происходит главным образом из-за мест для гнезда (почти во всех других случаях более слабые галки ретируются без борьбы), такое пристрастие сильных самцов обеспечивает активную защиту гнёзд слабых членов колонии.

Общественный порядок в галочьей колонии, однажды установившись, в дальнейшем поддерживается гораздо более добросовестно, чем он может поддерживаться среди кур, собак или обезьян. Мне никогда не приходилось замечать стихийной перетасовки, которая произошла бы без вмешательства извне и была бы обусловлена недовольством одной из низших каст. Только однажды я был свидетелем свержения тирана, дотоле правившего в моей колонии, — самца по имени Золотисто-зелёный. Переворот произвёл возвратившийся странник, который за время своего долгого отсутствия потерял уважение к своему правителю и добился его поражения в первой же схватке. Завоеватель, Дважды-алюминиевый (он получил своё странное имя по двум алюминиевым кольцам, надетым на его обе лапки), появился осенью 1931 года после отсутствия, длившегося все лето. Он вернулся домой сильный духом, возбуждённый своим путешествием и сразу же покорил прежнего самодержца. Его победа была замечательной по двум причинам: во-первых, Дважды-алюминиевый не был женат и, таким образом, сражался один против старого правителя и его супруги; во-вторых, победителю было только полтора года от роду, тогда как Золотисто-зелёный и его жена были из тех первых четырнадцати галок, с которыми я основывал поселение ещё в 1927 году.

Ситуация, в которой моё внимание было привлечено к этой революции, была совершенно необычна. Однажды я увидел, к своему изумлению, как на кормушке маленькая хрупкая самка, занимающая низкое положение на общественной лестнице, подходит бочком совсем вплотную к спокойно кормящемуся Золотисто-зелёному и, словно вдохновляемая какой-то невидимой силой, вдруг принимает позу самовосхваления, в то время как крупный самец тихо и без сопротивления уступает ей своё место. Вслед за этим я заметил недавно вернувшегося героя, который на моих глазах занял место Золотисто-зелёного. Сначала я подумал, что свергнутый деспот под влиянием своего недавнего поражения настолько подавлен, что позволяет запугивать себя другим членам колонии, в том числе и упомянутой самке. Однако это предположение оказалось ложным: только что Дважды-алюминиевый победил Золотисто-зелёного, и тот навсегда остался вторым по старшинству. Что же касается Дважды-алюминиевого, то он, вернувшись домой, влюбился в молодую самку, и они были публично помолвлены в течение двух дней! Поскольку у галок супруги всегда преданно и смело поддерживают друг друга во всех конфликтах, а в семье не существует «порядка кормления», то они автоматически получают равные права и во всех столкновениях с другими членами колонии. Таким образом, жена по необходимости, поднимается до положения своего мужа. Сказанное не остаётся в силе для противоположной ситуации — нерушимый закон гласит, что самец может взять в жены лишь такую самку, которая стоит ниже его на общественной лестнице.

Необычайным во всем этом является не сам факт повышения «в звании», а удивительная быстрота, с которой распространилась весть о том, что маленькая самочка, дотоле третируемая восьмьюдесятью процентами членов колонии, стала «супругой президента», я отныне самое неприятное, что ждёт её, — это неодобрительные взгляды других галок. Но ещё более любопытно то обстоятельство, что птица, повысившаяся в звании, знает о своём продвижении! Если животное становится робким и опасливым после своих неудач — за это ему немного чести; но понимать, что опасности миновали, и встретить

эту перемену с соответствующим случаю запасом оптимизма — здесь есть над чем задуматься. Лебедь-деспот правит на своём пруду по таким тираническим законам, что ни один из его собратьев, за исключением собственной супруги, вообще не рискует войти в воду. Вы можете поймать жестокого тирана и унести его прочь на глазах у остальных лебедей, ожидая, что они вздохнут с облегчением и сразу же отправятся поплавать — ведь они так долго были лишены этого. Ничего подобного! Пройдёт несколько дней, прежде чем одна из этих запуганных птиц настолько наберётся храбрости, что позволит себе скромно поплавать около самого берега. И ещё долгое время никто из них не отважится выплыть на середину пруда.

Наша маленькая галочка уже по прошествии сорока восьми часов знала, что она может себе позволить, и мне неприятно говорить, насколько она стала пользоваться своими новыми правами. Птица эта совершенно лишена была той благородной, можно сказать, великолепной терпимости, которую галки высших каст проявляют к нижестоящим. Она пользовалась каждым удобным случаем, чтобы унизить своих недавних сюзеренов; она не довольствовалась принятием важных поз, как это делают высокопоставленные галки, издавна занимающие привилегированное положение. Нет, у неё всегда был наготове действенный и злобный план нападения. Одним словом, наша галка вела себя крайне вульгарно.

Вы считаете, что я очеловечиваю животное? Вероятно, вам неизвестно одно обстоятельство: те элементы нашего поведения, которые мы привыкли называть человеческими слабостями, в действительности почти всегда являются свойствами предчеловеческими, иными словами — общими для нас и для высших животных. Поверьте мне, я не приписываю по ошибке человеческие свойства животным: как раз наоборот, я демонстрирую то огромное наследство, которое мы получили от животных и которое живёт в нас по сей день. И если я говорю прямо, что молодой самец влюбился в галочку-самку, то тем самым не облекаю животных в человеческие одежды, напротив, я вскрываю остатки инстинктивного поведения у человека, полученные нами от животных. И если вы не согласны со мной в этом пункте и отрицаете, что любовь есть древняя сила инстинкта, то я лишь могу предположить, что вы сами не способны пасть жертвой страсти.

«Влюбиться» — подумайте, как это странно! В этом слове сущность физического процесса выражена с реалистической решительностью: словно раздался громкий удар — и вы уже любите! Было бы трудно придумать более подходящий символ. И в этом плане многие высокоорганизованные млекопитающие и птицы ведут себя подобно человеку. У галок «Великая Любовь» очень часто вспыхивает совершенно неожиданно, в течение одного-двух дней, точно так же, как у людей — при первой встрече. Как сказал Марлоу[71]:

Причин не знаем. Ясно лишь для нас —
Любовь проходит сквозь цензуру глаз,
Рассудочность не зажигает кровь.
Не вечно ль первый взгляд родит любовь?

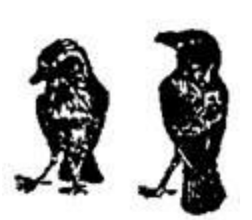
Пресловутая любовь с первого взгляда играет большую роль в жизни диких гусей и галок — это подчас производит глубокое впечатление на наблюдателя. Мне известно несколько случаев, когда любовное согласие достигалось при первом знакомстве. Дальнейшее присутствие любимого при подобных эмоциональных состояниях не столь необходимо для поддержания привязанности, как могло бы показаться с первого взгляда. Более того, это может оказаться невыгодным. При любых обстоятельствах временное расставание может сохранить нечто, что разрушается годами близости. Наблюдая диких

[71] Марлоу Кристофер (1564-1593) — выдающийся английский драматург. Его перу принадлежат «Трагическая история Доктора Фауста», драма «Эдуард» и др.

гусей, я неоднократно замечал, что помолвка заключалась в тот момент, когда двое очень близких друзей вновь встречались после весьма длительной разлуки. Даже я сам бывал тронут этим, в сущности, совершенно типичным явлением. Однако это совсем другая история.

Многие из моих читателей, особенно те, которые немного знакомы с психологией, критически приподнимут брови при слове «помолвка»: они привыкли рассматривать животных в той или иной мере как грубую скотину и считают, что любовь и брак у этих созданий базируется на мотивах гораздо более плотских, нежели у человека. Это совершенно несправедливо в отношении тех животных, в жизни которых любовь и брак играют важную роль. У тех немногих птиц, брачные узы которых достаточно длительны и чьё поведение в этом плане исследовано чрезвычайно детально, помолвка отделена от момента физической близости весьма длительным периодом времени. Напротив, у видов, сочетающихся браком лишь для того, чтобы воспитать один выводок (например, у многих певчих птиц, цапель и других), время помолвки по необходимости короче. Что же касается тех, которые соединяются на всю жизнь, то они оказываются «помолвленными» задолго до вступления в брак.

Среди мелких птиц рекорд по длительности времени помолвки принадлежит усатым синицам, которым мои друзья Отто и Лили Кёниг посвятили годы наблюдений и одну из своих замечательных книг. Эти существа — я имею в виду синиц, а не Кенигов — заключают помолвку, как это ни странно, ещё тогда, когда одеты в свой детский наряд, до первой линьки — в возрасте одного-двух месяцев, то есть за девять месяцев до того, как они достигнут половой зрелости и смогут впервые вступить в брак. Для знатока в этом есть нечто совершенно замечательное. Уникальные церемонии, особенно брачное поведение самца, имеют целью продемонстрировать перед партнёром замечательные особенности окончательного наряда[72], прежде всего — чёрные бакенбарды и нижние кроющие перья хвоста цвета чёрного дерева. Маленький кавалер выставляет напоказ эти участки оперения, невзирая на то, что последние приобретут свою бросающуюся в глаза окраску не ранее, чем два месяца спустя. Конечно, он не знает, каков его вид — его врождённые, инстинктивные движения рассчитаны только на окончательный наряд половозрелой птицы. Иное дело — осенние помолвки благородных уток. Селезень в это время также не способен к размножению, как и юная усатая синица, но уже щеголяет в парадном платье, которое не снимет до весны, когда наступит время любви.

Галки, как и дикие гуси, заключают помолвки весной, на следующий год после своего рождения; у обоих этих видов половая зрелость достигается лишь двенадцать месяцев спустя. Таким образом, обычное время помолвки равняется целому году. Ухаживание самца за самкой у галок в том отношении сходно с подобным же поведением гусака или юноши, что ни один из этих видов не обладает специальными внешними качествами для облегчения своей задачи; они не могут продемонстрировать великолепие своего хвоста, как это делает павлин, не могут, подобно воспетому Шелли[73] жаворонку, излить «переполненное сердце в

---

[72] Окончательный наряд — оперение, которое приходит на смену юношескому или промежуточному наряду. Многие птицы надевают окончательный наряд к началу первого сезона размножения, но некоторые способны размножаться езде в промежуточном наряде.

[73] Шелли Перси Биши (1792-1827) — великий английский поэт, представитель революционного романтизма

щедром потоке своего непосредственного искусства». Галочий «жених» способен представить себя в наилучшем свете и без всех этих аксессуаров. И делает он это удивительно по-человечьи. Юный самец галки пыжится, надувается — он демонстрирует избыток бьющей через край энергии (точно так же ведёт себя самец серого гуся). Подчёркнуто замедленные движения, вытянутая шея и горделиво поднятая голова — в таком виде самец демонстрирует себя перед собратьями. Он задирает других галок, если только «она», его суженая, удостоит его взглядом, и ввязывается в конфликты со своими сюзеренами, которым в другое время оказывает всяческое уважение.

И наконец, он пытается прельстить свою возлюбленную тем, что у него уже готово место для будущего гнезда. Это какое-нибудь отверстие, от которого самец прогоняет всех других галок независимо от их положения в обществе, где, не переставая, издаёт свой окологнездовой крик — высокое, резкое «цик, цик, цик». Эта церемония приглашения к гнезду в данный момент абсолютно символична. Сейчас не имеет никакого значения — действительно ли пригодно отверстие для устройства гнезда. Домовой воробей воспринимает подобную же церемонию гораздо серьёзней: самец только тогда начинает подумывать о женитьбе, когда им найдено и отвоёвано отверстие, которое он считает вполне пригодным местом для гнезда, именно по этой причине здесь постоянно происходят дикие ссоры между самцами. Что же касается галок, то у них для этой церемонии вполне пригоден какой-нибудь тёмный угол или маленькое отверстие, слишком узкое, чтобы в него можно было втиснуться. Тот самый самец, который старался натолкать дождевых червей мне в ухо, любил издавать своё «циканье», сидя на краю очень маленького горшка для содержания мучных червей. Наши галки, жившие на свободе, пользовались для той же цели верхним отверстием каминной трубы. Хотя они редко гнездились здесь, с наступлением весны их приглушённое циканье можно было слышать, не выходя из жилых комнат.

Все эти различные формы саморекламы токующий самец адресует одной совершенно определённой самке. Но откуда она узнает, что эти действия совершаются ради неё? Только при помощи «языка взглядов». Как сказал Байрон в своём «Дон-Жуане»:

В мгновенном взгляде длительный ответ
Красноречив, когда в нём страсти свет.

Сделав предложение, самец постоянно бросает взгляды в сторону возлюбленной, но сразу же прекращает свои усилия, если она улетает прочь.

Обмен красноречивыми взглядами необычайно комичен, и в этой игре самец и самка ведут себя по-разному. Если первый старается заглянуть пламенным взором прямо в глаза подруги, то она, как может показаться, смотрит куда угодно, только не на своего пылкого поклонника. На самом деле самка, несомненно, все время наблюдает за ним, и тех мимолётных взглядов, которые она бросает в сторону кавалера, ей вполне достаточно, чтобы понять, что цель всех этих ужимок самца — вызвать её восхищение. Вполне достаточно, чтобы «он» знал, что «она» все знает. Если же она не заинтересована искренне и совсем не смотрит в его сторону, наш юный самец сразу же сознаёт тщету своих усилий и остывает быстро, как сделал бы на его месте всякий молодой парень. Настойчивому обожателю, который теперь уже вышагивает во всем своём великолепии, молодая леди даёт, наконец, своё согласие — она приседает перед ним и особым образом трепещет крыльями и хвостом. Эти движения партнёров символизируют собой ритуальное свадебное соглашение, но не приводят к окончательному соединению — они не более, чем церемония приветствия. Замужняя самочка приветствует супруга точно так же, независимо от того, происходит ли дело в брачный сезон или в другое время. Чисто сексуальный смысл, который эта церемония имела первоначально в эволюции вида, сейчас уже окончательно утрачен. Теперь этот

Его драма «Освобождённый Прометей» является, по мнению М. Горького, одним из величайших памятников мировой литературы.

ритуал есть лишь знак преданной покорности жены своему мужу. Он почти полностью соответствует по смыслу «символическому подчинению» у рыб. С того момента, когда невеста признала превосходство своего кавалера, она становится самоуверенной и агрессивной по отношению ко всем другим членам колонии. Для самки обручение влечёт за собой повышение. Будучи, как правило, меньше и слабее самца, она вынуждена занимать и гораздо более низкое положение на общественной лестнице до тех пор, пока остаётся в девичестве.

Помолвленная пара формирует надёжный оборонительный союз — каждый партнёр преданнейшим образом поддерживает другого. И это весьма существенно, ибо супруги должны вступить в борьбу с более старыми и высокопоставленными парами, чтобы отвоевать себе подходящую нишу для устройства гнезда и удержать её за собой. Пленительно выглядит эта военная любовь. Неизменно пребывая в позах наивысшего самовосхваления, редко отлучаясь даже на расстояние ярда друг от друга, наша чета совершает свой жизненный путь. Очевидно, что они страшно горды друг другом, когда внушительно выступают бок о бок, взъерошив оперение головы и тем самым подчёркивая контраст между бархатно-чёрной шапочкой и блестящей, серебристо-серой шейкой. Поистине поучительна взаимная привязанность этих детей природы. Когда самец находит какое-либо лакомство, он неизменно приносит его своей невесте, а та принимает подарок в трогательной просительной позе, одновременно произнося заунывные звуки, столь характерные для совсем юного галчонка. Действительно, любовный шёпот нашей парочки состоит главным образом из птенцового щебетания, которое приберегается взрослыми галками специально для таких случаев. И снова — как это поразительно по-человечески! Ведь и мы сами, пытаясь выразить сердечную привязанность, обычно прибегаем к впечатлениям детства — или вы не замечали, что почти все прозвища, которые мы изобретаем, чтобы излить свою нежность, оказываются уменьшительными именами?

Этот обычай самца кормить свою подругу имеет для нас особое очарование, поскольку непосредственно взывает к человеческим понятиям морали и этики. Столь же притягательна и близка нам постоянная нежность самки по отношению к своему кавалеру. Дело в том, что она время от времени чистит те участки оперения супруга, которые он сам не в состоянии достать клювом. Этот взаимный уход за «одеянием» друг друга, столь характерный для многих социальных видов птиц, представляет собой товарищескую обязанность и лишён каких-либо скрытых эротических мотивов. Но я не знаю других животных, которые вкладывали бы в эту несложную операцию столько душевной привязанности, как истомлённая любовью молодая галочка. Минуту за минутой — а это очень много для этих существ, подвижных, как шарики ртути, — самочка перебирает клювом прекрасные, длинные шелковистые пёрышки на шее супруга, а он, чувственно полузакрыв глаза, подставляет подруге свой серебристый загривок. Даже пресловутые голуби или неразлучники не проявляют столько нежности в своей супружеской любви, как эти будничные врановые. Что более всего располагает к себе в их отношениях — это усиление взаимной привязанности, которая становится прочнее с годами, вместо того чтобы сходить на нет. Галки относятся к числу долго живущих птиц, они достигают почти такого же предельного возраста, как человек (даже мелкие пернатые, такие, как славки или канарейки, живут почти до двадцати лет, и даже в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет ещё способны размножаться). Как уже упоминалось, галки заключают помолвку на первом году жизни, а в брак вступают на втором, так что их супружеский союз существует длительное время,

возможно, даже более длительное, чем у человека. Но и спустя много лет самец продолжает кормить свою самочку все с той же трогательной заботой и обращается к ней с теми же низкими любовными нотками, дрожащими от переполняющих его чувств, с теми самыми, которые он нашёптывал ей в первую весну их жизни, в весну их помолвки. А ведь есть другие животные, которые могут подолгу жить в брачном союзе, но пылающий огонь первого года любви у них постепенно гаснет и уступает место холодной привычке. Трепещущее колдовство любовных фраз улетучивается вместе с убегающими годами, и неё дальнейшее совместное существование определяется лишь хлопотами супружеской и семейной жизни, преодолеваемыми с тем же механическим безразличием, с каким совершаются все прочие повседневные дела.

Я был свидетелем многих галочьих обручений, и многие браки проходили перед моими глазами, но лишь одна пара распалась, да и то в ранний период, ещё во время помолвки. Причиной этой неурядицы явилась одна юная леди по имени Лево-зелёная, птица необычайно живого темперамента, чей любовный роман с его счастливым концом явился прямой противоположностью трагической истории серой гусыни Мэйди, о которой я расскажу в другой книге. Ранней весной 1928 года — в первую брачную пору моих четырнадцати старожилов — царствующий деспот Золотисто-зелёный обручился с Красно-золотой, которая, вероятно, действительно была прекраснейшей из всех избранниц. Будь я галкой, я, наверно, и сам предпочёл бы её всем остальным. Второй самец колонии, Сине-золотой, тоже сделал ей официальное предложение, но вскоре оставил надежду и обручился с Право-красной — довольно крупной самкой весьма крепкого сложения. Эта помолвка привела к тихой и, вероятно, довольно вялой привязанности, далеко не столь волнующей, как «великая любовь» Золотисто-зелёного и Красно-золотой.

В это время, в начале апреля, Лево-зелёная ещё и не думала о юношах, ибо пробуждение половой активности у годовалых галок может наступить не одновременно. Только в начале мая Лево-зелёная появилась на сцене, и её дебют был столь же импульсивным, сколь и неожиданным. Когда она попадалась мне на глаза прежде, то была маленькой и занимала низкое положение на иерархической лестнице. С человеческой точки зрения она казалась не такой хорошенькой, как Право-красная, не говоря уже о Красно-золотой. Но было в ней что-то такое… Она влюбилась в Сине-золотого, и любовь её оказалась гораздо более пылкой, чем та, что могла дать своему супругу Право-красная. И вот — я нарушу логический ход изложения и несколько забегу вперёд — Лево-зелёная в конце концов вытеснила свою более сильную и красивую соперницу.

Следующая сцена, разыгравшаяся перед моими глазами, послужила предвестником надвигающейся любовной драмы. Сине-золотой мирно восседал на открытой дверце вольеры и милостиво позволял Право-красной, сидевшей по левую сторону от него, перебирать его шейное оперение. Внезапно на ту же дверцу опустилась Лево-зелёная и, никем не замеченная, остановилась примерно в ярде от нашей четы, бросая на любовников напряжённые взгляды. Вслед за этим она медленно и осторожно бочком подкралась вплотную к Сине-золотому. Приняв необходимые меры предосторожности, ежеминутно готовая взлететь, она вытянула шею и принялась ласкать шелковистое оперение самца. Сине-золотой, непринуждённо сидящий с закрытыми от удовольствия глазами, не замечал, что две дамы с разных сторон совершают его туалет. Право-красная тоже не подозревала о присутствии соперницы, поскольку между двумя самками находилась внушительная фигура Сине-золотого, который распушил все свои перья и от этого казался ещё более крупным.

Такая напряжённая ситуация продолжалась несколько минут. Но вот самец случайно приоткрыл правый глаз, увидел чужую самку, сидящую вплотную к нему, и в неистовств ударил её клювом. И в ту же секунду Право-красная увидела Лево-зелёную, ибо как только разъярённый самец изменил положение своего тела, он перестал заслонять собой маленькую самозванку. Право-красная одним скачком перемахнула через своего супруга и с лютой ненавистью кинулась на соперницу. И в этот момент я начал подозревать, что невеста, не в пример мне, уже была хорошо осведомлена о серьёзности намерений маленькой Лево-зелёной. Очевидно, Право-красная полностью оценила всю остроту ситуации. Никогда больше я не видел, чтобы одна галка преследовала другую с такой неприкрытой яростью. Нападение оказалось безуспешным. Маленькая и более подвижная Лево-зелёная превосходила Право-красную в искусстве пилотажа. Когда Право-красная отчаялась догнать и наказать ненавистную соперницу, она опустилась около своего наречённого, едва переводя дух. Напротив, Лево-зелёная, явившаяся в ту же минуту, казалась свежей и собранной. Это неравенство и решило исход дела.

В докучливом ухаживании Лево-зелёной было больше упорства, чем хитрости и утончённости. Она преследовала парочку день за днём, на земле и в воздухе, не давая им ни минуты передышки, однако держалась на расстоянии, достаточном, чтобы не провоцировать излишних ссор. Но как только наша чета уютно устраивалась где-нибудь в интимной близости, Лево-зелёная была тут как тут и терпеливо ждала той минуты, когда Право-красная начнёт причёсывать голову своего возлюбленного.

Вода точит камень. Постепенно Право-красная стала менее свирепо третировать соперницу. Сине-золотой перестал протестовать против того, что за ним ухаживают две самочки, и однажды я заметил, что дело приняло другой оборот. Самец сидел неподвижно, предоставив Право-красной ласкать свой затылок. С другой стороны Лево-зелёная занималась тем же. Внезапно, по неизвестной причине, Право-красная прервала своё занятие и улетела. Могучий самец приоткрыл глаз и обнаружил около себя одну только Лево-зелёную. Вы думаете он клюнул её или прогнал прочь! Ничуть не бывало! Задумчиво отвернувшись, он неторопливо подставил оставшейся самочке свой загривок. Потом он снова закрыл глаза.

С тех пор Лево-зелёная стала быстро приобретать расположение самца. Спустя несколько дней он уже регулярно с нежностью кормил её, разумеется, когда рядом не было Право красной. Не то чтобы он сознательно делал это за спиной законной подруги — думая так, мы бы переоценили умственные способности галок. Право-красная получала от самца различные деликатесы, когда находилась рядом, но когда её не было, лакомая порция доставалась другой. Мой друг А. Ф. Фж. Портье наблюдал сходное поведение у лебедя-шипуна. Старый самец свирепо изгнал незнакомую самку, которая предложила ему свою любовь, слишком близко подплыв к его гнезду, где насиживала яйца законная супруга. В тот

же день лебедь встретил ту же самочку на другом конце озера, вдали от гнезда и от жены, и уступил искушению без дальнейших осложнений. Здесь можно обнаружить параллель с человеческими взаимоотношениями, но снова наше заключение будет ошибочным. Находясь в окрестностях своего гнезда, лебедь почти всецело поглощён заботами об охране территории — здесь он считает агрессором любую постороннюю особь своего вида, будь то самец или самка. За пределами гнездовой территории, откуда самец должен выставить каждого нарушителя границы, он не столь предубеждён и поэтому способен среди вновь появляющихся незнакомцев узнать желанную самочку.

Чем больше Лево-зелёная убеждалась в благосклонности самца, тем нахальнее она вела себя по отношению к Право-красной. Она уже не спасалась бегством от соперницы, и между двумя самками иногда возникали поединки. Странным было поведение самца в этой двусмысленной ситуации. Если обычно Сине-золотой смело защищал супругу, когда она ссорилась с другими членами колонии, то здесь он, по-видимому, вступал в противоречие с самим собой. Он пытался угрожать Лево-зелёной, но никогда не предпринимал в отношении её более активных действий. Как-то я видел, как Сине-золотой принял подобие угрожающей позы и перед Право-красной. Одним словом, его сдержанность и замешательство перед лицом столь сложной ситуации часто казались совершенно очевидными.

Конец этого романа был неожиданным и драматичным. В один прекрасный день Сине-золотой исчез, а вместе с ним и Лево-зелёная. Трудно поверить, что две зрелые и опытные птицы одновременно явились жертвой несчастного случая. Несомненно, что они улетели вместе. Эмоциональный конфликт столь же мучителен для животных, как и для человека, об этом я расскажу позже. И я не могу отказаться от предположения, что именно противоречивость чувств заставила Сине-золотого оставить колонию.

Я не думаю, чтобы инциденты такого рода случались между старыми, уже гнездившимися супругами, и мне неизвестно, чтобы подобные вещи происходили ещё когда-либо. Все размножавшиеся галки, за которыми я наблюдал достаточно длительное время, до самой смерти оставались верны своему супружескому долгу. Тем не менее и вдовы и вдовцы без колебаний вступают в новый брак, как только представится возможность к этому. Надо сказать, что это нелёгкое дело для старой самки, занимающей высокое общественное положение. Что касается серых гусей, то они никогда не женятся и не выходят замуж вторично, но об этом будет рассказано в книге, специально посвящённой этим птицам.

Галки приобретают способность размножаться на втором году жизни. Возможно, они созревают уже осенью второго года, сразу же после первой полной линьки, в ходе которой сменяется не только мелкое оперение тела, но и обновляются все крупные перья крыльев и хвоста, Как только закончилась линька, и наступили ясные осенние деньки, у галок, очевидно, начинается пробуждение половой активности. Особенно склонны они в это время разыскивать пустоты, пригодные для устройства гнёзд. Со всех сторон раздаётся непрерывное «зик, зик, зик…» С наступлением холодной погоды осеннее половое возбуждение постепенно сходит на нет, переходит в скрытое состояние. Даже в тёплые зимние дни звуки непродолжительных концертов «циканья», устраиваемых галками, иногда доносятся в комнаты нижнего этажа через отверстия дымоходов. Б феврале и в марте — это уже серьёзное дело, и знакомое нам «зик, зик» слышится почти непрерывно на протяжении всего светлого времени суток.

В это же время часто можно видеть другую церемонию, которая представляет собой

наиболее интересное явление в общественной жизни галок. В последние дни марта, когда циканье достигает апогея, одна из ниш каменной стены внезапно становится сценой, с которой доносится концерт невиданно мощного звучания. Тембр выкриков меняется, они становятся глубже, полнее и звучат теперь как «уип, уип, уип» в убыстряющемся стаккато, которое к концу строфы достигает безумного напряжения. Одновременно со всех сторон к этой нише слетаются возбуждённые галки. Они взъерошивают оперение и, приняв великолепные позы устрашения, присоединяются к общему концерту.

Что же все это значит? Потребовалось много времени, прежде чем мне удалось понять смысл происходящего. Оказывается, перед нами не более и не менее как выступление общественного мнения против зарвавшегося нарушителя! Чтобы окончательно понять сущность этих сугубо инстинктивных коллективных действий, мы должны глубже заглянуть в будни нашей колонии.

Надо сказать, что напасть на галку, пикающую возле избранного ею отверстия, совсем нелегко, поскольку агрессор неизменно окажется в невыгодном положении. Своему сопернику галка может угрожать двумя способами, которые столь же различны по форме проявления, как и по смыслу, В том случае, когда ссора произошла на почве выяснения субординации, то есть, связана исключительно с вопросами общественного положения, соперники запугивают друг друга, вытянувшись в полный рост и плотно прижав оперение. Эта поза подчёркивает намерение взлетать вверх, а затем — на спину противника. Такой способ боя принят у петухов и встречается у многих других птиц: борцы взлетают, сцепляются в воздухе, ударяя друг друга когтями и клювами, они стремятся опрокинуть неприятеля и повалить его на спину.

Другая устрашающая поза прямо противоположна первой. Птица ныряющим движением низко опускает голову и шею, взъерошивает спинное оперение, которое образует очень курьёзную линию «кошачьей спины». Галка разворачивает хвост веером и резким движением загибает его в сторону соперника. Принимая первую позу, птица старается стать как можно выше, задача второй позы — сделаться по возможности более толстой и громоздкой. Первая поза означает: «Если ты не посторонишься, я нападу на тебя с воздуха»; смысл второй таков: «Там, где я сейчас нахожусь, я буду драться до конца, но не отступлю ни на дюйм!».

Когда высокопоставленная галка приближается к другой, занимающей не столь высокое общественное положение, с намерением прогнать последнюю с занятого ею места, стоит лишь собственнику территории принять угрожающую позу второго типа, как агрессор обычно ретируется. Только в том случае, если и сам нападающий имеет виды на этот участок, например, намеревается устроить здесь своё гнездо, он продолжает дальнейшие действия. Иными словами, он принимает точно такую же позу устрашения. Итак, обе птицы подолгу сидят, согнувшись в три погибели, плечом к плечу, наблюдая друг за другом с мрачной решимостью. Они не решаются вступить в драку, держась на первоначальном расстоянии и не меняя положения тел; противники пытаются нанести друг другу удар клювами. Усилия их полны энергии и ярости, но, в общем, не достигают цели. Лишь резкий выдох да громкое щёлканье клюва явственно слышатся при каждом очередном выпаде. Исход подобного поединка неизменно зависит от того, кто из соперников окажется более

упорным.

Поскольку церемония «циканья» неразрывно связана с угрожающей позой второго типа, птица просто неспособна произносить своё «цик, цик» или «уип, уип» в каком-либо ином положении. У галок, как и у всех прочих животных, которые тем или иным способом метят свою территорию, граница между владениями двух самцов определяется степенью их боевого задора. Около своего дома каждый владелец участка сражается намного свирепее, чем на чужой земле. Таким образом, галка, цикающая около своего законного отверстия в стене, с самого начала имеет явное преимущество перед любым захватчиком, и это первоначальное превосходство, как правило, значительно перекрывает всякое неравенство между членами колонии, будь то неравенство в силе или в общественном положении.

И, тем не менее, острая конкуренция из-за удобных мест гнездования порой приводит к тому, что очень сильная птица нападает на одну из самых слабых, нарушая границы её владений и безжалостно третируя собственника территории. Именно в таких случаях вступает в действие та самая «уип-реакция», о которой я уже упоминал, Циканье оскорблённого домовладельца постепенно усиливается, меняет свою тональность и звучит теперь как «уип, уип». Если жена собственника участка не присутствовала при нападении агрессора, она немедленно является и, взъерошив оперение, присоединяется к супругу, чтобы во всем повторять его поступки. Если все это не оказывает должного воздействия на нарушителя спокойствия и он не исчезает немедленно, случается нечто невероятное. Со всех сторон, из всех закоулков, находящихся в пределах слышимости, появляются галки я несутся к атакованному гнезду. Бее они громко выкрикивают своё «уип, уип», и наши зачинщики немедленно теряются в сплошной массе своих собратьев, которые в пароксизме ярости исполняют этот неистовый концерт — крещендо и фортиссимо всеобщего гама. Излив таким образом всё своё недовольство, птицы спустя некоторое время успокаиваются и оставляют место происшествия. Лишь собственник гнезда ещё некоторое время тихо цикает в дверях своего освобождённого жилища.

Когда возникает подобный галочий митинг, этого уже достаточно, чтобы остановить драку хотя бы по той самой причине, что агрессор и сам принимает посильное участие в общей шумихе. Наблюдателю, который наделяет птиц человеческими качествами, может показаться, что хитрый захватчик отводит от себя подозрение тем, что вместе со всеми вопит: «Держи вора!». В действительности же он волей-неволей вовлекается в общее настроение, кричит то же самое «уип, уип» и при этом даже не знает, что он сам и является причиной всей неурядицы. Вместе с другими галками агрессор поворачивается во все стороны, словно выискивая преступника, и делает это, как ни странно, абсолютно искренне.

Но в некоторых случаях, и довольно часто, мне приходилось видеть, что слетающиеся со всех сторон галки правильно определяли нарушителя порядка и основательно наказывали его, если он упорствовал в своих притязаниях. В 1928 году настоящим бичом колонии была дерзкая сорока, которую я вырастил вместе с галками. Сорока превосходит галку в боевом искусстве и, не будучи птицей общественной, не имеет тех тонких сдерживающих регуляторов, которые столь располагают к себе в поведении галок. Поэтому пернатый разбойник, совершенно лишённый всякого чувства приличия, вскоре стал в галочьей колонии столь же нежелательным элементом, как закоренелый преступник в цивилизованном человеческом обществе. Вновь и вновь этот пёстрый хулиган оказывался около гнездовой ниши одной или другой пары и становился подстрекателем нового негодующего выступления членов колонии. Хотя сорока не обладает способностью кричать

«уип, уип» (она неустрашимо преследует своего противника), тем не менее коллективные вылазки галок вскоре заставили её взяться за ум. На основании горького опыта сорока была научена держаться на расстоянии от галочьих гнёзд. Таким образом, несмотря на мои серьёзные опасения, яйца и птенцы оставались невредимыми.

В организации массовых выступлений всех членов колонии (будь то всеобщее «скрежетание» или «уип-реакция») наиболее важная роль принадлежит старым, сильным, высокопоставленным самцам. Они же гарантируют благоденствие колонии и в прочих тревожных ситуациях. Осенью 1929 года на поля по соседству с нашим домом опустилась огромная пролётная стая галок и грачей, состоявшая не менее чем из двухсот птиц. И вот все мои молодые галки, родившиеся в этом и в предыдущем году, безнадёжно перемешались с этими странствующими незнакомцами. Только несколько пожилых птиц осталось дома. Для меня происходящее было полнейшей катастрофой, и я мысленно видел, как весь мой двухлетний труд в буквальном смысле слова безвозвратно улетает прочь. Я слишком хорошо знал, сколь притягательна для молодых галок подобная мигрирующая стая. Зрелище мириад эбеново-чёрных крыльев зачаровывает юнцов и заставляет устремляться следом. Не будь в колонии Золотисто-зелёного и Сине-золотого, вся моя работа была бы пущена по ветру (или, скорее, против ветра, ибо галки предпочитают двигаться наперекор движению воздуха). Двое старых самцов, самые пожилые из всей колонии, не переставая, летали взад и вперёд между нашим домом и полем и совершили нечто столь невероятное, что я усомнился бы, стоит ли писать об этом, если бы сам и мои сотрудники не наблюдали тот же самый тип поведения впоследствии и не подтвердили бы его экспериментально.

Каждый из двух патриархов разыскивал в общей толпе какую-нибудь одну из наших молодых птиц и увлекал её к дому. Старая галка заставляла молодую подняться на крыло, прибегая к тому самому манёвру, который обычно используют галки-родители, когда хотят увести своих детёнышей с опасного места. Опытная птица устремляется к несмышлёнышу сзади, и, пролетая низко над ним, в этот самый момент быстро покачивает хвостом, который плотно сложен и движется несколько в сторону. Эта церемония с рефлекторной неизбежностью заставляет сидящую птицу взлететь и последовать за лидером. Когда эта первая часть программы выполнена, старый самец направляется в сторону дома, то и дело оглядываясь назад, чтобы удостовериться, следует ля за ним подопечный. Мы уже видели, как Джок в своё время прибегала к тому же манёвру.

В течение всей этой процедуры Золотисто-зелёный и Сине-золотой постепенно издавали выразительный призывный крик, который можно было легко отличить от обычного короткого и чистого позыва летящей галки. Сейчас он был более продолжителен и звучал печально и приглушённо. Если передавать обычную позывку, издаваемую птицей на лету, как высокое «кья, къя», то этот крик можно интерпретировать как «киав, киав». Я сразу отметил, что слышал этот голос и ранее, но лишь теперь его значение стало мне понятно.

Эти два старых самца работали с лихорадочной торопливостью. Даже прекрасно натренированная овчарка, которая отделяет своих овец от большого стада и отгоняет их в сторону, и то не могла бы проявить больше сноровки. Птицы трудились без отдыха вплоть до самых сумерек, когда другие галки уже давным-давно устроились на ночлег. Перед ними стояла нелёгкая задача, ибо когда им удавалось соблазнить несколько молодых птиц и увести их к дому, последние немедленно улетали и вновь присоединялись к стае, отдыхавшей посреди луга. Из каждых десяти галок, возвращение которых стоило стольких усилий, девять убегали вновь. Но поздним вечером, когда бродячая компания отправилась в свой дальнейший путь, я с глубоким вздохом облегчения обнаружил, что из всех моих многочисленных молодых птиц исчезли только две.

Побуждаемый этим эпизодом, я начал более тщательно вникать в смысловое различие между криками «кья» и «киав». Вскоре стало очевидным, что и тот и другой расшифровываются как: «Лети вместе со мной!». Но если первый означает приглашение лететь в любом неизвестном направлении, то второй указывает на намерение отправиться в сторону дома. Я и прежде замечал, что галки в пролётных стаях кричат иначе, нежели мои

собственные, — более звонко и пронзительно, но не находил этому объяснения. Вдали от дома, когда все узы с родиной временно порваны, птицы никогда не произносят своё «киав», но только лишь неизменное «кья». С этой точки зрения было бы интересно выяснить, раздаётся ли крик «киав» весной, когда пролётные галочьи стаи возвращаются домой, на места гнездования. Что же касается галок моей колонии, то их гомон всегда представлял собой смесь обеих позывок, ибо, постоянно живя около дома, птицы даже зимой сохраняют некоторую символическую связь с местами, где они размножались и где им предстояло гнездиться весной.

Несмотря на то, что этим крикам можно дать словесную интерпретацию: «Лети со мной!», они не являются сознательной командой, а служат лишь выражением определённого настроения птицы. Но эти совершенно непроизвольные выражения птичьих эмоций по своей природе весьма заразительны — в такой же степени, как человеческая зевота заразительна для окружающих. Именно взаимное влияние настроений отдельных индивидуумов обеспечивает в конечном счёте согласованность действий внутри галочьей стаи. Таким образом, в противоположность тем обитателям нашей планеты, действия которых предрешены властью самодержавного вождя, поведение птичьей стаи, стада млекопитающих или даже рыбьего косяка базируется на таких взаимоотношениях отдельных животных, которые чрезвычайно сходны с демократической системой голосования. Вот почему может показаться, что галки, принадлежащие к одной стае, иной раз демонстрируют прискорбную несогласованность своих действий. Иногда может пройти на удивление много времени, прежде чем все птицы в стае придут в одинаковое настроение. Это указывает на их полную неспособность принимать решения, — иными словами, сконцентрировать своё внимание на каком-то одном побуждении и сознательно подавить все остальные. Такая способность является привилегией человека и в гораздо меньшей степени — некоторых из наиболее высокоодарённых млекопитающих. Не удивительно, что человек и сам начинает нервничать, когда на протяжении получаса наблюдаемая им группа галок раздирается противоречивыми настроениями. Представьте себе стаю, сидящую посреди поля, в нескольких милях от дома. Галки сыты, они уже оставили поиски пищи, птицы скоро должны направиться к дому. «Скоро», естественно, в понимании самих галок, у которых представление о времени оказывается достаточно растяжимым. Наконец, несколько птиц, обычно самые старые и наиболее решительные, поднимаются в воз-дух с криком «киав», тем самым приглашая всю стаю лететь вместе с ними. Но лишь в тот момент, когда эти пионеры поднялись на крыло, становится очевидным, что многие другие галки пока ещё пребывают в «кья настроении». Начинается общий галдёж, одни кричат «кья», другие — «киав», стая летает кругами, иногда вновь приземляется, на этот раз, возможно, ещё дальше от дома, чем прежде. Все это повторяется дюжину раз, пока, наконец, фактор «киав» получает перевес, приобретает все большее и большее влияние и охватывает всю стаю со скоростью снежной лавины.

Этот крик «киав» и связанное с ним поведение играют колоссальную роль в поддержании целостности всей колонии. Я уже рассказывал, каким образом однажды был спасён от полного крушения своих планов. Позже подобная вещь повторилась, но на этот раз спасение пришло совершенно иным путём. Спустя несколько лет после основания галочьей колонии её постигла катастрофа, причины которой неясны для меня и по сей день. Чтобы избавиться от неизбежной потери птиц, склонных зимой совершать миграции, я в период с ноября по февраль держал своих галок в вольере под присмотром ассистента, который должен был наблюдать за ними. Сам же я в это время жил в Вене. И вот однажды все птицы исчезли! В сетке вольеры оказалась дырка — вероятно, её порвал сильный ветер; две галки были мертвы, а остальные пропали бесследно. Возможно, это было дело куницы, но я так и не выяснил причины несчастья. Если вы содержите свободно живущих животных, то должны быть готовы к такого рода неожиданностям; но эта потеря нанесла мне самую жестокую рану из всех, какие когда-либо подрывали мои неустанные усилия в воспитании питомцев. Однако нет худа без добра — именно эта неприятность позволила мне сделать наблюдения, которые при других обстоятельствах были бы невозможны. Полоса удач

началась спустя три дня после несчастья, когда неожиданно возвратилась одна из моих галок. Это была Красно-золотая, экс-королева, первая галка, которая вырастила и выходила птенцов в Альтенберге.

Одинокая птица редко решалась на длительную прогулку, она день-деньской сидела на флюгере и… пела! Пела, почти не переставая! Все певчие птицы, к числу которых принадлежат и врановые, склонны распевать неустанно в те периоды, когда находятся в одиночестве или не имеют возможности заниматься своими обычными делами, — иными словами, они поют «от скуки». Именно по этой причине комнатная птица, сидящая в своей клетке в одиночном заключении, поёт несравненно чаще, нежели её свободные собратья Вся та энергия, которая в других обстоятельствах была бы использована на сотню различных поступков, сейчас изливается в песне. В естественных условиях песня большинства певчих птиц служит также и другим целям — она провозглашает право поющего самца на занятую им территорию, а также ставит в известность самок, что они приглашаются во владения холостого самца. Поэтому одинокие самцы распевают громче и чаще, чем их счастливые соперники, уже соединившиеся с подругами. Поскольку самцов больше, чем самок, многие из них остаются холостяками, но, вероятно, это не слишком их огорчает. Вопреки мнению членов общества защиты животных от жестокого обращения, содержание в клетке одинокого соловья или щегла ради их песни не есть чрезмерный акт бессердечия, и не следует слишком серьёзно принимать следующие слова Блейка[74]:

Зарянка, в клетке грудью заалев,
Ввергает небеса в печаль и гнев…

Кобель-болонка на одном конце поводка и раздражённая пожилая леди — на другом — вот объект, несравненно более заслуживающий нашей жалости.

Что касается меня, то должен сознаться — непрерывное пение птицы, скучающей от одиночества в своей клетке, попросту действует мне на нервы. У меня в комнате стоит большая клетка, в которой живёт самец горихвостки вместе со своей подругой. Поёт он лишь изредка, но как раз сейчас, когда я пишу эти строки, наш кавалер исполняет перед дамой своего сердца великолепный брачный танец и доставляет мне этим несравненно большее удовольствие, чем какой-нибудь одинокий и многоречивый певец. Поскольку сидящая в одиночной клетке певчая птица не является страдальцем, то и песня её не есть выражение скорби и неисполненных желаний, как любят думать некоторые сентиментальные натуры.

Но Красно-золотая, одинокая галочка, была в самом деле грустна. И не будет попыткой очеловечить её, сказав, что она была душевно подавлена. Животные, страдающие от психической травмы, обычно молчаливы, но в этом случае (я не знаю другого подобного) птичья печаль находила выход в песне. Сама же песня была понятна даже людям, по крайней мере, тем немногим из них, которые понимают «по-галочьи».

У галок самцы и самки поют одинаково хорошо, и песня их представляет собой вольную импровизацию, состоящую из разнообразных нот — как врождённых, свойственных только галкам, так и звукоподражательных. Все это попурри сплетается в причудливый звуковой узор, который трудно назвать прекрасным, однако это вполне приятная и успокаивающая песенка. В галочьем напеве звукоподражание, или так называемое пересмешничество, не играет заметной роли. Оно далеко не столь совершенно, как у вороны или ворона. Тем не менее, если держать одиночную галку в неволе, её можно с успехом обучить имитировать некоторые человеческие слова.

Но самая любопытная особенность галочьей песни состоит в том, что птица как будто бы передразнивает себя. Все те различные крики, из которых состоит «язык» галочьего

---

[74] Блейк Уильям (1757-1827) — английский поэт и художник. Его перу принадлежат романтические поэмы «Французская революции*, „Европа“ и др. Иллюстрировал „Божественную комедию“ Данте

племени, вновь и вновь повторяются и перемежаются в этой песне. Все те позывки, с которыми мы уже познакомились, воспроизводятся распевающей галкой — «кья» и «киав», «цик, цик, цик» и «уип, уип», и даже резкое «скрежетание», которое обычно используется для вызволения товарища из беды. У всех других известных мне птиц звуки «со значением» или вообще не включаются в песню, или же вставляются лишь в единичных случаях. Пение же галки целиком состоит из таких криков!

Но самое поразительное заключается в том, что каждый определённый звук сопровождается соответствующими жестами. Издавая «скрежетание», певец нагибается и трепещет крыльями, как и в момент истинной «реакции скрежетания». Произнося своё «цик, цик» или «уип, уип», он принимает угрожающую позу. Иными словами, распевающая галка ведёт себя точно так же, как человек, с чувством декламирующий балладу. Он настолько поглощён своим чтением, что каждый отрывок рождает в душе определённые эмоции, которые невольно влекут за собой и соответствующую жестикуляцию.

Для человеческого уха эти многозначительные звуки, составляющие песню, кажутся неотличимыми от тех, которые птица произносит «всерьёз», в подходящих жизненных ситуациях. Как часто, услышав громкое скрежетание, я в страхе бросался к окну, боясь увидеть одну из моих птиц в когтях случайного хищника. И всякий раз оказывалось, что это декламирующая галка снова одурачила меня. Подобные случаи были постоянным источником удивления, поскольку они неизменно демонстрировали слепую и чисто рефлекторную сущность той реакции, которая используется для вызволения собрата, попавшего в беду.

И с другой стороны — сколько очарования таится в галочьих напевах, в тех многозначительных выкриках и в трогательной выразительности, сопровождающей их жестикуляции, для тех, кому знакома эмоциональность поведения этих разговорчивых птиц! Как прекрасны эти маленькие чёрные создания, когда они вдохновенно исполняют свои баллады, вызывающие в воображении волнующие картины и перипетии насыщенной событиями галочьей жизни!

Но песня одинокой Красно-золотой была поистине душераздирающей. Важно не то, как она пела, важно — что она пела. Вся её песня была переполнена обуревавшими её чувствами, вернее — одним-единственным желанием: чтобы вернулись домой те, кого она утратила. «Киав!» — пела она. — «Киав», — и опять — «Киав», с различными модуляциями, в разной тональности, со всеми переходами от нежнейшего пиано до самого безумного фортиссимо. Другие звуки лишь изредка слышались в этом скорбном напеве. «Вернитесь назад, о, вернитесь!». Иногда галка прерывала пение и летела в луга, чтобы обследовать окрестности в поисках Золотисто-зелёного и всех остальных. «Киав», — снова и снова кричала она, уже всерьёз.

С течением времени эти вспышки страстного ожидания становились реже, и Красно-золотая проводила всё своё время, сидя на флюгере нашей часовой башни и утешаясь тихими песенками. Птица оплакивала Золотисто-зелёного, свою утраченную любовь. «Подобно статуе Терпения, она сидела здесь, меланхолично и горько улыбаясь».

Вот так Красно-золотой удалось сохранить колонию. Не склонный к чрезмерной сентиментальности, я на этот раз поддался горю птицы. Непрекращающиеся стенания Красно-золотой, доносящиеся с чердачной крыши, побудили меня вырастить новую партию галчат, которые и дали начало возродившейся альтенбергской колонии. Ради этой страдалицы я воспитал четырех молодых галок и, как только они приобрели способность летать, посадил их в вольеру вместе с Красно-золотой.

То ли из-за моей торопливости, то ли потому, что я был поглощён другими заботами, но увы! — я не заметил нового большого отверстия в сетке садка. И прежде чем новички успели привыкнуть к обществу Красно-золотой, все четверо были таковы. Сбившись тесной группой и тщетно пытаясь найти лидера в своей среде — я уже рассказывал о подобных вещах, — они кружились над садом, поднимаясь все выше и выше, пока, наконец, не приземлились далеко от дома, на склоне холма, покрытом густыми буковыми зарослями.

Здесь я не смог бы найти галчат, а поскольку они ещё не были обучены отзываться на мой призыв, то я почти потерял надежду снова увидеть своих питомцев. Конечно, Красно-золотая могла бы вернуть их домой, прибегнув к спасительному «киав». Старые «консулы» обычно заботятся о молодых обитателях колонии, которым грозит опасность заблудиться. Но Красно-золотая не считала этих четырех юнцов членами колонии, поскольку находилась в их обществе всего лишь полдня. Таким образом, положение вещей представлялось мне в самом чёрном свете, когда внезапно на смену полнейшему отчаянию пришла блестящая идея.

Я вскарабкался на чердак и в следующее мгновение вылез на крышу, держа в руках огромный черно-жёлтый флаг, некогда развевавшийся над домом моего отца в дни празднования юбилеев последнего императора Франца-Иосифа I. И сейчас, стоя на коньке крыши и прислонившись к громоотводу, я неистово размахивал этим символом политического анахронизма.

В чем же состоял мой замысел? Я рассчитывал с помощью этого своеобразного «пугала» загнать Красно-золотую на такую высоту, чтобы четверо юнцов, сидящих в рощице, заметили её и подали голос. Тогда, думал я, старая птица, возможно, прибегнет к спасительной «киав-реакции» и тем самым сможет вернуть блудных детей домой. Красно-золотая была уже высоко, но, очевидно, не столь высоко, как того требовали обстоятельства. Я как сумасшедший размахивал императорским знаменем и издавал воинственные кличи краснокожих индейских племён. На деревенской улице начала собираться толпа.

Я решил отложить объяснение своих действий и продолжал эту странную манифестацию. Красно-золотая поднялась парой ярдов выше, и в этот момент галчата подали голос со склона холма. Я прекратил свою демонстрацию и, с трудом переводя дыхание, стал вглядываться в небо, где кружилась старая галка. В этот момент взмахи её крыльев стали энергичнее, птица продолжала подниматься ввысь и, наконец, взяла курс в сторону леса. «Киав, — закричала она, — киав, киав», «вернитесь, вернитесь назад!». Я с большой живостью скатал знамя и в мгновенье ока нырнул в чердачный люк.

Не прошло и десяти минут, как четверо лоботрясов были уже дома с Красно-золотой. С этого дня она следила за ними более заботливо и никогда не позволяла в одиночку отлучаться из дому. Эти пятеро галок стали тем ядром, из которого позже возродилась густонаселённая колония, И во главе её стояла старая самка — Красно-золотая.

Существенная разница в возрасте между этой птицей и другими членами колоний явилась причиной того, что Красно-золотая пользовалась большим авторитетом, чем все предыдущие деспоты. Превосходила она их и своей способностью поддерживать единство стаи. Красно-золотая заботливо оберегала молодых и нянчилась с ними так нежно, словно они заменяли ей собственных детей.

Казалось бы, поистине романтическое окончание биографии Красно-золотой: альтруистичная вдова посвятила остаток жизни поддержанию благосостояния стаи… Но в действительности, это ещё не заключительный аккорд. То, что произошло на самом деле, настолько невероятно и так похоже на придуманный «счастливый конец», что едва решаюсь рассказать о дальнейших событиях.

Случилось это через три года после катастрофы, постигшей колонию, в ветреное

ранневесеннее утро, когда солнечные лучи нежно касаются просыпающейся земли. Такие дни особенно благоприятны для птичьих перелётов — мигрирующие стаи ворон и галок одна за другой пересекали светлое небо. Внезапно какой-то бескрылый, торпедообразный снаряд отделился от одной такой стаи и, набирая скорость, устремился вниз, словно ныряя в воздушную пучину. Как раз над нашей крышей он замедлил падение, изящным манёвром изменил направление полёта и невесомо опустился на флюгер.

Это была крупная красивая галка, с блестяще-чёрными, отливающими синевой крыльями и сверкающим серебристым затылком, казавшимся почти белым. И королева Красно-золотая, эта бессменная управительница колонии, подчинилась пришельцу без единого жеста неудовольствия. Императорствующая дама сразу преобразилась в робкую покорную девушку. Она задёргала хвостом и затрепетала крыльями именно так, как это делает застенчивая галочка-невеста. Уже через час после появления незнакомца эти двое были едины во всех своих поступках и желаниях. Они вели себя в точности, как давнишняя супружеская пара.

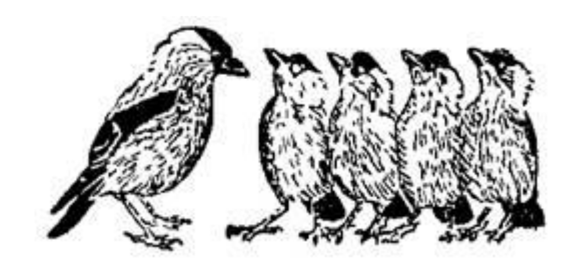
Интересно, что этот крупный самец практически не встретил оппозиции со стороны других галок колонии. Признание его первенства прежней правительницей колонии, казалось, сразу же характеризовало его в глазах всех прочих галок как птицу «Номер Один».

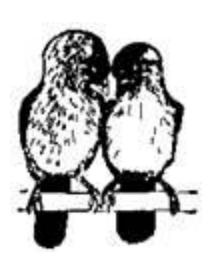
В моем распоряжении нет неопровержимых научных доказательств в пользу того, что этот великолепный самец был не кто иной, как Золотисто-зелёный, пропавший супруг Красно-золотой. Окрашенные целлулоидные колечки могли сломаться. И Красно-золотая уже давно потеряла своё кольцо. Так или иначе, пришелец, без сомнения, был членом первоначальной колонии. Об этом свидетельствовала его доверчивость к людям и та готовность, с которой он залетал внутрь чердака. Дикие галки, присоединяющиеся к колонии, всегда вели себя совершенно иначе. Эта птица, безусловно, была одним из четырех-пяти старейших «консулов» прежней колонии. Что до меня, то я верю, по крайней мере очень хочу верить, что наш незнакомец был именно Золотисто-зелёный.

Воссоединившаяся парочка в дальнейшем дала жизнь не одному выводку многообещающих юных галок. И сегодня в Альтенберге галок больше, чем ниш, удобных для их гнездования. Птицы живут в каждом отверстии стены, в каждой каминной трубе.

Задолго до начала последней войны мой отец писал в своей автобиографии: «Стаи этих птиц летают, особенно в вечерние часы, вокруг высоких фронтонов, перекликаясь своими пронзительными криками. Иногда я просто убеждён, что понимаю их: постоянные квартиранты, верные вашему дому, мы будем жить в этом орлином гнезде, доколе один камень держится на другом, предоставляя нам убежище и защиту».

Постоянные квартиранты! Возможно, именно благодаря этому постоянству галки заняли своё место в наших сердцах. Когда осенью и даже в мягкие зимы слышатся их весенние песни, когда они затевают свои бесстрашные игры с беснующимся ураганом, они задевают во мне ту самую струну, которая звучит в ответ на трель крапивника, распевающего в ясный морозный день, или при виде вечнозелёного растения в снегу. Они поддерживают во мне надежду и крепость духа — те самые чувства, символом которых издавна стала рождественская ёлка.

Уже давно ушла от меня Джок, пав жертвой несчастного случая. Красно-золотая погибла в старости, застреленная из духового ружья соседским сорванцом. Я нашёл её мёртвой в саду. Но колония галок в Альтенберге процветает до сих пор. Галки носятся вокруг нашего дома, направляя свой полет по тем самым невидимым маршрутам, которые некогда были проложены Джок, и пользуются теми же восходящими потоками воздуха, которые подбрасывали Джок к небу. Они верно чтят все те традиции, которые господствовали в нашей первой колонии и были переданы следующим поколениям через Красно-золотую.

Как благодарен я буду судьбе, если найду хотя бы одну тропинку, по которой смогут последовать за мной другие исследователи. И сколь бесконечно счастлив я буду, если мне удалось открыть один-единственный «восходящий поток», который сможет поднять кого-нибудь из учёных повыше, откуда он увидит немного дальше, чем смог увидеть я сам.

МОРАЛЬ И ОРУЖИЕ

Те, кто способны ранить, но не ранят,
Не делают того, что ждём от них…
Шекспир, Сонеты

Ранним весенним утром в начале марта, когда в воздухе уже пахнет пасхой, мы с дочерью отправились на прогулку в Венский лес. С непревзойдёнными в своей прелести склонами венских окрестностей, поросшими высоченными буками, могут сравниться по красоте лишь немногие уголки земли. Мы приближались к лесной прогалине. Гладкие стволы могучих буков расступились, и нашим глазам открылся Хорнбим, одетый от вершины до подножья пышной светло-зелёной листвой. Теперь мы продвигались вперёд медленно и осторожно. Прежде чем миновать последние заросли кустарника и выйти на широкий луг, мы поступили так, как на нашем месте поступил бы всякий дикий зверь (кабан, леопард) или опытный натуралист-следопыт и зоолог, — мы внимательно осмотрелись, находясь под укрытием зарослей, которые и охотнику, и спасающемуся от него дают одинаковое преимущество: все видеть, самому оставаясь невидимым.

Вековая стратегия и на этот раз оправдала себя. Посреди поляны сидел большой толстый заяц. Его спина была обращена к нам, а поднятые уши напоминали большую римскую пятёрку. Ветерок дул в нашу сторону, поэтому заяц и не подозревал, что за ним наблюдают. Его внимание было поглощено происходящим на другом краю луга. Там появился второй заяц и медленными прыжками, с достоинством направился к нашему первому приятелю. Их встреча напоминала знакомство двух собак. Осмотрев друг друга оценивающими взглядами, зайцы начали состязание. Сначала они носились маленькими кругами, так что голова одного из них все время находилась у самого хвоста его противника. Головокружительное вращение продолжалось довольно долго. Внезапно сдерживаемая неприязнь вырвалась наружу. Драка началась в тот самый момент, когда затянувшиеся взаимные угрозы зверьков заставили нас подумать, что ни один из них так и не решится на открытые действия.

Оказавшись лицом к лицу, зайцы поднялись на задние лапы и начали свирепо колотить друг друга передними. Они подпрыгивали вверх, сталкивались в воздухе и с пронзительным визгом и хрюканьем обрушивали на противника град пинков, которые сыпались с такой

необычайной быстротой, что лишь замедленная киносъёмка могла бы восстановить последовательность отдельных движений. Потом снова возобновились гонки по кругу, на этот раз в ещё более быстром темпе. Снова схватка, гораздо более озлобленная. Соперники были настолько поглощены выяснением своих отношений, что нам с дочерью ничего не стоило подкрасться на цыпочках совсем близко, хотя мы и рисковали нарушить лесную тишину. Любой нормальный и благоразумный заяц давным-давно услышал бы наши шаги, но ведь шёл март, а всем известно, что Мартовский Заяц[75] безумен. Весь этот боксёрский матч выглядел настолько комично, что даже моя дочь, строго приученная с детства соблюдать полнейшую тишину в момент наблюдений за животными, все же не могла сдержать лёгкого смешка. Это уж было слишком даже для наших Мартовских Зайцев — они метнулись в разные стороны, и лужок опустел. Только клочки белого пуха, лёгкие, как летучки одуванчика, ещё плавали в воздухе над поляной.

Не только забавна эта дуэль невооружённых, свирепая ярость кротких сердцем! В самом ли деле наши зайцы так уж кротки? Действительно ли они «мягкосердечнее» свирепых хищников? Бели вам при посещении зоопарка случится стать свидетелем стычки между двумя львами, волками или орлами, едва ли эта сцена вызовет у вас улыбку, И тем не менее столкновения монархов животного царства оканчиваются не более трагично, чем драка безвредных зайцев. Люди привыкли судить поступки травоядных и хищных животных, применяя к ним совершенно неприложимые в данном случае моральные критерии. Даже в волшебных сказках царство зверей рассматривается как некое единство вроде человеческого общества, словно все разнообразные виды животных принадлежат к одной семье, подобно роду человеческому. Именно по этой причине обывателю свойственно оценивать поступки хищника, настигшего свою жертву, по тем же самым моральным канонам, по которым судят убийцу в цивилизованном обществе. Большинство людей не отдают себе отчёта в том, что лисица, поймавшая зайца, находится точно в таком же положении, как и охотник, застреливший зверька на обед. Нет, лисицу осуждают так строго, как осудили бы охотника, взявшего привычку стрелять фермеров и жарить их к ужину. «Безнравственному» хищнику наклеивают ярлык убийцы, хотя его охотничья жизнь гораздо более оправдана и несравненно более необходима для поддержания его существования, чем подвиги ружейного стрелка. Содержимое ягдташа мы редко называем «жертвой» охотника, и лишь один писатель, позже подвергнутый серьёзнейшему моральному осуждению, осмелился следующим образом окрестить охотника за лисами: «безответственный, преследующий несъедобных». Что же касается отношений с другими особями своего вида, хищные звери и птицы, оказывается, несравненно более сдержанны, чем многие «безобидные» животные-вегетарианцы.

Сражения между обыкновенными или кольчатыми горлицами выглядят ещё более несерьёзно, чем заячья дуэль. Мягкий удар хрупкого клювика, слабый толчок лёгкого крыла — все это для глаза непосвящённого более похоже на ласку, чем на агрессию. Как-то я задумал скрестить африканскую кольчатую горлицу с несколько более мелкой и хрупкой обыкновенной горлицей, обитающей в европейских лесах. С этой целью посадил в

75 Мартовский Заяц — сказочный персонаж из произведение английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

комнатный садок самку первого вида и самца — второго. Обеих птиц я вырастил дома, и они были совершенно ручные. Я не принял всерьёз их стычки, которые первоначально происходили у меня на глазах, Как могут голуби — эти образчики любви и добродетели — нанести вред друг другу? И я уехал в Бену, оставив птиц наедине. Вернулся я на следующий день — страшное зрелище предстало моим глазам. Самец лежал на полу клетки. Его темя, шея и спина были не только совершенно ощипаны, но и превратились в сплошную кровоточащую рану. На растерзанном голубе, словно орёл на своей добыче, сидел второй «вестник мира». Сохраняя своё обычное мечтательное выражение, которое и создало голубям славу миролюбцев, эта очаровательная леди продолжала ковырять своим серебристым клювиком израненную спину своего поверженного супруга. Когда тот собрал остатки сил и попытался спастись бегством, самка лёгким толчком крыла снова повалила его и продолжала свою методичную, безжалостную, разрушительную работу. Не вмешайся я, птица, несомненно, прикончила бы собрата, хотя она была настолько усталой, что у неё почти слипались глаза.

За всю свою жизнь я только дважды был свидетелем таких же сцен страшного увечья, наносимого себе подобным: наблюдая ожесточённые драки цихлидовых рыб, которые в буквальном смысле слова сдирают друг с друга кожу, и в бытность мою военным хирургом, когда на моих глазах высшие из позвоночных животных занимались массовым излечением своих ближних. Однако вернёмся к нашим «безвредным» вегетарианцам. Битва зайцев, которую мы наблюдали на лесной поляне, тоже могла бы закончиться кровопролитием, если бы она происходила в клетке, где побеждённый не может спастись бегством от победителя.

Если уж кроткие зайцы и горлицы наносят себе подобным такие увечья, то какие же страшные драки должны происходить между хищными животными, которых природа снабдила опасным оружием, чтобы они могли убивать свою добычу? Вы, несомненно, подумаете так, но всякий добросовестный натуралист должен проверить на опыте даже такие положения, которые кажутся сами собой разумеющимися, прежде чем он признает их истинность. Так давайте познакомимся с волком — этим символом жестокости и вероломства. Как он относится к своим собратьям?

В Випснейде, этой обетованной земле натуралистов, живёт стая лесных волков. Из-за высокой изгороди, сделанной из сосновых брёвен завидной толщины, мы можем наблюдать повседневную жизнь волков в обстановке, которая не столь уж сильно отличается от полной свободы. Прежде всего, не кажется ли вам странным, почему невинные шалости пушистого толстолапого щенка не стоили ему жизни? На ваших глазах попытка неуклюжего маленького озорника пуститься галопом оканчивается тем, что он оступается и со всего размаху налетает прямо на старого «грешника» самого свирепого вида. Как странно — тот и не заметил щенка,

даже не зарычал на него. Но вот до нас доносится громыхание воинственных голосов. Это низкие звуки, более зловещие, чем те, что издают дерущиеся псы. Но мы засмотрелись на волчонка и становимся свидетелями битвы взрослых волков, когда она уже в разгаре.

Не поладили двое — старый огромный волк и другой, не столь внушительной внешности, очевидно, более молодой. Они ходят друг за другом маленькими кругами, демонстрируя превосходную «работу ног». Обнажённые клыки щёлкают непрерывно, это целый каскад символических укусов, следующих друг за другом с такой быстротой, что глаз просто не в состоянии уследить за ними. Пока это и все. Челюсти одного волка рядом, совсем рядом с блестящими белыми зубами противника, который настороже и готов отразить атаку. Только на губах по одной-две маленьких ранки. Молодой волк постепенно начинает сдавать. Видимо, старик сознательно оттесняет его к изгороди. Затаив дыхание, ждём, что случится, когда теснимое животное окажется «у каната». Вот отступающий ударился о забор, споткнулся… и старый волк уже над ним. И тут случилось невероятное, как раз противоположное тому, чего мы ожидали. Неистовое кружение двух серых тел внезапно прекратилось.

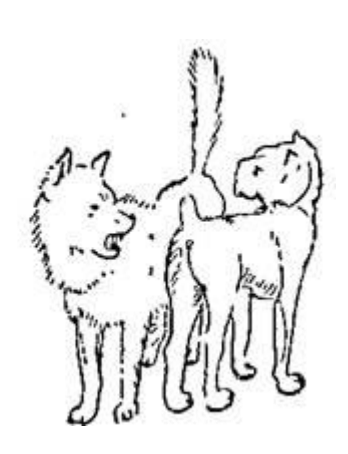
Плечом к плечу, в напряжённых, одеревеневших позах оба зверя остановились вплотную друг к другу, обратив головы в одну сторону. Оба свирепо ворчат: старик — глубоким басом, молодой — тоном выше, и в его рычании проглядывает глубоко запрятанный страх. Но посмотрите внимательнее, как стоят противники. Морда старого волка рядом, совсем рядом с загривком врага, а тот отвернул морду в противоположную сторону, подставив неприятелю незащищённую шею, своё наиболее уязвимое место. Клыки старика блестят из-под злобно приподнятой губы, они в каком-то дюйме от напряжённых шейных мышц соперника, как раз в том месте, где под кожей проходит яремная вена[76]. Вспомните — в разгар битвы оба волка подставляли друг другу только зубы, наименее уязвимую часть тела. Теперь же потерпевший поражение боец намеренно подставляет врагу свою шею, укус в которую, несомненно, окажется смертельным. Говорят, что первое впечатление обманчиво, но на этот раз пословица не оправдывает себя.

Подобную же сцену можно наблюдать порой, когда на улице встречаются две дворняжки, два взрослых кобеля. Напрягши ноги, подняв хвосты кверху и взъерошив шерсть, они направляются навстречу друг другу. Чем меньше разделяющее их пространство, тем напряжённее тела и тем выше кажутся псы. Шерсть поднимается дыбом, движения все медленнее и медленнее. Они сходятся не так, как это делают драчливые петухи — голова к голове. Собака почти минует соперника и останавливается в тот самый момент, когда её голова находится возле хвоста незнакомца. Строгий церемониал требует, чтобы в следующую минуту псы обнюхали друг другу основание хвоста. Если одна из собак не в состоянии преодолеть свой страх, она прячет хвост „между ногами и начинает быстро сучить

---

[76] Яремные вены — два крупных кровеносных сосуда, расположенные по бокам шеи и несущие кровь от головы к сердцу.

им, тем самым скромно отказываясь от своего первоначального согласия вступить в переговоры. Если же оба пса остаются в позах самовосхваления, подняв хвосты кверху, наподобие знамён, тогда церемония взаимного обнюхивания затягивается. Пока что ещё возможно мирное урегулирование конфликта, если одна из собак, а вслед за ней и другая начнут помахивать хвостами, виляя ими все быстрее. Тогда мучительная нервная ситуация выльется в обычную весёлую возню. В противном случае положение становится все более напряжённым. Собачьи носы начинают морщиться, губы кривятся, обнажая клыки с той стороны, которая обращена к сопернику, и морды принимают отталкивающее, жестокое выражение. Животные начинают скрести землю задними лапами, раздаётся глухое ворчание, и в следующее мгновение псы с громкими пронзительными воплями бросаются друг на друга.

Однако вернёмся к нашим волкам, которых мы оставили в весьма трудной ситуации. Я не случайно отвлёкся от основной темы рассказа именно в этом месте, ибо животные могут очень долго стоять неподвижно друг подле друга, и если для наблюдателя этот период измеряется минутами, то побеждённому волку он может показаться часами. Вам кажется, что вот-вот наступит развязка. Затаив дыхание, вы ждёте, что в следующий момент зубы победителя разрежут яремную вену неудачника. Но ваш страх безосновательен, ибо этого не случится. В той ситуации, о которой идёт речь, сильнейший никогда не тронет побеждённого соперника. Вы можете заметить, что победителю и хотелось бы проучить врага, но он просто не может сделать этого! Собака или волк, подставляющие противнику шею, никогда не будут укушены всерьёз. Выигравший сражение рычит, ворчит, щёлкает в воздухе челюстями, иногда даже проделывает такое движение, словно встряхивает невидимую жертву. Но это удивительное «запрещение» действует лишь до тех пор, пока потерпевшее животное остаётся в позе покорности. А поскольку битва остановилась внезапно, в тот самый миг, когда побеждённый принял эту позу, победителю часто приходится застыть в не очень удобном положении. Для него вскоре становится утомительным держать морду вплотную у шеи неприятеля. И тогда победившее животное отходит в сторону. Пользуясь этим, неудачник пытается бежать. Но это удаётся ему далеко не всегда, ибо как только он изменит позу подчинения на любую Другую, враг сразу же набрасывается на свою несчастную жертву, которая снова вынуждена принять первоначальное положение. Это выглядит так, словно победитель только и ждёт момента, когда другой оставит позу покорности и тем самым позволит ему осуществить своё настоятельное желание — укусить врага. К счастью для подчинённого, его властелин к концу сражения одержим неотложным желанием оставить на поле боя свою метку и тем самым закрепить за собой эту территорию. Иными словами, он должен «поднять ногу» около ближайшего вертикального предмета. Эта церемония закрепления права на собственность обычно предоставляет побеждённому возможность удрать.

В результате этих простых наблюдений мы подходим к пониманию явлений, которые актуальны и в нашей повседневной жизни. В разнообразном внешнем выражении они окружают нас со всех сторон, словно ожидая, когда мы осознаем их внутреннюю сущность.

«Социальные сдерживатели» подобного рода отнюдь не редкость, напротив, они настолько распространены, что мы привыкли смотреть на них как на нечто само собой разумеющееся и, проходя мимо, не останавливаем на них своего внимания. Старая пословица гласит, что ворон ворону глаз не выклюет, и это одна из немногих справедливых пословиц. Ручной ворон никогда не клюнет в глаз и человека. Когда мой питомец Роу сидел у меня на руке, я специально подносил его к своему лицу так близко, что кончик хищно изогнутого клюва почти касался моего открытого глаза. Поведение птицы в эти минуты было просто трогательным. Нервными, беспокойными движениями ворон убирал клюв подальше от глаза, точно так же, как отец убирает лезвия бритвы от пытливых пальчиков своей крошечной дочери.

Только в некоторых, вполне определённых обстоятельствах Роу не отодвигался от моего лица, У многих видов высших общественных животных, птиц и млекопитающих, в том числе у всех обезьян, принято чистить одеяние своих собратьев на тех участках тела, которые животное не в состоянии содержать в чистоте самостоятельно. У птиц опрятность и порядок перьев на голове и особенно вокруг глаз в значительной степени зависят от внимания других особей вида. Описывая поведение галок, я уже рассказывал о тех жестах, при помощи которых одна из них приглашает другую расчесать оперение её затылка. Когда я закрываю глаза и сбоку придвигаю к ворону своё лицо, птица понимает мой жест совершенно недвусмысленно (хотя я и не могу «взъерошить перья» на голове) и сразу же начинает свои косметические операции. Ни разу ворон не ущипнул меня — ведь у птиц эпидермис очень нежен, он не выдержал бы грубых прикосновений. С удивительной аккуратностью птица подвергает каждый волосок химической чистке, протаскивая его между створками своего клюва. Она работает с той самой напряжённой сосредоточенностью, которая отличает выискивающую насекомых обезьяну и оперирующего хирурга. Я не шучу: взаимный уход за шкурой у обезьян, особенно человекообразных, не ограничивается ловлей насекомых и чисткой шерсти, но включает также и более тонкие операции — удаление шипов и колючек и даже выдавливание небольших нарывчиков.

Когда ворон манипулирует своим страшным клювом возле открытого человеческого глаза, это действительно зловещее зрелище, и я часто слышал предостережения от свидетелей этой процедуры: Вы ничего не можете знать — ворон есть ворон», и другие подобные же мудрые высказывания. Я отвечал на это следующим парадоксом: доброжелатель может быть потенциально гораздо опаснее ворона. Нередки случаи, когда человек бывал убит сумасшедшим, до этого скрывавшим своё состояние при помощи хитрости и притворства, столь типичных для подобных заболеваний. Поэтому никогда не исключена вероятность, хотя она крайне мала, что ваш доброжелательный гость находится во власти такого недуга. Но неожиданная утрата взрослым и здоровым вороном своих инстинктивных сдерживателей — это вещь гораздо более невероятная, чем нападение со стороны старого приятеля.

Почему собака обладает сдерживателями, не позволяющими ей укусить в шею своего поверженного врага? Почему у ворона есть сдерживатели, не дающие ему клюнуть в глаз другого ворона? Почему у горлицы нет таких сдерживателей? Дать исчерпывающий ответ на эти вопросы почти невозможно. Для этого нам пришлось бы дать историческое объяснение тем процессам, благодаря которым эти сдерживатели развивались в результате эволюции. Во всяком случае несомненно, что они возникли одновременно с появлением страшного оружия нападения у хищных животных. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что подобные психические механизмы необходимы всем вооружённым животным. Если бы ворон клевал в

глаз самку и молодых, так же, как он клюёт всякий движущийся и блестящий предмет, то сейчас уже не было бы этих птиц на земном шаре. Точно так же, если бы собака или волк кусали в шею своих партнёров по стае, и, схватив, трясли бы в воздухе, эти виды животных определённо подверглись бы самоистреблению в течение короткого времени.

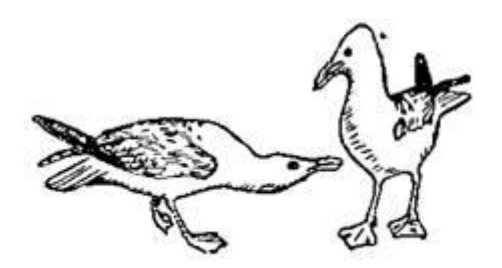
Кольчатая горлица не обладает сдерживающими механизмами, поскольку её возможность нанести собрату серьёзные повреждения много меньше, а способность спасаться бегством настолько велика, что уже одно это служит достаточной защитой против всяких хорошо вооружённых врагов. Только в искусственных условиях, в тесном заточении, когда более слабый голубь не имеет возможности улететь, становится очевидным, что кольчатые горлицы не обладают соответствующими сдерживателями. Многие другие «безвредные» травоядные становятся столь же неразборчивыми в средствах борьбы, когда оказываются в клетке наедине с себе подобными.

Если верить общей молве, косуля занимает второе место после горлицы по мягкости и кротости своего нрава, на самом же деле это одно из самых отвратительных, коварных и безжалостных животных. Бык косули вдобавок к своему злобному характеру имеет ещё острые рога, которые тем более опасны, что животное пускает их в ход без всякого ограничения. В природе это отсутствие контроля вполне объяснимо, ибо даже самая слабая косуля легко убежит от ударов быка. В зоопарке же самца косули можно содержать вместе с самками лишь в очень большой вольере. Если клетка невелика, бык рано или поздно загонит слабейшего, будь то самка или телёнок, в угол вольеры и забодает насмерть. Единственная особенность, которая в какой-то мере страхует от смертоносных рогов животного, — это его манера начинать атаку очень медленно. Косуля не бросается на соперника с опущенной головой, как сделал бы, например, баран, но приближается чрезвычайно спокойно, осторожно ощупывая рогами рога противника. Только когда два быка сплелись рогами и каждый чувствует сильное противодействие со стороны неприятеля, только тогда и начинается борьба не на жизнь, а насмерть. По статистическим данным, собранным прежним директором Нью-Йоркского зоопарка В. Т. Хорнедей, ручные косули ежегодно причиняют гораздо больше неприятностей, чем львы и тигры, главным образом вследствие того, что непосвящённый не может расценивать медленное приближение животного как начало серьёзного нападения даже и в тот момент, когда рога его находятся уже в угрожающей близости. Внезапно один удар начинает следовать за другим с неожиданной силой, и вам здорово посчастливится, если вы успеете схватить руками острые рога агрессора. А затем следует продолжительная борьба, в ходе которой вы истекаете потом, а руки ваши обагряются кровью. Только очень сильный мужчина может с большим трудом одолеть быка косули, если сумеет зайти с фланга и пригнуть рога животного к его спине. Пострадавший, естественно, постесняется звать на помощь до тех пор, пока острый кончик одного из рогов не окажется в его теле. Так что примите мой совет: если прелестный ручной самец косули, играя и грациозно покачивая рогами, приближается к вам, ударьте его как можно сильнее по носу своей тростью, камнем или просто кулаком, прежде чем он успеет коснуться рогами вашей персоны.

Теперь судите по справедливости, кто «хорошее» животное — мой друг Роу, чьей инстинктивной сдержанности я могу доверить даже «зеницу ока», или кроткая горлица, которая часами трудилась над тем, чтобы замучить своего супруга до смерти? Кто более «безнравственное» животное — самец косули, способный распороть брюхо самке или телёнку своего же вида, если они не смогут спастись бегством, или же волк, который не может укусить ненавистного врага, когда тот просит пощады?

А сейчас давайте коснёмся другого вопроса. В чем сущность всех этих поз подчинения, посредством которых животные общественных видов взывают к милости своего более сильного собрата? Мы только что видели, что потерпевший поражение волк подставляет зубам победителя как раз те самые участки тела, которые особенно тщательно оберегались им во время жестокой схватки, чем, казалось бы, всячески способствует своему более удачливому сопернику нанести последний удар. Все известные нам сейчас жесты

покорности, характерные для общественных видов животных, имеют в своей основе один и тот же принцип: молящий о пощаде неизменно открывает неприятелю наиболее уязвимые органы, которые в момент сражения служат единственной мишенью для завершающего смертоносного выпада. У большинства птиц наиболее болезненное место — это затылок, основание черепа. Когда галка хочет продемонстрировать свою покорность, она приседает на корточки, выгибает шею дугой и, повернув голову в сторону от соперника, слегка наклоняется к нему, словно приглашает его нанести удар клювом в роковое место, где череп сочленяется с позвоночником. Чайки и цапли в такой же ситуации вытягивают шею вперёд и держат её в горизонтальном положении над самой землёй, подставляя победителю темя, — в этой позе птица оказывается совершенно беззащитной.

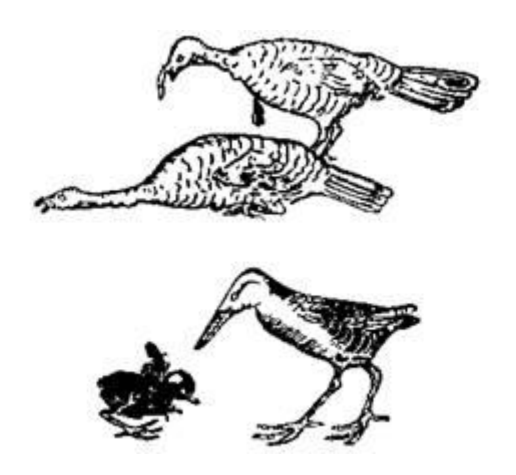
У большинства куриных птиц драка петухов обычно оканчивается тем, что один из драчунов повергает другого на землю и, воспользовавшись своим преимуществом, безжалостно клюёт и щиплет своего незадачливого соперника. Лишь у одного вида куриных, у американской дикой индейки, победитель в подобной ситуации щадит побеждённого. И как раз для этих птиц характерны особые позы подчинения, задача которых — предупредить смертоносное нападение. Если один из участников столь обычного для индюков необузданного и гротескного поединка приходит к выводу о бесполезности дальнейших усилий, он просто ложится на землю и вытягивает вперёд шею. А победитель ведёт себя в точности, как волк или собака в подобной же ситуации; иными словами, он испытывает большое желание напасть на распростёртого ниц противника, чтобы клевать и топтать его ногами, но просто не может сделать этого! Все в той же своей угрожающей позе чемпион бродит вокруг да около неподвижного неприятеля, делает выпады в его сторону и все же не трогает врага.

Такое поведение, несомненно, идущее на пользу всему индюшачьему племени, может привести к трагическим последствиям для индюка, вступившего в драку с павлином. Такая вещь нередко случается в условиях неволи, поскольку способы, к которым прибегают петухи этих двух видов, чтобы продемонстрировать своё мужское достоинство, более или менее похожи. Несмотря на заметное преобладание в весе и силе, индюк почти неизменно проигрывает матч: павлин лучше летает и располагает более разнообразными приёмами боя. В то время когда красно-коричневый американец[77] ещё только разминается перед стычкой, синий индиец уже взлетает в воздух и бьёт противника остро отточенными шпорами. Индюку, который приготовился вести бой в соответствии с законами его племени, такая поспешность кажется неоправданным нарушением всех правил. Он ещё полон сил, однако сразу же признает себя побеждённым и ложится на землю, тем самым намереваясь положить конец всему происходящему. И тут случается ужасное: павлин «не понимает» этого языка жестов. Иными словами, поза подчинения, которую принял индюк, не останавливает боевого задора его врага. Павлин продолжает клевать и лягать поверженного противника, и если никто не явится, чтобы вызволить его из беды, то индюк обречён. Чем больше пинков и ударов он получает, тем в большей степени его желание спастись бегством подавляется

[77] Автор имеет в виду, что родиной домашнего индюка является Новый Свет. Дикая индейка (Meleagria gallopavo) — предок домашнего индюка, обитает в США, Мексике и Центральной Америке. Родина обыкновенного павлина (Pavo cristatus) — Индия я Цейлон.

психофизиологическими механизмами, вызывающими подчинённое поведение. Птица просто не в состоянии вскочить на ноги и бежать прочь.

Тот факт, что многие виды птиц обладают специальными органами, сущность которых — предотвратить нападение со стороны других особей вида, указывает на чисто инстинктивную природу и эволюционную древность этих реакций подчинения. На голове у юных водяных пастушков[78] есть голый, лишённый перьев участок кожи. В тот момент когда птенец преднамеренно демонстрирует своё темя более старым и сильным птицам своего вида, этот кусочек кожи приобретает насыщенную красную окраску. У высших млекопитающих и у человека можно найти подобные же социальные сдерживатели, и сейчас для нас несущественно, имеют ли они столь же механический и непроизвольный характер. С точки зрения конечного результата неважно, какие причины не позволяют господствующему индивиду нанести серьёзные повреждения своему более слабому собрату — то ли простые, чисто рефлекторные врождённые механизмы, то ли высшие философские соображения и нормы морали. Сущность поведения и в том и в другом случае одинакова: смирившееся существо внезапно отказывается от самозащиты и как будто бы развязывает руки убийце. Но именно в тот момент, когда с пути последнего устранены все препятствия, в его центральной нервной системе возникают непреодолимые внутренние преграды, не позволяющие решиться на последний шаг.

Не так ли и сам человек просит пощады? Гомеровские воины, желая сдаться на милость победителя, отбрасывали в сторону шлем и щит, падали на колени и склоняли голову. Они проделывали те самые действия, которые должны были облегчить вражескому воину его задачу — нанести смертельный удар, а на самом деле удерживали занесённый меч. У Шекспира Нестор говорит Гектору:

Ты в воздухе клинок свой задержал,
Чтоб меч твой на упавшего не падал.

Даже и по сей день многие символы подобного рода сохранились в проявлениях нашей учтивости и вежливости — мы кланяемся друг другу, приподнимаем шляпу, приветствуем знакомых протянутой рукой. Если верить античному эпосу, то создаётся впечатление, что обращение к милости победителя у человека не есть следствие «внутреннего запрещения», которое абсолютно непреодолимо. Герои Гомера были далеко не столь мягкосердечны, как наши випснейдские волки. Поэт приводит много эпизодов, когда поверженного воина убивали без малейшего сожаления. И в норвежских героических сагах есть немало подобных же примеров. Лишь с наступлением эры рыцарских приключений было признано

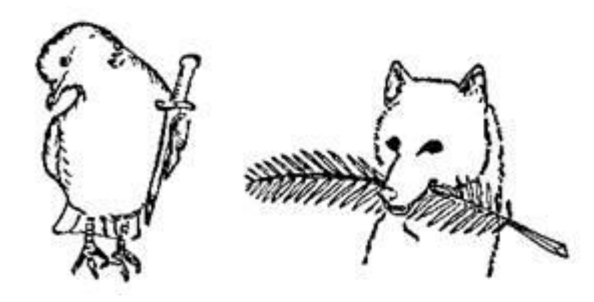
[78] Водяной пастушок (Rallus aquaticug) — птица из отряда Пастушков, широко распространённая в Евразии. Держится в тростниковых и камышовых зарослях по берегам пресноводных водоёмов.

«неспортивным» убивать противника, который просит пощады. Рыцарь эпохи христианства, по существу, был первым, кто в соответствии с нерушимыми традициями и нормами религиозной морали проявлял поистине волчье благородство и непринуждённую сдержанность в отношения побеждённого врага. Какой удивительный парадокс!

Конечно, врождённые, закреплённые наследственностью сдерживающие механизмы, препятствующие животному без разбору применять своё оружие против других особей своего вида, — это лишь внешний аналог, в лучшем случае отдалённый предвестник общественной морали человека. Мы должны с крайней осторожностью относиться ко всякой попытке перенесения моральных критериев на отношения между животными. Но здесь я хочу высказать одну свою затаённую мысль. Мне кажется, самое замечательное заключается не в том, что одни из волков не в силах вонзить зубы в незащищённую шею другого, а в том, что этот другой вполне полагается на поразительную сдержанность своего более сильного врага. Человечеству есть чему поучиться у этого животного, которое Данте назвал La bestia senza pace[79]. По крайней мере, я извлёк из знакомства с поведением волков новое и, очевидно, более глубокое понимание одного места из Евангелия, которое сплошь и рядом трактуется совершенно неверно и у меня самого до недавнего времени вызывало резко отрицательное отношение: «Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую». Не для того вы должны подставлять врагу другую щеку, чтобы он снова ударил вас, а для того, чтобы он не смог сделать этого.

Когда в ходе своей эволюции животные приобретают опасное оружие, при помощи которого индивидуум может одним ударом убить другого себе подобного, одновременно в целях сохранения вида развиваются и особые сдерживающие механизмы, препятствующие неумеренному использованию такого оружия. Среди хищных зверей есть всего несколько видов, ведущих одиночный образ жизни, и именно эти существа не располагают социальными сдерживателями. Такие животные встречают себе подобных только в сезон размножения, когда их сексуальные эмоции господствуют над всеми остальными и подавляют агрессивность.

Среди этих «антиобщественных» отшельников можно назвать белого медведя и ягуара.

---

[79] La bestia senza pace (итал.) — зверь, незнающиймира.

Как раз им и принадлежит бесславное первенство среди других животных, содержащихся в зоопарках: эти хищники в условиях неволи особенно часто убивают своих собратьев. Система наследственных сдерживающих импульсов вместе с оружием, приобретённым общественными видами животных в процессе эволюции, образует единый отрегулированный комплекс. Обе его составные части развивались параллельно в ходе эволюции каждого вица животных, населяющих нашу планету. Иными словами, и строение тела, и поведение вида — это лишь части единого и неразрывного целого.

И если у Природы путь такой,
Могу ли я не горевать о том,
Куда людей уводит род людской?

Вордсворт был прав: лишь у одного вида живых существ из всех, обитающих на Земле, оружие не является частью его организма, и, следовательно, инстинкт не налагает ограничений на его применение. Это существо — человек. В течение каких-нибудь нескольких десятилетий человеческое оружие превратилось в чудовищную смертоносную силу, которая продолжает безостановочно возрастать. Но для развития сдерживающих начал, так же, как и телесных органов, нужно время — не столетия, которыми оперируют историки, но такие длительные периоды, с которыми имеют дело геология и астрономия. Мы получили своё оружие не от природы, мы сами создали его. Как человечество поведёт себя в дальнейшем — ограничит ли оно производство оружия или же выработает в себе чувство ответственности за судьбы планеты, без чего наш мир может погибнуть от наших собственных рук? Мы должны сознательно и целенаправленно вырабатывать терпимость, раз уж не можем положиться на инстинкт. Свыше тридцати лет назад, в ноябре 1935 года, я закончил свою статью «Мораль и оружие у животных» следующими словами: «Придёт день, когда два враждующих лагеря окажутся лицом к лицу, перед опасностью взаимного уничтожения. Может наступить день, когда все человечество разобьётся на два таких лагеря. Как мы поведём себя в этом случае — подобно горлицам или подобно волкам? Судьба человечества будет зависеть от того, как люди ответят на этот вопрос. Мы должны быть бдительны!».

